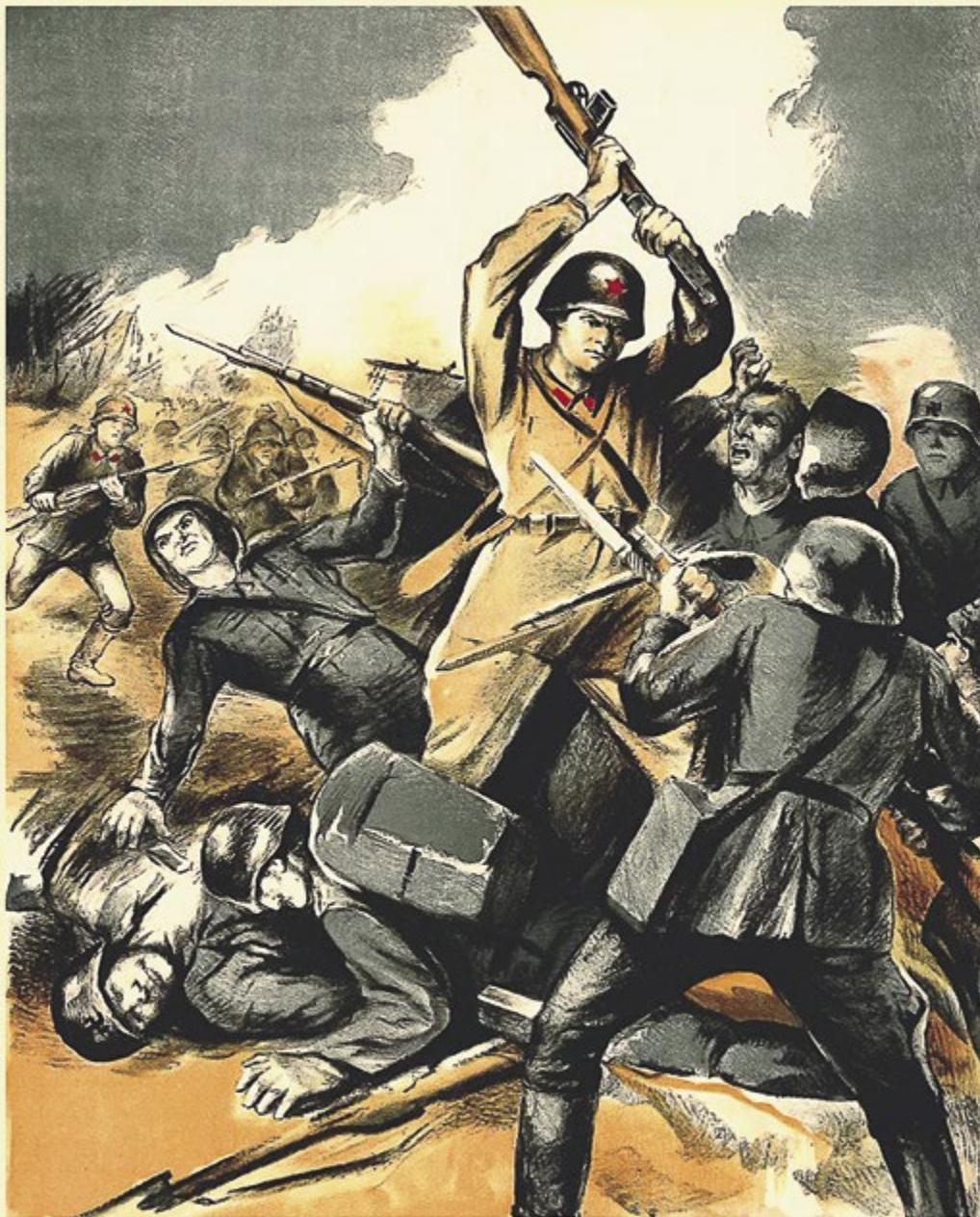

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

БОЕЦ, ОКАЗАВШИЙСЯ В ОКРУЖЕНИИ

**БОРИСЬ ДО ПОСЛЕДНЕЙ
КАПЛИ КРОВИ**

МЫ ПОМНИМ. И ДРУГИЕ ПУСТЬ ПОМНЯТ.
С Днем Победы!

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.
РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.
РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.
РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

ПОМНИМ ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ. БУДУТ И НОВЫЕ

НЫНЕШНЯЯ, УЖЕ 73-Я ГОДОВЩИНА ПОБЕДЫ в Великой Отечественной войне отмечается в сложной международной обстановке. Отношения России со странами-основными участниками антигитлеровской коалиции находятся в наихудшем виде со времен окончания холодной войны. Впрочем, пора перестать сравнивать с той холодной войной, мы уже, кажется, живем в обстановке новой.

В политике Запада, особенно в вопросах, касающихся отношений с Россией, возобладали двойные стандарты. Ложь выдается за чистую правду, фальсификации и манипуляции стали обычной нормой. Нашу страну обвиняют чуть ли не во всех смертных грехах – от отравления бывшего «двойного агента» в Великобритании до поддержки программ создания химического оружия в Сирии. Против России Западом введена «презумпция виновности»: никакие наши аргументы и доказательства не принимаются и, наоборот, самые абсурдные обвинения против нас считаются заведомо «вескими».

Впрочем, из нас уже не раз пытались лепить «империю зла», ничего не вышло. Вся русская история – это история непрекращающегося противостояния внешним вызовам. И большинство этих вызовов в новое и новейшее время приходило именно с

Запада. Так что ничего нового в этом нет. Нам не привыкать жить во враждебном окружении, выстраиваемом именно с той части света. Прорвемся и в этот раз. ⚡

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор
департамента науки,
высоких технологий
и образования
Аппарата
Правительства
Российской
Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор
департамента специальной связи
МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления
президента
Российской
Федерации
по межрегиональным
и культурным связям
с зарубежными
странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента
Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06** Экспертиза на отлично
08 «Черная метка»
для президента Латвии

РУССКИЙ ЯЗЫК

- 12** Языками схлестнулись

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

- 16** Операция
«Дети»

- 22** Не женская
доля

ИНТЕРВЬЮ

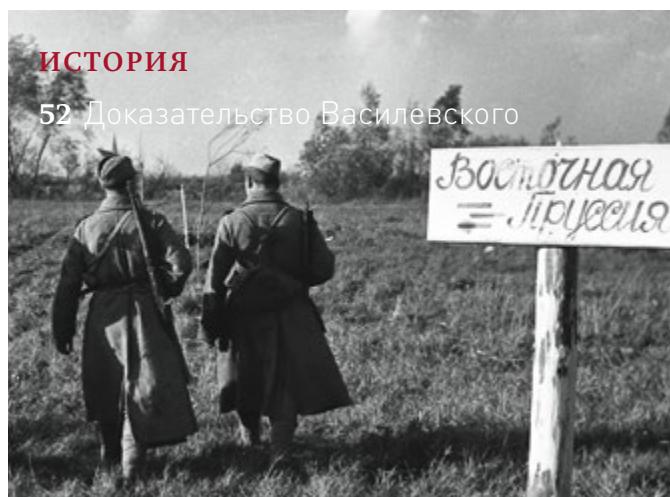
- 40** Секрет
выживания

- 46** Повесть и житие
«русос барбудос»

ИСТОРИЯ

- 52** Доказательство Василевского

- 28** Военные действия
Ярослава Голованова

- 34** «Остановите
на Ярославского»

МУЗЕИ

- 58** Наш танк
на запасном пути

- 66** Родом
из детства

НАСЛЕДИЕ

70 Высоки крутые склоны

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

78 «Последний солдат» Великой армии

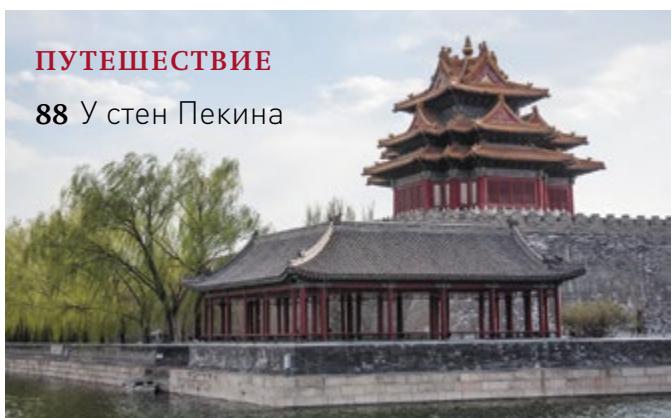
ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ

84 Кино с буфетом

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 У стен Пекина

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Дмитрий РУДНЕВ
Андрей СЕМАШКО
Юлия ЭГГЕР

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

ЭКСПЕРТИЗА НА ОТЛИЧНО

АВТОР

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ОЦЕНКА ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ДОЛЖНА БЫТЬ КАЧЕСТВЕННОЙ, ЕЙ ПРЕДСТОИТ СТАТЬ ОТКРЫТОЙ И ПРОЗРАЧНОЙ. КАК ПОВЫСИТЬ УРОВЕНЬ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПОСОБИЙ, ЭКСПЕРТЫ И ДЕПУТАТЫ ОБСУДИЛИ В СТЕНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

<<3

АКОНОДАТЕЛЬНАЯ регламентация соз- дания, экспертизы, распространения и использования учебников при реа- лизации основных образовательных программ общего образования» – такова была тема парламентских слушаний, которые комитет Госу- дарственной думы по образованию и науке провел 30 марта 2018 года.

КТО ПЛАТИТ

Вопрос усовершенствования стан- дартов экспертизы школьных учеб- ников давно назрел. 15 июня 2017 года во время прямой линии его за- тронул президент России Владимир Путин, дав поручение Министерству образования и науки подготовить новую систему экспертизы. Предло- жениями по решению этого вопроса поделились участники парламент- ских слушаний, ведущим которых выступил первый заместитель пред- седателя комитета Государственной думы по образованию и науке Генна- дий Онищенко.

Сегодня в действующий перечень включено 1377 учебников, сказал статс-секретарь, заместитель мини-стра образования и науки РФ Павел Зенькович. Он уточнил, что речь идет как об учебниках, рекомендуе- мых к использованию при realiza- ции обязательной части основной

образовательной программы, так и о пособиях для детей с ограниченны- ми возможностями. В это число вхо- дят региональные учебники, а также те пособия, которые могут быть вы- браны при формировании программ конкретной организации.

– Столь значительное количество учебников в действующем перечне, по нашему мнению, не обеспе- чивает их высокого качества, – от- метил Павел Зенькович. – Несмотря на проводимую в установленном по- рядке экспертизу учебников, часть из них содержит ошибки, неточно- сти, фальсификации, что препят- ствует получению школьниками ка-

чествоенного образования. Замминистра поставил под сомнение объективность проводимой экс- пертизы, так как по сложившейся практике ее оплачивает заказчик, будь то издательство или сам автор.

Ведущим парламентских слушаний выступил Геннадий Онищенко

Павел Зенькович предположил, что оплата экспертиз за счет государ- ственных средств повысила бы объ- ективность их результатов.

Учебники проходят до четырех экспертиз: научную (или научную исто-рико-культурную, если речь идет об учебниках истории), педагогиче- скую, общественную и этнокуль- турную региональную. В ходе каждой из них работает не менее трех экспертов. Павел Зенькович предло- жил закрепить ответственность этих экспертов, как и автора учебника, за качество пособия. Он также настаи- вает на необходимости проведения экспертизы в полном объеме при внесении изменений в учебники. Чиновник считает, что необходимо законодательно закрепить термин «базовый учебник», что позволит выработать совсем другие подхо- ды к разработке и экспертизе такой категории учебных пособий.

ЗАЙЦАМ ЛУЧШЕ УМЕРТЬ

Качество сегодняшних учебников считает неудовлетворительным Любовь Духанина, заместитель пред- седателя комитета Государствен- ной думы по образованию и науке. По ее мнению, не хватает заданий для базовых уровней, страницы по-собий перегружены сложными на-учными терминами, язык изложения зачастую сложен и непонятен детям. Встречаются и вовсе вопиющие мо-менты. Так, в одном из учебников для первоклассников есть неболь- шой рассказ про зайцев. В ходе по-вествования животные обсудили, как им плохо живется, и пришли к выводу, что им следует утопиться. Лучше умереть, чем жить в страхе, решили зайцы. «Лучше умереть, чем мучиться с зубом», – сообщил пер-воклассник бабушке, когда нужно было срочно ехать к стоматологу.

– Это не означает, что подобные «установки» при одном прочтении становятся как бы вот такой миро-воздренческой позицией, но они точно становятся некоторыми мемами, которые дети начинают использо-вать, – сказала Любовь Духанина. Она также добавила, что в откры-том доступе необходимо размещать не только результаты, но и текст экс-пертизы. Тогда професиональное сообщество смогло бы принимать участие в обсуждении учебника и на-

подобные примеры обязательно обратили бы внимание.

– По ряду предметных тем школьной программы существуют разные точки зрения в науке и обществе. Это тоже должно быть отражено в учебнике, а не оставаться белыми пятнами, на которые ищут ответ учитель, ученик, родитель самостоятельно в том объеме знаний, который им доступен, – уверена Любовь Духанина.

УЧЕБНИКИ ДЛЯ ВСЕХ

Бесплатные учебники – базовое условие доступности бесплатного школьного образования, уверена Любовь Духанина. Однако только 8 процентов родителей заявили о том, что все учебники их детям достаются бесплатно, отметила депутат, сославшись на опрос, проведенный в 2017 году «Народным фронтом». 23 процента родителей покупают некоторые учебники, а 10 процентов говорят о том, что они вынуждены покупать большую часть учебников.

Сравнивая современную систему образования с советской, Любовь Духанина отмечает: учебные программы теперь не прописаны столь детально, вплоть до отдельных уроков. А ведь именно программа была основой как для автора учебника, так и для педагога, который готовится к занятиям. Сейчас учитель не может опираться на программу в той мере, в которой его коллеги делали это ранее, поэтому роль учебника возрастает.

Еще одна проблема – не хватает учебников по основным предметам для школ с преподаванием на региональных языках. В настоящее время учебники в полном объеме обеспечивают преподавание помимо русского только на татарском, хакаском, греческом и якутском.

ФАКЕЛ ИЛИ СОСУД

О том, что содержания образования в стандартах нет, напомнил первый заместитель председателя комитета Государственной думы по образованию и науке Олег Смолин. Причина – введение компетентностного подхода.

– Мы помним старую дискуссию по поводу того, что такое ученик или студент: факел, который нужно зажечь, или сосуд, который нужно наполнить? Разумеется, факел.

Но если сосуд пустой, то и факел не загорится, – сказал Олег Смолин, отметив, что возврат в государственные стандарты содержания образования будет способствовать восстановлению единого образовательного пространства.

Рост количества учебников депутат считает следствием часто меняющихся требований прежних составов Министерства образования. Вводились «линейки», «комплекты», «системы», издательства реагировали, выпуская учебники в рамках различных концепций. Навести порядок в этом сегменте Олег Смолин предложил с помощью рейтинга. Так, вместо механического сокращения количества учебных пособий будут созданы условия для поддержки и продвижения лучших учебников. Депутат предложил также вернуться к экспериментальным учебникам: вместо того чтобы отвергать или принимать работу автора, ему нужно дать возможность постепенно улучшать учебник в тесном контакте с экспертами.

При существующей системе согласований единый учебник, если он будет создан, не будет лучшим, уверен Олег Смолин. Он будет средним, «серым», и мы можем потерять все достижения, которые у нас есть, считает депутат.

Свои предложения внесли Олег Смолин и Любовь Духанина

Константин Деревянко предложил включить в систему отбора словари

СЛОВАРИ И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Своим мнением в ходе слушаний поделились эксперты, представители общественных организаций и издательского сообщества. Так, представитель некоммерческого партнерства по содействию в поддержке и сохранении русского языка «Родное слово» Константин Деревянко предложил включить в систему отбора учебных изданий словари (универсальный, толковый, орфографический, орфоэпический), учебные пособия (учебно-наглядные и учебно-методические пособия, рабочие тетради), didактические материалы (практикумы, задачники, игры).

Член-корреспондент РАО по Отделению философии образования и теоретической педагогики Александр Кондаков напомнил, что многие учебники были написаны двадцать, а то и сорок-пятьдесят лет назад. Сегодня ученик владеет современными технологиями, пользуется Интернетом, где он может в считанные секунды найти ответ на заданный вопрос. Материалы из Сети берут и преподаватели при подготовке к урокам. Существует постановление правительства по разработке программы «Цифровое образование для цифровой экономики», программы и учебники должны соответствовать концепции цифровой экономики.

О том, что дорогая экспертиза особенно оказывается на стоимости малотиражных учебников, изданных на языках малочисленных народов, говорили директор Института национальных школ Республики Саха (Якутия) Светлана Семенова и депутат Народного собрания Республики Дагестан Гамидула Магомедов. Например, за экспертную оценку одной страницы нужно отдать 17 тысяч рублей, при этом тираж некоторых пособий – не более 500 экземпляров.

Подводя итоги встречи, Геннадий Онищенко напомнил, что обсуждение новых стандартов экспертизы школьных учебников будет продолжено и все предложения экспертов, поступившие в комитет Государственной думы по образованию и науке, будут учтены при подготовке рекомендаций. ●

«ЧЕРНАЯ МЕТКА» ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА ЛАТВИИ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ЭТО ВСЕ-ТАКИ СЛУЧИЛОСЬ – ПРЕЗИДЕНТ ЛАТВИИ УТВЕРДИЛ ПОПРАВКИ К ЗАКОНУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ, В СООТВЕТСТВИИ С КОТОРЫМИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ЧАСТНЫХ ШКОЛАХ НАЦМЕНЬШИНСТВ ОБУЧЕНИЕ ВСКОРЕ БУДЕТ ПРОХОДИТЬ ТОЛЬКО НА ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ. РУССКОЯЗЫЧНЫМ ШКОЛЬНИКАМ РАЗРЕШАТ ИЗУЧАТЬ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ ТОЛЬКО РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРУ.

ГЛАВА СТРАНЫ РАЙМОНДС Вейонис решил не прислушиваться к мнению тех, кого реформа касается прежде всего. Десятки русских общественных организаций, родители учащихся школ нацменьшинств, правозащитники и активисты движения в защиту русских школ обращались к президенту страны, правительству, депутатам парламента с просьбами не лишать детей возможности получать школьное образование на

родном языке с углубленным изучением латышского языка как отдельного предмета. Все призывы и обращения были проигнорированы властями.

При вступлении в Евросоюз в 2004 году Латвия брала на себя обязательства и по соблюдению прав нацменьшинств. Новый закон грубо нарушает целый ряд международных законов и рекомендаций. Это и статья 14 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, которая требует обеспечи-

вать «надлежащими возможностями обучаться языку своего меньшинства или обучаться этому языку». Причем, как указано в пояснении, эти варианты не исключают друг друга. Нарушена и Конвенция о правах ребенка: «Во всех действиях в отношении детей... первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка». То, что обучение на родном языке в интересах ребенка – педагогическая истина, признанная в ЮНЕСКО. Так, установочный документ этой организации «Образование в многоязычном мире» гласит: «В ситуации многоязычия при возможности... должно поощряться преподавание и обучение на первом или родном языке». А вот мнение экспертов ОБСЕ: «Значительная часть учебной программы в средней школе должна преподаваться на языке меньшинства. <...> В течение этого периода число предметов, преподаваемых на государственном языке, должно постепенно увеличиваться. Согласно исследованиям, чем более постепенным будет это увеличение, тем лучше для ребенка».

Но, по мнению президента страны, «обучение в средней школе на государственном языке обеспечит равные возможности всем моло-

деждям. Надписи на плакатах: «Раймондс Вейонис – предатель народа и клятво-преступник», «Президент клялся служить народу Латвии, а не обслуживать Черного Карлиса», «Не забудем, не простим!»...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

дым людям в Латвии получить качественное образование, что и является целью государства». Так говорится в сообщении пресс-службы главы государства. Но о каких равных возможностях идет речь? Русскому ребенку в школе придется изучать химию, физику, математику и прочие науки на нем родном языке. Латышским школьникам – на родном. Власти столь же лицемерно заверяют, что делают все, исходя из интересов русских детей, которые, обучаясь на латышском языке, тем самым повышают свою конкурентоспособность на рынке труда. Но у выпускников русских школ не было особых проблем с поиском работы. Владея родным русским, а также латышским и иностранными языками, они оказались более конкурентоспособными, чем их латышские сверстники, не изучающие в своих школах «великий и могучий»...

По прогнозам экспертов, после того, как в бывших русских школах ученикам будут преподавать все предметы на латышском языке (а делать это будут, вероятнее всего, русскоязычные же учителя, по крайней мере, первое время), качество обучения заметно снизится. Какой уж тут вуз? Прямо к дороге только в подсобные рабочие...

У президента Латвии был шанс войти в историю и прислушаться к мнению почти половины населения страны. Он этого не сделал. За что ему и была вручена на апрельском «Марше рассерженных родителей» символическая «Черная метка» – как знак недоверия народа обманувшему надежды политику. Выступавшие на многотысячном митинге у Президентского дворца родители, активисты Штаба защиты русских школ, учителя, журналисты назвали его поведение недостойным. Большая колонна возмущенных рижан с плакатами и свистками, барабанами и дудками пришла к резиденции, чтобы выразить негодование и протест. Они напомнили о клятве, которую давал глава государства, вступая в должность. Вейонис обещал быть президентом всего народа Латвии. А на деле стал выразителем точки зрения лишь титульной ее части...

Митинг у Президентского дворца в Риге организовали активисты Штаба защиты русских школ и лидеры «Русского союза Латвии» Татьяна Жданок и Мирослав Митрофанов

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ГЕНОЦИД

За несколько дней до этого в Риге по инициативе «Русского союза Латвии» (РСЛ) было создано Вселатвийское родительское собрание, в котором приняло участие около тысячи родителей учащихся русских школ, два депутата Европарламента – Мирослав Митрофанов и Андрей Мамыкин, а также известные правозащитники, эксперты в области образования, активисты Штаба защиты русских школ. Приехали также гости из Эстонии и Литвы.

Собрание открыла лидер РСЛ Татьяна Жданок. Она говорила о таком понятии, как «лингвистический геноцид», под которое вполне подпадает Латвия с ее отношением к школам нацменьшинств. Жданок обратилась к 95 директорам школ нацменьшинств, которые, по словам министра образования Латвии Карлиса Шадурскиса, выразили полное

согласие с новой реформой. «Уважаемые директора! Посмотрите, что ныне лежит на весах! На одной чаше – судьба детей, судьба будущих поколений. На другой – ваши личные карьерные интересы. Не говорите, что вы заботитесь о детях! Для детей это будет лингвистический геноцид – именно так это называют международно признанные эксперты. Хоть один из вас положите свою гирьку на другую чашу весов, на нашу чашу весов! Это будет акт гражданского мужества. Этого не забудем мы, жители Латвии. Сделайте это! Сделайте это во имя вечности, во имя следующих поколений!» – призвала Татьяна Жданок. Недавно она возглавила общественное движение в защиту русских школ Латвии, ради которого сдала свой мандат евродепутата и вернулась из Брюсселя в Ригу.

Выступавший на собрании представитель Латвийской ассоциации в поддержку школ с обучением на русском языке (ЛАШОР) Константин Чекушин призвал родителей объединяться для отстаивания интересов своих детей. Об этом же говорила и правозащитница Елизавета Кривцова, рассказавшая, что Центр госязыка уже уведомил о начале массовых проверок в русских школах. А ведь, презентуя свою реформу, министр образования заверял, что проверок не будет, учителям будут помогать, а не наказывать. В этой ситуации никто, кроме родителей, не сможет защитить учителей.

Опытом именно такого родительского противостояния поделилась основатель организации «Русская школа Эстонии» Алиса Блинцова. В Эстонии власти в отношении русскоязыч-

Русские жители Латвии уже не раз напоминают властям о том, что равные налоги предполагают равные права. Это азь демократии

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ных детей тоже поначалу действовали по такой же схеме, что и в Латвии. Но родители, объединившись в попечительские советы при школах, сумели отстоять свои права на выбор языка обучения. «И вот результат, – сказала Алиса. – Мои дети учатся в русской гимназии в Таллине полностью на русском языке обучения. И только начиная с десятого класса вступает в силу пропорция 60:40».

Сложно сказать, найдутся ли смельчаки среди руководителей или учителей русских школ. Они все находятся под угрозой увольнения после принятия в 2016 году так называемых правок о лояльности к Закону об образовании, которые предписывают работодателю незамедлительно прекращать трудовые отношения с руководителем учебного заведения или педагогом, если он «нелоялен Латвии и ее конституции». Поэтому директора или молчат, или кивают.

Выступали и латыши, пришедшие поддержать своих сограждан. И пойдя в своих речах они были гораздо радикальнее коллег. Так, гражданская активистка Ивета Ридере без всяких ссылок на политкорректность назвала школьную реформу геноцидом против русских. «Это преступление против народа Латвии, это геноцид, а за преступление надо судить, – заявила она. – Я очень надеюсь, что придет время, когда они все пойдут под суд за то, что сотворили с нашей страной. Из нее бегут не только русские, но и латыши. Каждый день из Латвии уезжает по 50–60 человек. В их числе и мой младший сын, он уехал за границу только из-за той национальной ненависти, которую здесь постоянно разжигают между нашими народами. А он этого не понимает и не принимает. Думаю, сын сюда уже не вернется, так же как и другие молодые люди, покинувшие свою родину».

Почетный гость Родительского собрания, католический священник Константин Боярс, который в свои 86 лет принимал участие в мартовском марше в защиту русских школ, также обратился к собравшимся со словами поддержки. «С давних времен в Латвии мирно сосуществовали рядом латышские и русские школы, и никогда не мешали друг другу, – сказал он. – То, что сейчас удумали наши политики – это просто немыслимо!.. Я вас призываю не отчаиваться, вы должны

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

На митинге выступали родители, журналисты, активисты общественных организаций, призываая людей не падать духом. Борьба за русские школы будет продолжена

бороться за ваших детей. Вы должны сделать все, чтобы дети могли учиться на родном языке. Я благословляю вас! Я знаю, что в этой борьбе победа будет за вами!..»

Зал встал и аплодировал стоя, в душе сожалея лишь о том, что ни разу не слышал таких слов от представителей православной церкви...

РУССКИЙ ФЛЕШМОБ

Автор этих строк, выступая перед родительской аудиторией, рассказала, что с помощью фонда «Русский мир» был организован международный флешмоб в защиту русских школ Латвии. Участие в нем приняли десятки друзей русского языка из 30 стран! Греция, Испания, Италия, Германия, Америка, Канада, Болгария, Швейцария, Люксембург, Шотландия, Македония, Ирландия, Коста-Рика, Конго...

Worldwide flashmob for Russian-language schools in Latvia

Люди доброй воли фотографировались у памятников культуры или знаковых мест в своих странах и городах с табличками в руках «За русские школы в Латвии!». Во флешмобе приняли участие не только наши соотечественники, но и коренные жители. Большой плакат с этими фотографиями был размещен у входа в конференц-зал, и сотни родителей фотографировались на его фоне, тут же загружая снимки в соцсети.

О сложной ситуации в стране русская община Латвии сообщила и во все ведущие международные организации – ООН, ОБСЕ, ПАСЕ, Еврокомиссию. Уже получены первые ответы от сотрудников, курирующих национальные меньшинства, в которых русских Латвии заверяют, что их вопрос уже обсуждается с властями республики...

Активист Штаба защиты русских школ Владимир Линдерман в своем выступлении на собрании призвал все же больше надеяться на собственные силы. «Русским в Латвии фактически поставили ультиматум: или ассимилируйся, или убирайся из страны, – считает Линдерман. – Сейчас, когда западный мир находится в состоянии холодной войны с Россией, наши политики хотят провести здесь «мягкие» этнические чистки. Давайте вспомним, что когда-то в Латвии были немецкая и еврейская общины. Немцев депортировали, евреев ликвидировали. Сейчас хотят ликвидировать русское сообщество... Через европейские структуры можно действовать, но это – соль, которую сыпят на мясо. Но не само мясо. Чтобы на нас обратили внимание как в самой Латвии, так и в мире, нужны мощное сопротивление и многочисленные манифестации – хотя бы в 50 тысяч человек!»

Мама троих детей из Даугавпилса Евгения Крюкова рассказала, что в русском детском садике, куда ходит ее младшая дочка, уже все праздники проходят только на латышском языке. А второй дочке, первокласснице, у которой начались нервные срывы из-за того, что она не понимает задания по латышским учебникам, прописали успокоительные лекарства. «Старшая дочь учится в третьем классе, вместе с ней учится мальчик, который год назад вместе

Соотечественники и друзья Русского мира из 30 стран выступили в поддержку русских школ Латвии

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

с мамой после долгих лет эмиграции, вернулся из Америки на родину. Так вот, они приняли решение – уезжать. На этот раз уже насовсем. Мама этого мальчика сравнила образование в Латвии с ударом топора по голове – жестко, грубо и выживает сильнейший. Мне уезжать некуда, мои предки испокон веков жили на этой земле. Я не верю, что нас здесь могут задавить. Мы – треть населения Латвии, недопустимо смиряться с унижением и ущемлением наших прав! Если в магазине со мной отказываются говорить по-русски – я разворачиваюсь и ухожу в другое место. Мы должны заставить с нами считаться, мы такой же коренной народ Латвии, как и латыши!»

Резким было выступление у свободного микрофона координатора СООЛ Виктора Гущина, которого коллеги знают как человека сдержанного и спокойного. «Мы должны заявить, что Россия нам никакой не враг, именно она создавала эту страну! Мы должны объявить войну русофобам, тем врачам, которые принципиально отказываются говорить с пациентами по-русски! Мы должны объявить войну тем политикам и журналистам, которые сравнивают русских с насекомыми! Масштабное безгражданство – это нацизм! Ликвидация русской школы и по всеместный запрет на использование русского языка – это нацизм! И мы должны это признать!» – резюмировал Гущин.

Заседание длилось более четырех часов, но люди не хотели расходиться, рассказывая о наболевшем: о проблемах с учебой детей в школе, о пагубном влиянии билингваль-

ного образования на качество обучения. И с тревогой все говорили о том, что будет, когда у детей отнимут даже эти жалкие 40 процентов предметов, которые им позволялось изучать на русском языке... Вселатвийское родительское собрание единогласно приняло резолюцию, в которой констатируется, что поправки инициированы и проводятся латышскими партиями без учета мнений тех, кого они касаются, и вопреки их воле. Реформа направлена на полное уничтожение русского среднего образования и «латышизацию» русского основного образования. Поправки, как констатировал родительский актив, не имеют иных целей, кроме насильтвенной ассимиляции русскоязычных жителей Латвии либо принуждения их к эмиграции. Участники собрания предложили иностранным государствам и международным организациям решительно осудить преднамеренную дискриминацию национальных меньшинств в Латвии. Собрание попросило ввести в отношении Латвии политические санкции за данные действия, а также персональные санкции в отношении всех лиц, к этому причастных.

Ответ России на призыв соотечественников был молниеносным. На следующий же день после провозглашения президентом Латвии дискриминационного закона Госдума РФ заявила, что «действия латвийских властей, нарушающие права и свободы наших соотечественников в Латвии, должны повлечь за собой применение специальных экономических мер в отношении Латвий-

ской Республики, предусмотренных федеральным законом от 30 декабря 2006 года №281-ФЗ «О специальных экономических мерах». «Могут быть приняты специальные экономические меры, в частности в отношении Латвии. Например, мы можем рекомендовать запретить или серьезно ограничить транзит российских грузов с продукцией нашего сырья через латышские порты», – заявил глава комитета Госдумы по делам СНГ Леонид Калашников.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОТЕСТЫ

Свое мнение высказала Federal Union of European Nationalities (FUEN) – Федералистский союз европейских национальных меньшинств. FUEN – крупнейшая конфедерация коренных национальных меньшинств Европы, в которую входят 90 организаций из 33 европейских стран.

«Мы решительно протестуем против этого жесткого урезания права русскоговорящих латвийцев использовать их родной язык и получать образование на родном языке в школах, которые оплачиваются из собственных налогов. Школьное образование на родных языках традиционных и этнических языковых меньшинств – это одна из наиболее важных ценностей Евросоюза. Русскоговорящая община Латвии – это одно из таких традиционных языковых меньшинств Европейского союза, такое же, как многие другие, и его права должны уважаться латвийскими властями», – говорится в заявлении FUEN, направленном латвийским властям.

Русскоязычные жители Германии написали обращение, адресованное персонально каждому депутату, представляющему Германию в Европарламенте, в котором высказывается крайняя обеспокоенность судьбой русского языка в Латвии.

Поддержка со стороны Отечества, которым для многих русскоязычных жителей Латвии всегда была Россия, и поддержка мирового сообщества вдохновили русскую общщину Латвии. Выступая на митинге у Президентского дворца, многие выражали решимость во что бы то ни стало отстоять русские школы в Латвии. Отступать некуда. ●

ЯЗЫКАМИ СХЛЕСТНУЛИСЬ

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПО ДАННЫМ ООН, В 2014 ГОДУ ОКОЛО 55 ПРОЦЕНТОВ ЗЕМЛЯН ЖИЛИ В МЕГАПОЛИСАХ. К СЕРЕДИНЕ ВЕКА, ПО ПРОГНОЗАМ ЮНЕСКО, ЭТА ЦИФРА ВЫРАСТЕТ ДО 65–70 ПРОЦЕНТОВ. УРБАНИЗАЦИЯ ВЕДЕТ К КОНЦЕНТРАЦИИ МНОГООБРАЗИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР. НА КАКИХ ЯЗЫКАХ БУДУТ ГОВОРить ГОРОДА БУДУЩЕГО?

В ЭТОМ ПЫТАЛИСЬ РАЗобраться участники прошедшей в апреле в Москве международной конференции «Языковое разнообразие города». В мире, с точки зрения ученых, сегодня доминируют два лингвистических тренда. Первый из них подразумевает формирование в современных мегаполисах двойственной ситуации: с одной стороны, в ряде крупных городов фиксируется доминирование одного языка. В качестве примеров можно привести Москву и российские города-миллионники (в них доминирует русский язык), Шанхай или Гонконг (китайский), Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Мексико (испанский). С другой – можно перечислить города,

в которых многие люди живут, используя только родной язык, не зная при этом государственного языка страны пребывания. Это, например, Париж, Манчестер, Берлин, Амстердам и мегаполисы США и Канады. При этом нельзя не отметить, что в той же Москве распространено 11 языков. Из них два – укорененных: русский и татарский. Оставшиеся 9 можно считать языками распространения внешней миграции. Это азербайджанский, армянский, украинский, грузинский, белорусский, узбекский, киргизский, молдавский и таджикский.

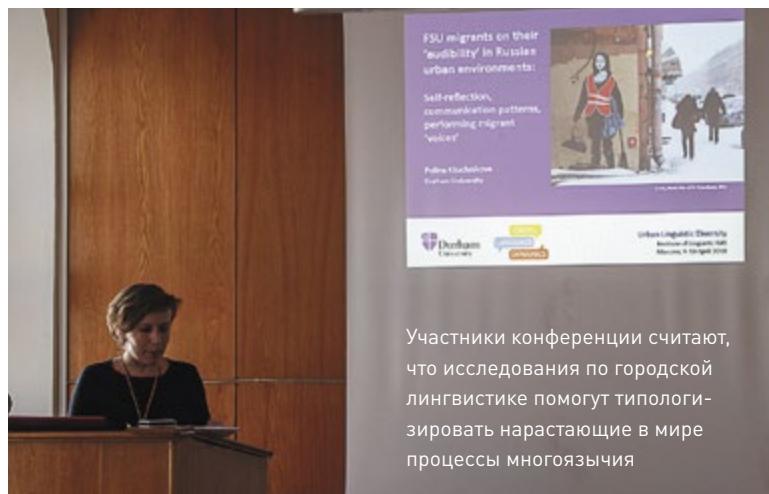
Похожий лингвистический пейзаж сложился в Шанхае, где на 24 миллиона проживающих приходится свыше 22 китайских диалектов, 34 языка наро-

дов Азии и язык международного общения – английский, которым, правда, владеют не более 7 процентов населения. Большинство говорит на «пекинском» китайском, или китайском путунхуа (диалект юго-востока страны).

Но в обоих городах единственным средством межнационального общения остается один язык: в Москве – русский, в Шанхае – китайский.

Иная языковая панорама складывается в городах второй группы, условно называемых «Башнями мультикультурализма». К примеру, в британском 500-тысячном Манчестере помимо английского люди говорят на 150 языках. И что важно: лишь около 45 процентов населения могут говорить только на родном языке. В 2-миллионном Париже распространено более 185 языков, но уже, по разным данным, 50–60 процентов мигрантов говорят исключительно на родном языке, не зная ни английского, ни французского. Похожая картина складывается и в Берлине. Второй мировой лингвистический тренд не менее интересен: государственные языки во всех без исключения мегаполисах постепенно погружаются в состояние агнозии.

– Языковая агнозия – относительно новое и малоизученное явление, – говорит один из организаторов конференции, ведущий научный сотрудник Института языкоznания РАН Андрей Кибрик. – Она проявляется в том, что люди по инерции считают, что живут в мире понятного им одноязычия и не видят языкового разнообразия вокруг. Между тем из-за бурного роста миграционных процессов темпы наступления языкового разнообразия как на мир, так и на Россию ускоряются. Причем настолько, что уместно наращивать темпы исследований – социолингвистических, этнокультурных, демографических, с тем чтобы разобраться в причинах подспудного формирования нескольких русских, испанских, английских языков.

Участники конференции считают, что исследования по городской лингвистике помогут типологизировать нарастающие в мире процессы многоязычия

Либо понять природу феномена двух родин у мигрантов, причины формирования новой нормы билингвальности или меняющейся самоидентификации личности – от ощущения себя аборигеном в стране миграции до ощущения себя человеком мира. Вот этот комплекс проблем и пытались систематизировать лингвисты. А также понять, когда мир выйдет из состояния агнозии.

ЯЗЫКОВОЙ «FARШ»

Наглядные свидетельства растущего языкового многообразия городских сред – визуальные перемены: реклама, вывески магазинов и ресторанов, названия улиц, а также объявления в общественных местах, особенно в транспорте, голосовые информаторы и аудиогиды. Эти показатели и легли в основу исследования ученых Института гуманитарных наук и управления МГПУ, тестировавших рекламу и объявления в Москве и Хельсинки (заметим, в Москве реклама на 100 процентов русскоязычная, в Хельсинки – 60 процентов рекламы идет на финском, 40 процентов – на шведском, втором государственном языке. – Прим. авт.).

Выяснилось, что в обоих городах реклама подается на «русском английском» и «финском английском». Например, ресторан «Луизиана стейк-хаус» или торговый центр «Колумбус» в Москве. Аналогично – на финском и шведском в Хельсинки. Оба города

предпочитают кафе и кондитерские называть на «русском итальянском» или «финском итальянском» – trattoria или пиццерия «Чиполлино», «Песто» и т.д. А салоны красоты, ателье и парикмахерские именуются на «русском французском» – «Ажур», «Мерси», «Прованс» и т.д. Апогеем смешения языков в рекламе стал московский ресторан «Fargh», соединивший в названии латиницу и кириллицу.

– Таким образом и способом постмодернистского мышления стремится к идентичности, – считает доцент Института гуманитарных наук и управления МГПУ Елена Картушина. – Ведь главная функция рекламы – семиотическая. Именно реклама науку о коммуникативных системах и знаках, используемых в процессе общения, через языки делает частью сознания обыч-

Ярон Матрас:
«Проект
«Многоязычный
Манчестер»
инициирует
модель
включенного
наблюдения
лингвистов
за болезненными
языковыми
изменениями»

Сегодня
до 45 процентов
мигрантов
признают, что
предпочитают
жить «вахтой» –
полгода
в России,
полгода, зимой,
дома

вателя. Другое дело, что, когда один язык попадает в среду распространения другого, он выходит из-под контроля.

С точки зрения ученых Института гуманитарных наук и управления МГПУ и ГУ – Высшая школа экономики, одна из задач городской лингвистики, изучающей языковое многообразие, понять, как родные языки носителей «питают» язык межнационального общения. Пока тенденция негативная. Так, в Шанхае носители диалекта путунхуа стесняются на нем говорить и не желают его изучать. В Москве похожие проблемы у родных языков, которых насчитывается свыше 120. К примеру, по данным отдела урало-алтайских языков Института языкоznания РАН, 58 процентов чувашей столицы затруднились с ответом на вопрос, надо ли им изучать родной язык. 18 процентов считают, что не надо, и лишь 24 процента хотели бы его учить. Аналогичные показатели наблюдаются и по большинству других родных языков.

– В целом есть желание учить родной язык, но нет мотивации, – считает научный сотрудник Института языкоznания РАН Марина Куцаева. – Новая глобальная среда обитания унифицирует и родные языки, и языки распространения внешней миграции, и межнациональный язык. Например, пока языки распространения в мегаполисах у мигрантов часто выполняют конспираторскую функцию – чтобы не понимали местные. Тот же конспираторский функционал у родных языков. Только к нему прибегает старшее поколение против младшего, как правило, родной язык не знающего. Другое дело, что мигранты активно пользуются родными языками и активно их учат, полагая, что русского языка достаточно на уровне разговорного. Исследование о том, как незнакомый для мигранта русский язык становится его разговорным «глобальным» языком, провели эксперты Школы лингвистики ГУ-ВШЭ и филологического факультета МГУ. По их данным,

не менее 35 процентов мигрантов Грузии, свыше 45 процентов – Узбекистана и свыше 47 процентов – Таджикистана в возрасте от 18 до 24 лет едут в Россию без знания русского языка.

«Русский выучил на работе», – их стандартный ответ. Как? Это попытались понять исследователи. За основу они взяли проблему изучения постановки ударений в словах москвичами, регионалами и мигрантами. Выражения были подобраны специально спорные: БалАшиха или БалашИха, в ВыхинО или в ВыхинЕ, БыкоВо или БыкОво? И, наконец, хит исследования – ДубнА или Дубна? В сухом остатке текущий вывод: произношение мигрантов не сближается с московским, оно сближается с региональным, а иногда региональное произношение ударений совпадает с мигрантским и почти никогда – с московским. Например, грамотно – «в Выхине» – говорят лишь 21 процент москвичей, 13 процентов приезжих из регионов и лишь 5 процентов мигрантов. Но «БыкОво» (московское произношение) говорят почти 88 процентов москвичей, в то время как 76 процентов регионалов и около 100 процентов мигрантов произносят «БЫково». Более того, мигранты, похоже, породили новый топоним – «Дубна» (около 75 процентов). И «заразили» им около 11 процентов регионалов.

– Традиционный русский язык болеет, но болезнь провоцирует идущее обновление русского языка, – убежден доктор филологических наук, профессор МГУ Владимир Беликов. – Это обновление будет болезненным, но это неизбежность ради укрепления здоровья языка. Другое дело, что в связи с ростом миграционных потоков в Москве и практически во всех российских мегаполисах увеличивается число носителей другой нормы произношения. Мигранты постепенно становятся не только частью лингвистического пейзажа, но и носителями норм произношения – носителями русского языка.

Лингвисты выделяют четыре единицы стилистического языка-микса мигрантов – официально-деловой, разговорный, просторечный, грубо просторечный

С ним согласен лингвист Ярон Матрас из Манчестерского университета.

– Наш проект «Многоязычный Манчестер» инициирует модель включенного наблюдения лингвистов за болезненными языковыми изменениями, – говорит Ярон Матрас. – Цель запущенного в 2010 году проекта не только изучение растущего языкового разнообразия. Главные приоритеты: понять, какие языки надо изучать в школах и как выстраивать языковую политику, чтобы было взаимодействие с местными сообществами и мигранты принимали для себя решение о пропорциях изучения языка страны пребывания – «для работы», потому что они потом уедут навсегда, или «для жизни», поскольку намерены оставаться в глобальном мире?

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ МИКС

По данным факультета иностранных языков и регионоведения МГУ, у мигрантов в России меняются приоритеты. Если ранее до 75 процентов из них стремились получить российское гражданство или в ходе опросов заявляли о желании интегрироваться в российскую жизнь, то сегодня до 45 процентов признают, что предпочитают жить «вахтой». До 22 процентов из них рассматривают возможность получения российского гражданства, а 33 процента, как правило не владеющие русским языком, затруднились с ответом.

Меняющиеся приоритеты отражаются как на коммуникативном пространстве русского языка мигрантов, так и на способах его изучения. За основу исследования русскоговорящей практики мигрантов ученыые МГУ взяли три группы в возрасте от 25 до 45 лет (категории активно говорящих по-русски). Первая группа – те, кто живет в России от пяти лет, вторая – те, кто рос в русскоговорящих семьях у себя на родине, и третья – те, кто по-русски научился говорить в России.

– Стилистическая практика речи мигрантов определяется тем, что они не выбирают слова и речевые образы, а повторяют их, – считает доцент кафедры лингвистики факультета иностранных языков и регионоведения МГУ Юлия Егорова. – За исключением тех, кто рос в русскоговорящих семьях, все остальные – а это до 70 процентов – выбирают не средства речи, а клише: «Стараюсь говорить как русские, без акцента» (таксист из Киргизии). «Русский выучил здесь. Учу по вывескам, по объявлениям в метро. Стараюсь одеваться как местные» (дворник из Узбекистана). «Я швея, слушаю клиентов, девочки по работе помогают» (беженка с Украины, плохо понимающая «московский выговор»). Этот клишированный язык я бы определила как стилистический микс. На нем говорят подавляющее большинство мигрантов.

Лингвисты выделяют четыре маркировочные единицы стилисти-

Профессор МГУ Ольга Синёва убеждена, что будущее мировых мегаполисов за билингвами

ческого языка-микса мигрантов – официально-деловой (на нем объясняются до 71 процента), разговорный (47 процентов), просторечный (22 процента), грубо просторечный (15 процентов). Одним из сюрпризов исследования стало то, что на официальном языке говорят большинство гастарбайтеров. Например, вот как те, кто прожил в России более пяти лет, в анкетах объясняют свою мотивацию к адаптации в стране: «Жена поставила задачу о приеме детей в русскую школу». Или: «Цель поездки в махалля – пребывание на родине». Еще неестественнее объясняются те, кто выучил русский язык в России. «Мне нанесли дискомфорт», «заявка на работу», «я проживаю в Москва», «в сфере земляков» – это лишь некоторые примеры типичных языковых клише «высокого штиля», который, по мнению ученых, мигрантам передается от чиновников. Как признают лингвисты, приезжающие вынуждены учить мертвый русский язык. Однако если официоз постепенно вымывается из русского языка переселенцев, во всяком случае тех, кто интегрируется в российскую действительность, то настоящим бичом нового русского языка мигрантов становится пристрастие к просторечиям. Неистребимые «хиты» – «я с Киргизии» («с Таджикистана», «с Сибири», «с Молдовы» и т.д.) и «зала» вместо гостиной (Украина, Молдавия). Чуть реже – «удумают», «за какие шиши», «офиели», «достало». В ряду грубых просторечий и ругательств из пе-

чатной лексики часто встречаются – «башку снесло» и «быдляк». Мигранты часто употребляют их как «обычные русские слова», полагая их общепринятыми. Они очень удивляются, когда узнают, что это бранные слова. «Я не ругаюсь, я разговариваю так просто», – оправдывался повар-мигрант в ГУВД Москвы, когда полицейские попросили его «не выражаться» в адрес земляков-нелегалов. А повар «всего лишь» сказал соседу-нелегалу: «Кишки зажарю, падла».

РУССКИЙ ЯЗЫК БУДУЩЕГО

Таким образом, современный языковой миграционный пейзаж городской среды России определяется как стилистический микс с преобладанием официально-делового стиля и тяготением к просторечиям. Эти два стиля составляют основу разговорного русского языка мигрантов, умеющих читать, говорить и в меньшей мере писать по-русски. За разговорным русским языком идет «азиатский русский»: его носитель умеет только говорить по-русски, плохо писать и почти не умеет

Константин Филатов и Виктория Решетникова из ГУ – Высшая школа экономики на основе изучения постановки ударений в словах пришли к выводу о том, что произношение мигрантов сближается с региональным

В конференции приняли участие лингвисты из Азербайджана, Армении, Грузии, Великобритании, Литвы, Нидерландов и России

читать по-русски. И, наконец, расшевеливает и расширяет свое представительство «вахтовый» русский язык. Это когда иностранцу доступны общие бытовые фразы и простые слова, которые «выветриваются» из речевого оборота вместе с окончанием срока пребывания в стране.

Пропорции представительства трех русских языков мигрантов в российской языковой среде пока лишь изучаются. Будущее в этом смысле за новым направлением лингвистической мысли – городской лингвистикой, которая пускает корни в Москве, Перми, Новосибирске, Томске и Санкт-Петербурге.

– Для того чтобы разобраться в сути и не только определить, но и направлять вектор идущих языковых перемен, лингвист-исследователь должен стать частью городского сообщества, он должен слушать и наблюдать, – считает Дик Смакман из Лейденского университета (Нидерланды). – Ведь эра языкового суперразнообразия ведет к тому, что мигранты с разной языковой историей приносят с собой свои коммуникативные представления и привычки в публичное городское пространство. Исследование повседневности – какие языки звучат, как люди в многоязычной среде находят общий язык, как выбор языка общения зависит от места коммуникации и как люди переключаются с языка на язык – даст со временем ответ на вопрос: что общего и различного у языкового разнообразия мегаполисов – Москвы и Парижа, Москвы и Берлина, Амстердама, Нью-Йорка?

Как считают российские, британские и нидерландские ученые, фундаментальные исследования по городской лингвистике помогут типологизировать нарастающие процессы многоязычия. А вместе с ними – явление разных русских, английских, испанских и других языков межнационального общения тоже будет систематизировано, что позволит мигрантские языки и их стилистику встроить в классические языки межнационального общения, в том числе в русский язык. ●

из архива Алексея Чалова

14 АВГУСТА 1942 ГОДА к перрону железнодорожного вокзала города Горького (ныне – Нижнего Новгорода) подошел необычный эшелон. Около 60 теплушек, пассажирами которых были голодные и обессиленные, но главное – живые дети, уроженцы Смоленской области, спасающиеся от немецких бомб и снарядов. Ради того, чтобы выжить, им пришлось расстаться с семьями и оставить родную землю, где в те дни шли жестокие бои. Немцы не щадили мирное население: сжигали деревни, особенно жестоко расправлялись с близкими коммунистов и теми, кого подозревали в помощи партизанам.

Командир соединения партизанских отрядов Никифор Коляда, более известный как Батя, понимал, что единственный способ уберечь детей и подростков от смерти или угона в немецкие лагеря – отправить их в тыл. Понимали это и родители: обливаясь слезами, они отпускали своих сыновей и дочерей.

Организовать сложный переход Батя поручил учительнице начальных классов басинской школы Матрене Исаевне Вольской. Скорее всего, он не ведал о том, что 24-летняя Мотя сама носит под сердцем сына, зато знал ее как ответственного бойца и хорошо зарекомендовавшую себя разведчицу. К тому моменту Вольская уже успела получить орден Красной Звезды за успешно проведенную партизанами операцию у деревни Закуп.

В помощь ей Батя смог выделить только двоих – учительницу Варвару Полякову и медсестру Екатерину Громову. Втроем молодые женщины, каждой из которых в тот момент не исполнилось и 25 лет, должны были обеспечить безопасную эвакуацию сотен детей.

«Я не верила, что мы дойдем, – вспоминала потом Варвара Сергеевна Полякова (Сладкова). Сейчас ее уже нет в живых, но сохранились телевьютервью, данные в 80-е годы. – Часы золотые свекровь подарила – я ей их и оставила, думала: не буду жива – так хоть часы пригодятся...».

ОПЕРАЦИЯ «ДЕТИ»

АВТОР

ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

ЛЕТОМ 1942 ГОДА МОЛОДАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА МАТРЕНА ВОЛЬСКАЯ СПАСЛА ОТ СМЕРТИ БОЛЕЕ 3 ТЫСЯЧ ДЕТЕЙ. ОНА ВЫВЕЗЛА ИХ ИЗ ОККУПИРОВАННОЙ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ТЫЛ. ПАРТИЗАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ, КОТОРОЙ ОНА РУКОВОДИЛА, СТАЛА САМОЙ МАСШТАБНОЙ АКЦИЕЙ ПО СПАСЕНИЮ ДЕТЕЙ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

ПЕРВЫЙ ПЕРЕХОД

23 июля 1942 года на площади в деревне Елисеевичи стоял плач. Собралось около полутора тысяч детей с провожатыми — у многих отцы были на фронте, старшие братья и сестры воевали в партизанских отрядах, кто-то уже успел получить похоронки. Страшно было оставлять родных, но еще страшнее — оставаться. В поход брали тех, кому исполнилось минимум 10 лет. Самым старшим было 16–17 лет. Партизаны понимали, что те, кто младше, просто не смогут пройти 200 километров по бездорожью и болотам, в прифронтовой зоне — «ничейной» полосе, где нападения фашистов можно ожидать с любой стороны и в любой момент...

«Очень страшно было, — рассказывала Варвара Сергеевна. — Не за себя — за них. Как нам с таким количеством сообразить, как провести их по опасной дороге?»

Детей разбили на отряды по 40–50 человек, назначили связных. Впереди шла командир операции Вольская с самыми старшими, затем — Полякова с ребятами помладше и замыкала процессию медсестра Громова с самыми маленькими. Шли днем: ночами дети прятались в лесу, а Матрена шла на разведку на 20–25 километров вперед, проверяя дорогу: не заминирован ли путь, нет ли впереди фа-

ИЗ АРХИВА АЛЕКСЕЯ ЧАЛОВА

шистов. К утру возвращалась обратно, чтобы снова вести отряды вперед.

Вскоре после начала пути Вольскую вызвали в партизанский штаб. Вернувшись, она сообщила: спланированный маршрут придется изменить — разведка донесла, что на нем поджидают немцы. Придется идти другой дорогой, по буреломам и болотам. Мотя организовала старших ребят, чтобы сделали лежнёвку — так смогли пройти не только люди, но и несколько

Матрена
Вольской
в 1942 году было
всего 24 года

ИЗ АРХИВА АЛЕКСЕЯ ЧАЛОВА

Учительница Варвара Полякова (фото 1938 года) помогала Вольской в проведении операции «Дети»

Медсестра
Екатерина
Громова
(фото 1938
года) отвечала
в походе
за самых
маленьких.
Она умерла
вскоре после
окончания войны

ИЗ АРХИВА АЛЕКСЕЯ ЧАЛОВА

лошадей, груженных вещами и нехитрым провиантом.

В те июльские дни стояла сильная жара. Воды вокруг много, но пить ее было нельзя: колодцы и даже вода реки Гобзы — все было отравлено трупным ядом, фашисты сбрасывали туда тела убитых. Лишь озера, где вода оставалась чистой, поддерживали силы «детской армии». Завидев Западную Двину, дети бросились к воде, выйдя из-под укрытия леса. Три немецких истребителя, круживших до этого в стороне, открыли по ним огонь. Дети кинулись врассыпную, и только одинокая подвода с лошадью осталась стоять у берега. Оказалось, там была совсем ослабевшая Женя Алекснович — ее ранило.

Невероятно, но факт: это была единственная пострадавшая девочка, остальные добрались до железнодорожной станции Торопец невредимыми.

3225 ЖИЗНЕЙ

По дороге к идущим присоединились дети из окрестных сел и деревень — Вольская никому не отказывала, принимала всех. В Торопце — снова около тысячи детей пополнения. Несколько суток ждали состав — ребят разместили в бывшей школе и полуразрушенном клубе в роще да при воинской части, где солдаты делились с детьми своими пайками. Но станцию обстреливали, и казармы — в первую очередь, так что пришлось Моте перевести детей в безопасную рощу. В ночь на 5 августа состоялась долгожданная посадка в поезд. Вдоль 60-вагонного эшелона растянулась «армия» Вольской: подростки постепенно занимали вагоны, на крышах которых огромными буквами было написано «ДЕТИ». У Моти не шли из головы вопросы: сколько они будут в дороге? Выдернут ли? Чем их кормить? У многих начались кишечные заболевания, конъюктивит, кровили десны... Первоначально смоленских ребятишек планировали эвакуировать за Урал. Но, видя состояние своих подопечных, Воль-

ская понимала: если ничего не сделать, в Свердловск она привезет трупы. На остановках Мотя начала рассыпать телеграммы в ближайшие по пути следования крупные станции – Ярославль, Иваново, Москву. И вот пришел ответ из Горького: там были готовы принять детей. На станции эшелон встречали представители городских и областных властей и врачи. Многих детей пришлось выносить на носилках, но все же Вольская смогла доставить их живыми. По свидетельствам очевидцев, 3225 ребят благополучно добрались из оккупации в тыл!

Поразительно, что, проведя самую большую в истории Великой Отечественной войны операцию по спасению детей, смоленские девушки Мотя, Варя и Катя вовсе не считали, что совершили подвиг. Их подопечных распределили вначале по госпиталям и больницам, затем – по ремесленным училищам, а позже – на заводы.

Вольскую направили работать учителем в среднюю школу села Смольки Городецкого района Горьковской области. В трудных родах (отекшие во время бесконечных переходов ноги и перенесенный голод дали о себе знать. – Прим. авт.) вскоре появился ее первенец, позже в Смольки переехал и муж Матрены Исаевны – партизан Михаил Архипович Вольский. Она преподавала в начальных классах, родила второго сына, а о той героической эвакуации 1942 года никому особо не рассказывала.

Когда спустя почти тридцать лет она встретится с участниками того перехода, когда позже журналисты и общественные активисты будут пытаться найти списки, подтверждающие факт приема-передачи детей, и не найдут их ни в одном архиве – это могло бы дать основание для присуждения ордена, – Вольская скажет: «Я просто выполняла задание. И все».

Она умерла в 1978 году, без особых почестей, не считая нужным говорить о партизанской операции «Дети» как о подвиге.

Матрена
Вольская
с учениками
смольковской
школы. 1946 год

ИЗ АРХИВА АЛЕКСЕЯ ЧАЛОВА

КНИГЕ БЫТЬ

История о Вольской стала публичной лишь спустя тридцать лет после Победы. Вышло несколько передач на телевидении и книга, подробно описывающая события тех дней.

«В 1975 году я работала заведующей отделом детских и молодежных передач на Горьковском телевидении, – вспоминает автор книги Наталья Михайловна Дроздова. – Тогда во всех студиях готовили программы к юбилею Победы – страна впервые отмечала праздник так масштабно. Центральное телевидение создавало «Летопись Великой Отечественной войны». Откуда они узнали о Матрене Исаевне – остается только догадываться. Но они приехали

в Смольки, собрали несколько человек из тех, кого она спасла в том походе, и сделали первое интервью. Никто в Смольках тогда не знал ни об операции «Дети», ни о том, что Вольская награждена орденом Красной Звезды. По нелепой случайности, магнитку со звуком того интервью потеряли, и в результате материал о Матрене Исаевне в «Летопись» не попал. Но присутствовавший на той встрече в Смольках Леонид Кондратьевич Новиков, бывший партизан, в свое время тоже воевавший в батальонах Бати, сумел в Москве забрать видео без звука, которое тогда отсняли. С ним он пришел в нашу областную студию телевидения. Он хотел, чтобы о Вольской заговорили. Но во всех редакциях ему отказали – эфиры тогда были заполнены воспоминаниями ветеранов».

Новиков вошел в студию к Дроздовой летом 1978 года. В руках у него была авоська с кинопленкой в круглой металлической коробке. Дроздову не смутило, что звук не сохранился: история этой эвакуации, окончившейся на Горьковской земле, так тронула ее, что она приняла решение сделать о Матрене Исаевне передачу.

«Жаль только, что встретиться с Вольской мне не довелось, – сокрушается Наталья Михайловна. – Она уже страдала

ИЗ АРХИВА АЛЕКСЕЯ ЧАЛОВА

Михаил
Архипович
Вольский,
муж Матрены
Исаевны

ИЗ АРХИВА АЛЕКСЕЯ ЧКАЛОВА

Первая встреча бывших подростков и партизан в Смольках в 1976 году. Матрена Вольская – в центре в темном сарафане

ИЗ АРХИВА АЛЕКСЕЯ ЧКАЛОВА

Первое издание книги вышло в 1986 году

эмфиземой легких, говорить не могла. Но были те, кого она спасла из оккупации – среди них, например, племянница Матрены Исаевны Татьяна Плетнева, а также ставший первым Героем Соцтруда завода «Красное Сормово» Николай Анищенков. Так что подлинность истории вопросов не вызывала. 18 декабря 1978 года передача вышла в эфир. Мне сказали, что Матрена Исаевна успела ее посмотреть.

А после телепередачи пошли письма – люди с разных концов области писали, что и они были в том отряде. Сбором откликов и воспоминаний занимался Леонид Новиков.

Когда он притащил огромную кипу этих воспоминаний, у меня вырвалось: «Леонид Кондратьевич, а что, если книжку написать?» Он загорелся этой идеей. А я письма эти прочитала и… заболела. Было очень тяжело. В фильм потом вошел рассказ женщины из Елисеевичей о том, как она сковалась от немцев в реку – дышала через соломинку – и слышала, как кричат ее родные, которых загнали в клуб и сожгли заживо. Всю семью, 12 человек, она потеряла. Таких случаев было много. Что ни история – сплошные слезы, как вынести? Но Новиков пришел ко мне в больницу, умолял, уговаривал, и все же решили, что книге быть».

13 ТЫСЯЧ ДЕТЕЙ ДЛЯ БУДУЩЕГО

Профессиональным чутьем Наталья Михайловна понимала: публиковать разрозненные воспоминания об операции «Дети» – не вариант. Книга должна быть написана в жанре художественно-публицистической прозы. У Дроздовой был большой опыт в создании сценариев, но соединить художественное слово и документалистику… Восемь лет прошло, прежде чем были изучены и переработаны сотни писем, которые все эти годы кропотливо собирал Леонид Кондратьевич Новиков. И наконец книга была закончена: первое издание увидело свет в 1986 году.

«Я поняла, что книга получилась, когда участники событий спрашивали потом: как вы догадались описать наше состояние на привале в лесу или в вагонах поезда, ведь все так и было?! – вспоминает Наталья Михайловна. – Позднее я даже стала ловить

Наталья Дроздова и Леонид Новиков на презентации книги об операции «Дети»

ИЗ АРХИВА АЛЕКСЕЯ ЧКАЛОВА

очевидцев на том, что они рассказывали свои воспоминания словами из книги». Дроздова признается, что для нее как автора была задачка посложнее, чем передавать внутреннее состояние участников перехода или воссоздавать диалоги: необходимо было вписать в книгу руководящую роль партии – и это притом, что сама Наталья Михайловна была беспартийной. Но без этого книгу не издали бы. А на самом деле подготовка эвакуации – заслуга Бати, Никифора Захаровича Коляды. К лету 1942 года под его командованием было около 5 тысяч бойцов – фактически в тылу врага действовала армия. Сохранился его отчет: за год освободили 240 населенных пунктов, убили 2353 немецких солдата, офицера и полицейских, взорвали 93 моста и пустили под откос 6 вражеских поездов. Операция «Дети», которую Батя поручил Вольской, стала первой в череде не столь масштабных, но все же важных операций по эвакуации детей с оккупированных территорий. Всего смоленским партизанам удалось сохранить для будущего более 13 тысяч детей и подростков!

Несмотря на эти успехи, в конце 1942 года Батю вызвали прямо из отряда и отправили в места не столь отдаленные. Он был реабилитирован лишь в 1954 году и умер от инфаркта вскоре после освобождения.

ПРОЙТИ ПО СЛЕДАМ ОПЕРАЦИИ «ДЕТИ»

Сразу после выхода первого тиража книги «Операция «Дети» Наталье Михайловне пришла в голову идея: а что, если с современными ребятами – ровесниками того похода – повторить маршрут Вольской и снять об этом фильм? Идея казалась несбыточно-амбициозной, пока на одной из передач в телестудии Дроздова не познакомилась с Алексеем Чкаловым – руководителем велоклуба. Преодолеть 200 километров пешком в мирное время – странная затея, но что, если на велосипедах?..

Дроздова подошла к нему после передачи, в которой он принимал участие, и подарила книгу об операции «Дети». Активный и деятельный Чкалов с удовольствием идею похода подхватил. Летом 1987 года юные велосипедисты впервые повторяли тот путь, которым прошли их смоленские ровесники в 1942-м. Чкалов взял на себя подготовку к велопоходу, причем сразу решил, что участвовать должен не только его велоклуб, но и ребята из школы в Смольках. Директор школы Нина Горбаконенко поддержала эту идею, а организовать смолковских ребят вызвалась учительница Наталья Серова. Чкалов каждую неделю ездил к ним, разработал программу тренировок, а необходимым условием поставил отличную успеваемость. За право участия

ИЗ АРХИВА АЛЕКСЕЯ ЧКАЛОВА

Каждый
свой приезд
в Смоленскую
область Алексей
Чкалов обязательно
навещал
Варвару Сергеевну Полякову
(Сладкову).
Встреча
в 1990 году

Даже на
велосипедах путь
в 200 километров
по лесам
Смоленской
области оказался
непростым
(поход 1990 года)

в походе развернулось целое соревнование.

«Весна и лето на Смоленщине выдались такими дождливыми, что в июне там картошку пересаживали, потому что ту, что посадили в мае, просто вымыло с полей», – вспоминает Чкалов. – Можете представить, какие были дороги, когда мы приехали в Смоленск: мои подопечные на велосипедах и киногруппа Натальи Дроздовой на ГАЗ-69, всего около 55 человек». В деревнях школьников встречали очень гостеприимно: местные жители приглашали к себе в дома, делились воспоминаниями, устраивали митинги на местах памяти и славы. Кроме того, группу сопровождал

Леонид Новиков, который во время переходов и на привалах рассказывал детям про войну и события тех лет.

«Не только само путешествие, но и подготовка к нему очень меня изменили, – вспоминает участница первого похода, тогда – ученица смольковской школы, а сейчас – начальник отдела развития образования Высшей школы экономики в Нижнем Новгороде Наталья Серова. – Матрена Исаевна была учительницей начальных классов еще у моего отца, и с детства я слышала рассказы о ней и ее подвиге. Мы вели активную поисковую работу, переписывались с ветеранами Смоленщины, и для нас было очень важно

ИЗ АРХИВА АЛЕКСЕЯ ЧКАЛОВА

ИЗ АРХИВА АЛЕКСЕЯ ЧКАЛОВА

Бюст Матрены
Вольской
работы
скульптора
Людмилы
Кулаковой взят
за основу для
памятника
в полный рост

ИЗ АРХИВА АЛЕКСЕЯ ЧКАЛОВА

встретиться с ними вживую, побывать в этих местах. Запомнилось то, что, отойдя от любого места привала в лес, наши мальчишки каждый раз возвращались то с солдатской каской, то с гильзой – было полное ощущение, что, несмотря на прошедшие сорок с лишним лет, следы войны все еще на поверхности. И старики-ветераны с плачем говорили о событиях тех дней так, как будто это было вчера».

Особенной удачей первого похода стало то, что группе удалось встретиться с Варварой Сергеевной Поляковой (Сладковой). Эта скромная женщина, как и Матрена Исаевна в Смольках, всю жизнь проработала учительницей в Демидове, никому не рассказывая о своей роли в операции «Дети», не считая это подвигом. Леонид Кондратьевич Новиков взялся и здесь восстановить историческую справедливость: собрал документы, и Варваре Сергеевне присвоили звание ветерана Великой Отечественной войны, наградили орденом.

А для мальчишек и девчонок, участвовавших в том походе, главной наградой стало новое понимание себя и своей страны. Увидев, как меняет детей такой опыт, Алексей Чкалов в 1988 году снова организовал поход

по следам операции «Дети», а затем, став федеральным инспектором по Нижегородской области, инициировал целый ряд более масштабных поездок на автобусах, в которых ребята посещали не только Смоленскую область, но и Гжатск – родину Гагарина, места Бородинского и Куликовского сражений, Ясную Поляну, города Золотого кольца.

Матрена Исаевна не считала операцию «Дети» подвигом. Для нее это было просто партизанское задание

ИЗ АРХИВА АЛЕКСЕЯ ЧКАЛОВА

«Я ходила с ребятами в три экспедиции, – говорит Наталья Дроздова. – Видела, как из городских пижонов они превращались в мальчишек и девчонок, которые умеют дружить и гордятся своей страной. И слышала, как они потом говорили: мы раньше и не подозревали, как велика Россия».

ПАМЯТНИК НЕОБХОДИМ

Чкалов готов и сейчас организовывать подобные походы, справедливо считая, что это – лучшая форма не только патриотического воспитания, но и воспитания вообще, был бы административный ресурс. А еще он увлечен идеей поставить Матрене Исаевне памятник.

«Добиться ордена для нее из-за отсутствия подтверждающих документов мы не смогли, но тридцать лет занятий этой операцией побудили меня взяться за увековечение ее памяти, – говорит Чкалов, показывая фото бюста, который еще в 80-е годы создала нижегородский скульптор, в прошлом тоже партизанка Людмила Кулакова. – Сейчас мы дорабатываем это изображение со скульптором Сергеем Мольковым, и один памятник высотой 2 метра будет стоять в Городеце, а копия – в Смоленске».

Глава Городецкого района Николай Поляков уже одобрил идею Чкалова – будущему памятнику нашли место на высоком берегу Волги. В лице Матрены Исаевны Вольской активист хочет увековечить память всех учителей, которые занимались эвакуацией детей в военное время. Не столь масштабные, но подобные операции проводились партизанами постоянно.

«Мы отдадим должное всем тем, кто способен не просто учить, передавать знания, но воспитывает душу, а также самоотверженно спасает, если потребуется, – говорит Алексей Чкалов. – Современные дети не могут, да и не должны, помнить ту войну. Но они должны знать о людях, которые помогли завоевать Победу». ■

НЕ ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

АВТОР

ЮЛИЯ ЭГГЕР

ИМЕН СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН ПОЧТИ НЕТ НА ПАМЯТНИКАХ И МЕМОРИАЛАХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. РОДНЫЕ РЕДКО ИЩУТ ИХ МОГИЛЫ – ПОГИБШИЕ НЕ УСПЕЛИ СТАТЬ ЖЕНАМИ И МАТЕРЯМИ. РАБОЧИЕ, ВОЕННОПЛЕННЫЕ, ВОЛЬНОНАЕМНЫЕ, ВРАЧИ, САНИТАРКИ, СВЯЗИСТКИ, РАЗВЕДЧИЦЫ: ИЗ 80 ТЫСЯЧ ПОГИБШИХ И ЗАХОРОНЕННЫХ В АВСТРИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ОКОЛО ТЫСЯЧИ – ЖЕНЩИНЫ.

В МИРОВОЙ ВОЕННОЙ истории нет примеров такого массового участия женщин в боевых действиях, как во время Великой Отечественной войны в Красной армии. Нет примеров и такого массового участия женщин в добровольческом движении, каким оно было в СССР. И это притом, что в СССР в начале войны на фронт призывались в основном женщины от 18 до 29 лет, имеющие

специальные военно-технические, военно-медицинские и ветеринарные специальности, на изждивении которых не было детей и нетрудоспособных родителей. Но на фронт шли и десятки тысяч женщин-добровольцев. Они служили в Красной армии, Военно-морском флоте, в войсках НКВД, в тыловых частях и в учреждениях, большинство – в смешанных формированиях, вместе с мужчинами. За годы

войны советские женщины освоили помимо медицинских более 20 военных специальностей. Они были летчицами, танкистами, саперами, минерами, снайперами, артиллеристами, шоферами, регулировщицами, связистками, разведчицами, топографами, пехотинцами.

Историки до сих пор спорят о том, сколько женщин принимало непосредственное участие в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной. По разным данным, вместе с мужчинами сражались от 800 тысяч до миллиона женщин. По сведениям архива Мобилизационного управления ГОМУ Генштаба, на 1 января 1945 года в Красной армии, без учета Военно-морского флота, находились 463 503 женщины-военнослужащие, из них 318 980 – в боевых частях.

Один из первых приказов Минобороны, касающихся женщин, вышел в августе 1942 года. Он предписывал взамен табачного довольствия ежемесячно выдавать некурящим женщинам по 200 граммов шоколада или 300 граммов конфет. До этого документа было подписано несколько приказов об укомплектовании авиаполков женщинами и о замене женщинами мужчин-военнослужащих отдельных специальностей в тыловых войсковых частях, в ВВС и войсках

Захоронение на Центральном кладбище Вены, перенесенное из Народного сада

© ЮЛИЯ ЭГГЕР

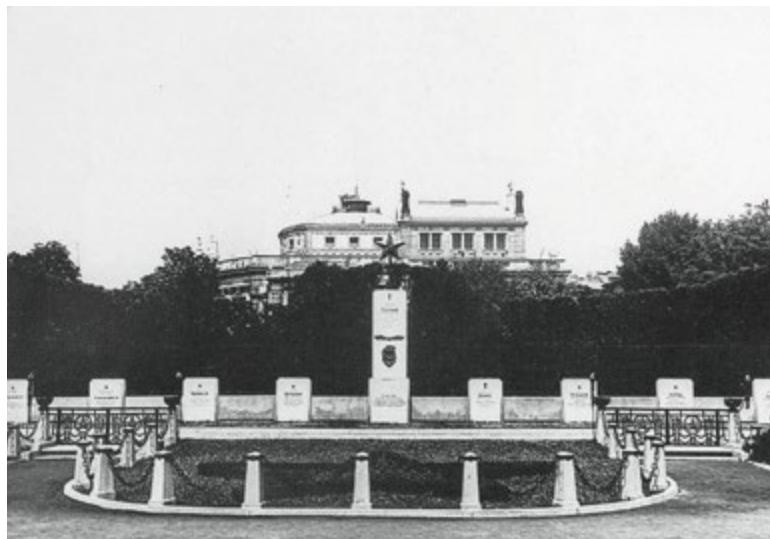
связи. Специальная форма для женщин-военнослужащих начальствующего и нестроевого состава была введена в августе 1941 года, а через год появился новый комплект женской формы для всех женщин-военнослужащих. Но до 1943 года женщины на фронтах, как правило, предпочитали носить мужскую форму.

До 1944 года специального учета по гендерному признаку на фронте не велось. Только 14 февраля 1944 года «Наставлением по учету личного состава Красной армии (в военное время)» было предписано помимо фамилии, имени и отчества, номера военно-учетной специальности и других данных писать слово «женщина». Число женщин-военнослужащих в воинском подразделении указывалось с этого времени в знаменателе, что означало: «в том числе женщин». Погибших на фронтах и умерших в госпиталях женщин особым образом не подсчитывали и хоронили так же, как мужчин: офицеров – в отдельных могилах, рядовых – в братских или одиночных, в зависимости от ситуации. Тем не менее, если это было возможно, женщин все-таки старались погребать отдельно.

На сохранившихся могильных камнях в Австрии женских имен в разы меньше, чем их было на момент окончания войны: при перезахоронении многих из них переносили в новые братские безымянные могилы. Из 80 тысяч советских граждан, погибших во время Второй мировой войны и похороненных в Австрии, около тысячи – женщины, но памятников с их именами – не более сотни. «Женские могилы» в Австрии можно условно разделить на три группы. Самая многочисленная из них – могилы пленных и угнанных на принудительные работы советских женщин, девушек и девочек. На втором месте – захоронения женщин, погибших в боях, на третьем – могилы женщин, умерших и погибших в первое послевоенное десятилетие.

Кладбище
в Народном
саду у здания
парламента

До октября
1956 года могила
Амины Галяевны
Хамитовой находилась в центре
Вены в парке,
напротив здания
австрийского
парламента,
а затем была
перенесена
на Центральное
кладбище Вены.
Надгробия
и памятники
изготавливали
австрийские
каменотесы,
не владеющие
русским языком.
Ошибка
в написании
имени на памятнике – типичное
явление того
времени

©АРХИВ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИИ

«УМЕР ОТ РАН»

Среди донесений о потерях, составленных во время войны в Австрии, нет ни одного, в котором женщины были бы отмечены каким-то особым образом. В графе «причина смерти» чаще всего написано бесполое «умер от ран» или «погиб». Старшина медицинской службы Мария Алексеевна Бочарова за три года войны была ранена трижды и триждыозвращалась в строй. В 1944-м 20-летнюю девушку наградили медалью «За боевые заслуги». Четвертое ранение, полученное в Австрии в 1945-м, стало смертельным. Ее похоронили на гражданском кладбище поселка Ласзее в отдельной могиле рядом с пятью боевыми товарищами-мужчинами. Сразу после окончания войны останки бойцов были эксгумированы. Документы, проливающие свет на это перезахоронение, не найдены пока ни в австрийских, ни в российских архивах. Имени по-

гибшей и ее однополчан нет ни на одном надгробном камне.

На могиле Марии Шишкной в городке Нойленгбахе всегда горит свеча или лежат цветы. На этом огромном советском воинском кладбище почти две сотни братских и индивидуальных могил. Женское имя на надгробном камне одно: «Красноармеец М. Шишкина. Погибла в апреле 1945». Она прошла всю войну, выжила, спасала раненых солдат в страшных боях в Венгрии. Смерть настигла ее в самом конце войны: она погибла от снайперской пули. Мария не дожила до Дня Победы всего пять дней. Напротив здания австрийского парламента в самом центре Вены с 1945 по 1956 год рядом с могилами мужчин находилась единственная женская. В ней была погребена гвардии капитан медицинской службы Амина Галяевна Хамитова. Она подорвалась на мине в конце апреля 1945 года, уже после того, как Вена была взята. Кладбище в сквере у парламента организовали наспех уже в мае 1945 года, затем дважды перестраивали. Это захоронение должно было стать вечным напоминанием о том, кто и какой ценой вернул Австрии свободу и независимость. В октябре 1956 года мемориал перенесли на Центральное кладбище австрийской столицы. В Книги Памяти Татарстана есть имя погибшей и похороненной в Австрии Амины Галяевны Хамитовой.

©ЮЛИЯ ЭГТЕР

ЛАГЕРЬ «ЖЕНСКИЙ»

В материалах Нюрнбергского процесса цитируется приказ, действовавший на протяжении всей войны: расстреливать всех «комиссаров, которых можно узнать по советской звезде на рукаве, и русских женщин в форме». Только в 1944-м, когда руководство вермахта серьезно засомневалось в победе, не только гражданских, но и советских военнопленных женщин стали отправлять в концлагеря.

До осени 1944 года в немногих концлагерях мужчины и женщины находились на одной территории. Полной противоположностью были лагеря смерти, в которых чаще всего не было раздельных мужских и женских бараков – прибывших в лагерь зачастую уничтожали уже через несколько часов. Немногим удавалось остаться в живых несколько дней. С конца войны вплоть до 70-х годов прошлого века об австрийском концлагере Маутхаузен говорили исключительно как о мужском лагере. На самом деле у лагеря было пять женских филиалов. Тысячи заключенных женщин увозили оттуда в Равенсбрюк и Освенцим. Перед самым освобождением, 3 мая 1945 года, в Маутхаузене находилось 64 800 мужчин, 1734 женщины и около 15 тысяч не внесенных в списки арестантов. В общей сложности за все годы существования лагеря в нем было зарегистрировано около 10 тысяч женщин разных национальностей. Первые женщины отмечены в книгах прибытия Маутхаузена только в сентябре 1944 года. Но несколькими годами ранее в книге умерших уже были сотни женских имен. Точное число советских женщин, как и женщин из других стран, прошедших через систему лагерей Маутхаузен, никогда не будет подсчитано. Доподлинно известны лишь некоторые цифры и факты. 5 октября 1943 года в Маутхаузен прибыло около тысячи

©ОЛИЯ ЭТЭР

На этом месте находился блок 20 – барак, где размещались советские военнопленные, а с сентября 1944-го – женский лагерь. Теперь на этом месте одно из кладбищ концлагеря Маутхаузен

мужчин и 187 женщин из Днепропетровска. Все они значились в документах как «политические заключенные». Старшей из них был 71 год, в лагерь вместе с этой женщиной доставили и ее 22-летнюю внучку. Самой младшей из интернированных из Днепропетровска было 15 лет. Женщины оставались в лагере всего 12 дней, а затем были отправлены в Освенцим II Биркенау. Австрийский историк Андрес Баумгартен в книге о женщинах лагеря Маутхаузен описывает один из эпизодов, произошедших за этот короткий срок. Автор цитирует шесть записок украинки, адресованных

©ОЛИЯ ЭТЭР

Могила неизвестной советской военнослужащей на кладбище в городе Хорне

Хансу – заключенному, работающему в крематории лагеря и имеющему доступ к бараку, где временно находились женщины. В первой записке 22-летняя Ванда Л. пишет: «Дорогой мужчина! Я не знаю, как Вас зовут, но позвольте поблагодарить вас за все». В следующих письмах пленная рассказывает о том, что в Днепропетровске она работала ассистенткой в больнице и просит о дружбе. 13 октября украинка пишет самое эмоциональное письмо. В нем она говорит о том, что человеческие инстинкты существуют, несмотря ни на что, но не надеется на то, что отношения с Хансом когда-нибудь станут реальностью. Ванда мечтает остаться в лагере рядом с Хансом и работать по медицинской специальности, но понимает, что это вряд ли возможно. Девушка обещает при случае прислать свое фото, о котором просил Ханс. В письме, написанном на следующий день, девушка благодарит за дружбу, извиняется за то, что остается холодной с ним в присутствии других заключенных, и предполагает, что это предпоследнее письмо. Днем позже она пишет в Маутхаузене последние несколько слов: «Мой дорогой Ханс, это мое последнее письмо. Я прошу, думайте обо мне всегда. Я буду всегда писать. До свидания, мой любимый. Большой привет. Ванда». Вместе с другими женщинами Ванду отправят в Биркенау. Больше о ее судьбе ничего не известно. Хансу удается сделать почти невозможное: за три дня до освобождения лагеря, 2 мая 1945 года, работающие в крематории были расстреляны, но некоторым удалось спрятаться и избежать уничтожения. Среди них был и Ханс.

С января 1945 года в австрийский лагерь Маутхаузен прибыло более 7 тысяч женщин и сотни детей. Гитлеровцы начали массовое истребление людей, скрывая следы преступлений.

пройти по высшему разряду. Всех погибших в этот день гражданских – мужчин, женщин, детей – независимо от статуса и национальности похоронили на местном кладбище в братской могиле. На мраморной доске кладбища Тульна на немецком языке высечены имена советских женщин. Среди них – украинки Ольга Михайлюк и ее 3-летняя дочь Нина.

Самая крупная могила, в которой погребены угнанные из СССР 92 женщины (включая 24 девочки), находится в населенном пункте Штрасхоф. Это место в нескольких километрах от Вены было перевалочным пунктом для советских, угнанных в неволю. Из Штрасхофа прибывших распределяли на работу в разные места Австрии. В 1943–1944 годах плленных вели сюда целыми семьями: на всегда остались в австрийской земле 95-летняя белоруска Праксевья и умершая через пять суток после рождения Машенька, 18-летняя россиянка Надя и 15-летняя украинка Наталья...

РАБОТА И СМЕРТЬ

На территории бывшей Австрии с самого начала Великой Отечественной находились тысячи женщин из СССР, угнанных на принудительные работы. Труд советских женщин, большинство которых интернированы в Австрию с Украины, из России и Белоруссии, использовался на военных предприятиях по производству техники и обмундирования, на строительстве транспортных магистралей по всей Австрии. Большинство из них погибло при налетах авиации армий союзников и СССР: именно промышленные объекты и

железнодорожные узлы были мишениями для бомбардировщиков.

11 декабря 1944 года на австрийский город Тульн и пригорода, где работали в том числе женщины, угнанные из СССР, было сброшено более двух сотен бомб. Через несколько дней фашисты устроили пышные похороны погибших при налете: на центральной площади города выставили десятки гробов с телами погибших, произносили речи, торжественно везли гробы на кладбище. Церемония была тщательно продумана: пропагандистское мероприятие должно было

Погибли при авианалете и были похоронены в Тульне в братской могиле. На могиле побывала внучка погибшей

HIER RUHEN DIE BOMBENOPFER VOM 11.DEZEMBER 1944

BIELNIK WALTER · BIERBAUMER ALOIS · BIERBAUMER GERTRUDE · BIERBAUMER JOHANNA · BOHM ANTON · BRUCKEL MAYER IRMENTRAUD · BUTZINSKAS KARIN · BUTZINSKAS EMMA · BUKOWSKY ANTON · DIETL ANTON · DIETL JOHANNA · DIETL MARIE · ECKERL ELFRI · ECKERL FRANZiska · ECKERL JOHANNA · ECKERL ERNST · ERLING ILSE · GANZERT ANNA · GANZERT HERMINE · GRUBER RICHARD · GUSCHI AGNES · HAHN IDA · HAUSLER ELISABETH · HAUNOLD ANNA · HOFINGER LEOPOLDINE · HOCHREITER HILDA · DR. HOLUBOVSKY ANDREAS · JUNKER FRIEDA · JUNKER IRMA · KALIWODA FRANZ · KERSCHNER MARIE · KIREF LAURENT · KLEINER JOSEFINE · KNOPEK KAROLINE · KOKOS GERTRUDE · KRACHMALNA SOPHIE · KRACHMALNY PAWLE · KRECZI JOSEFINE · KRACHMALNY SWISTOSTAN · LADERER LEOPOLD · LINTNER ANTON · LINTNER MARIE · LOSCHL ANTON · MARKLE ANTONIA · MECHLER KAROLINE · MAVER ARTHUR · MICHALEK ANNA · MICHALEK OLGA · MULLER KARL · NEDLINGER JOSEFA · NESSELBERGER ANNA · NESSELBERGER FRANZ · NESSELBERGER HERMELINDE · NESSELBERGER JOHANN · NESSELBERGER MARGARETE · NESSELBERGER MARIE · NUSSBAUER MARIE · OBRIBERGER JOSEFINE · PAYR ANGELA · PFANNHAUSER FRIEDERIKE · PROKOP ANTON · RATSHEK GERTRUDE · REITERER FRIEDRICH · RIMI · OTMAR · RINKEWITSCH MICHAEL · ROHUCH FRIEDRICH · RUETZ CHRISTINE · SOCHAN ANTON · SUNEK · WASIL · SCHASCH OTTO · SCHAWORONKOWA LUDOV · SCHEIBER VILMA · SCHOBER FRANZ · STEINDL MARIE · TROFEIT ADELE · TROSTEJAWS ANATELI · TUR MARIE · VOSS FRITZ · WEISS ELFRIEDE · WENK ANNA · WENK HERTA · WERNER HEINZ · ZAUNER ELSE ·

Имена погибших при бомбардировке 11 декабря 1944 года австрийского города Тульна выгравированы на мраморной доске. Среди них угнанная на принудительные работы Ольга Михайлюк и ее 3-летняя дочь Нина

ДОЛЯ РАЗВЕДЧИЦ

В сентябре 1943 года в полицейские управления образованной после аншлюса федеральной земли Верхний Дунай поступило секретное письмо об отправке из Москвы на оккупированные территории советских разведчиков. В документе их называют «вражеские агенты». В письме рассказывается, что 19-летняя Елена Грабовская по кличке Ина заброшена в район польского Люблина и должна была прибыть к себе на родину во Львов, а следы отправленных вместе с ней мужчины и двух женщин, имена которых неизвестны, обнаружены в Варшаве. «Для себя и двух женщин мужчина купил билеты на поезд, следующий в Рейх», – говорится в сообщении. Документ предписывает установить слежку за родными Грабовской и быть внимательными при появлении незнакомцев. В австрийских архивах пока не найдено

ни одного документа о дальнейшей судьбе этих агентов.

Единственная расследованная на данный момент «шпионская» история времен Второй мировой была раскрыта еще в июне 1945 года, когда в братской могиле возле города Граца были обнаружены тела 142 человек, среди которых – две советские женщины. В начале апреля 1945 года советские войска уже воевали на территории Австрии, но в Остмарке еще существовал концлагерь Маутхаузен и его филиалы, а в 200 километрах от линии фронта, в Граце, фашисты сотнями расстреливали венгерских евреев, австрийцев – участников движения Сопротивления, восточных рабочих, военнопленных и советских агентов. Массовые расстрелы на территории казармы СС, в которую единовременно доставили 150 человек, начались 2 апреля и завершились 18 апреля 1945 года. За 16 дней было убито около 200 человек. Несколько десятков расстрелянных были спешно похоронены в воронке, появившейся на территории казармы во время мартовской бомбардировки города. Когда яма была переполнена, приняли решение отвезти тела на полигон Фелиферхоф на окраине города, где уже несколько лет проводились массовые расстрелы. Там же похоронили двух советских агентов – женщин-парашютисток: 20-летних Ольгу Куликову и Зою Богомян. Могилу присыпали хворостом и утрамбовали гусеницами танка.

Уже через 10 дней после капитуляции Германии в присутствии советских офицеров и судебно-медицинских экспертов началась эксгумация. Работы шли несколько дней. Погибших перезахоронили в братской могиле на Центральном кладбище Граца. По документам из открытых источников, разведчицы Ольга, уроженка Ворошиловграда (ныне Луганск), и Зоя, место рождения которой неизвестно, до сих пор числятся пропавшими без вести.

© ЮЛИЯ ЭТЕР

В братской могиле на кладбище в городке Химберге похоронена замученная фашистами Анна Николаевна Кудрявцева

ОДНАЖДЫ И НАВСЕГДА

Анна Николаевна Кудрявцева ушла на фронт добровольцем в самом начале войны. За четыре года она спасла сотни жизней. В описаниях подвигов санитарного инструктора Анны, которые составлялись в разные годы войны перед представлением к наградам, указано, что санитарный инструктор вынесла с поля боя 86 бойцов. Последний документ о награждении

© ÖSTERREICHISCHE ZEITUNG/KOLEKCIJA IZ «ПЛАМЯ»

Советские женщины-военнослужащие на открытии памятника советскому солдату в Вене 20 августа 1945 года

датирован 8 апреля 1945-го. Гвардии старшина санитарный инструктор 1004-го самоходного артиллерийского полка 207-й артиллерийской бригады Анна Николаевна Кудрявцева награждена орденом Отечественной войны 1-й степени. Всего за пять дней она эвакуировалась с поля боя 14 офицеров, сержантов и солдат.

Но этот приказ вышел спустя пять дней после того, как Анна погибла. На подступах к Вене 3 апреля 1945 года 27-летняя Анна Кудрявцева, ее возлюбленный – командир батареи и еще несколько офицеров попали в окружение. «Их потом нашли убитыми, со следами пыток. Особенно издевались над девушкой», – рассказывала однополчанка Анны Кудрявцевой, военный врач Татьяна Борисовна Бакланова. Она вспоминала погибшую боевую подругу до конца жизни.

Красноармейцы, погибшие в том бою, покоятся сейчас в городке Химберге в 30 километрах от Вены. И имени Анны Кудрявцевой нет на могильном камне. Документы о гибели однополчан матери до сих пор разыскивают дочь Татьяны Борисовны Баклановой, Луана Николаевна. Австрия всегда была для ее семьи особенной страной: здесь началась история любви родителей Луаны – старших лейтенантов танкиста Николая Бакланова и начальника санитарной службы полка Татьяны. «Нам ведь было тяжелее, чем мужчинам. Бойцы и офицеры это понимали и относились к нам с большим уважением. Несмотря ни на что, они были невероятными оптимистами! О смерти никто из них и не думал – все верили, что останутся живы. Бывало, едешь с ними на танке, а они шутят, смеются. Им очень нравилось, что я еду вместе с ними, были уверены: доктор рядом, значит, поможет. Один солдат преподнес мне колечко. Другие дарили букетик цветов, то насыпали ягодок в ладони», – рас-

©ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА ЛН БАКЛНОВОЙ

сказывала о событиях апреля 1945-го Татьяна Борисовна Бакланова.

Николай Бакланов впервые обратил внимание на Татьяну еще на железнодорожной станции в Румынии. «Я увидел стройную девушку в форме и хромовых сапожках на каблучках. На груди – медаль «За боевые заслуги». Как я узнал позже, она получила ее за Курскую дугу», – вспоминал Николай Михайлович. От со службы Николай узнал имя девушки, но тут поезд тронулся, увозя Татьяну. Вторая встреча произошла тоже случайно. Николай попал к Татья-

не как пациент – медицинская сестра почему-то направила лейтенанта именно в ту палатку, где работала доктор Татьяна Борисовна. Но им суждено было быть рядом всего несколько минут.

А потом была Вена. Татьяна Борисовна вспоминала, что за неделю боев в столице она видела только боль, кровь и ужас... «Как-то солдат подарил мне шелковое оранжевое одеяло. А через несколько минут началась бомбежка. Не знаю почему, я укрылась тем одеялом и лежала под ним, едва дыша. Когда все закончилось, я скинула одеяло. Оно было изо-

Семья
Баклановых

рвано осколками. В тот день погибло 11 человек», – рассказывала Татьяна Борисовна.

13 апреля Вена была освобождена. «Я помню площадь, вокруг которой стояли танки. Кто-то играл вальс, танцевали девушки, наши девушки, а потом стали подходить и венцы», – рассказывал Николай Михайлович. Судьбоносная встреча Татьяны и Николая состоялась в местечке Грюнербам, недалеко от Вены. В один из весенних дней полк собрали на награждение. «Народу было полно, все расселись по лавкам. И только рядом с Татьяной было свободное место», – вспоминал танкист. Его он и занял. Однажды и навсегда.

После награждения был праздничный вечер. Кто-то притянул старый патефон. Нашлась и единственная пластинка: красивое старое танго на немецком языке. Единственное, что можно было разобрать, – это женское имя Луана, которое много раз повторялось в песне. На танго «Луана» Николай и пригласил Татьяну. Молодой офицер тогда решил для себя: если у нас будет дочка, назову ее Луаной. Свадьбы не было – приказом по полку там же, в Австрии, их объявили мужем и женой. Ни марша Мендельсона, ни фаты, ни застолья, зато море цветов и подарок – трофейная пластинка 1934 года фирмы Polydor с танго «Луана».

В 1946 году у Татьяны Борисовны и Николая Михайловича родился сын, а через два года появилась на свет дочка. И Николай Михайлович назвал ее Луаной.

Теперь она хранит семейные реликвии, самая дорогая из них – старая треснувшая пластинка.

Сейчас Луана Николаевна восстанавливает историю батареи, погибшей 3 апреля 1945 года недалеко от Химберга, и помогает австрийским поисковикам искать родственников погибших и захороненных в Австрии красноармейцев.

Трофейная
пластинка
«Танго Луана» –
свадебный
подарок Татьяны
Борисовны
и Николая
Михайловича
Баклановых.
Через несколько
лет после
войны именем
Луана Татьяна
и Николай
назовут свою
дочь

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЯРОСЛАВА ГОЛОВАНОВА

ВОТ СТРАННО: ОТЦА МОЕГО, ЯРОСЛАВА ГОЛОВАНОВА, УЖЕ БОЛЕЕ ДЕСЯТИ ЛЕТ, КАК НЕТ. А ГОЛОС ЕГО ЖИВЕТ: В ПРОЗРАЧНОЙ КОРОБОЧКЕ АУДИОКАССЕТЫ, В РУЛЮНЕ ПЛЕНКИ, ПОКРЫТОЙ МАГНИТНЫМ ПОРОШКОМ. ДОЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ. У МЕНЯ ДОМА ЕСТЬ СТАРЫЙ ДИКТОФОН, СПОСОБНЫЙ ИХ ОЖИВЛЯТЬ. КОГДА-НИБУДЬ И В ДИКТОФОНЕ ПЕРЕТРЕТСЯ ПАССИК, ПЛЕНКУ ЗАЖУЕТ ЛЕНТОПРОТЯЖНЫЙ МЕХАНИЗМ... И ВСЕ КОНЧИТСЯ. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НЕДОЛГОВЕЧНЫ. НО РАССКАЗ ОТЦА ПРО ВОЙНУ Я ТЕПЕРЬ НЕ ЗАБУДУ.

Ему уже исполнилось 9 лет, когда война началась, и большую ее часть он провел в эвакуации в Омске, а с 1943 года – в Москве, в коммуналке в Лиховом переулке. В сознании мальчишки с пламенным воображением война преломилась странно: с одной стороны, в ней не было ничего такого уж страшного. С другой – до взрослых лет отец сохранил осколок фугасной бомбы, подобранный в Москве, и, когда впервые в 1976-м поехал в Германию, он этот осколок взял с собой: там он хотел его выбросить, «вернуть», и так отомстить – хотя бы символически. Только разговор с бургомистром Гармиш-Партенкирхена, в предгорьях Немецких Альп, который рассказывал, как был на Восточном фронте, привел отца к убеждению, что ничего выбрасывать не надо. Мстить не надо. С этой взрослой уже мыслью он прожил до конца своих дней. А детские воспоминания о войне – их же не перепишишь, не сотрешь, не выбросишь из сердца...

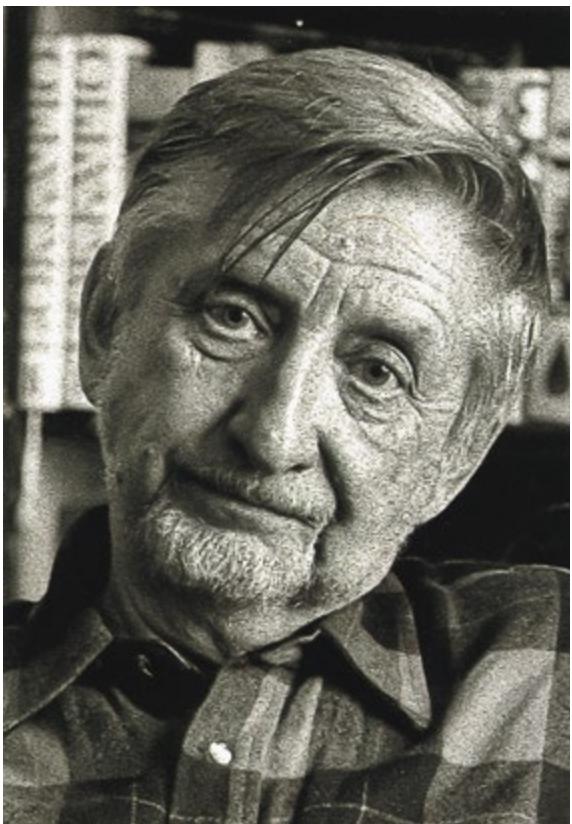
ТОВАРИЩ СТАЛИН И ЖУК-ДРОВОСЕК

…Начало войны я прекрасно помню: мы жили тогда на даче в Софрино (отец работал в комитете по делам искусств, а мамы не было: она гастролировала с Театром НКПС где-то в Монголии, в Бурятии, в Иркутске), и я заболел стрептококковой ангиной. Противная ангина, температура высокая, и сквозь этот жар помню, кто-то пришел и взволнованным таким голосом сказал: «Включайте радио, включайте радио, там Молотов выступает». Я не помню уже сейчас всей речи, помню только слово: «война». Взрослые, конечно, были крайне подавлены этим делом, но я не испытывал никакой тревоги. Скорее, у меня было чувство жалости к Гитлеру. Как к какому-то безумцу, который осмелился поднять руку на Советский Союз. Потому что вера в Красную армию,

в ее невероятную боевую силу очень крепко во мне жила, и я был совершенно убежден, что немцев размолотят в первых же боях и они проиграют войну в считанные дни.

Из воспоминаний первых дней почему-то врезалось в память выступление Сталина и то, как в репродукторе все время булькала вода. Видимо, он наливал себе воду и пил, когда говорил. И булькала по микрофону вода, и говорил он ужасно, чувствовалось, что он совершенно подавлен – во всем это чувствовалось, в самом тоне речи. «К вам обращаюсь я, друзья мои...» – уже в одной этой фразе так мало Сталина, что можно было понять всю чрезвычайность положения... Но мы, дети, конечно, не понимали ничего.

Помню, мы с бабушкой как раз были (все с той же антиной) в поликлинике НКПС на Комсомольской площади, когда объявили воздушную тревогу. Странные вещи запоминаются: сижу я на кушетке с градусником, а по двери ползет большой жук-дробосек. С дли-и-нными усами. И мне хочется его схватить. А бабушка меня не пускает, поскольку я с градусником. И вот когда все осталось позади, даже ангина, потому что мне было сказано, что я выздоровел, – вдруг объявили воздушную тревогу. Мы шли как раз по площади к вокзалу, чтобы ехать обратно в Софрино, – и тут она завыла, и все кинулись к метро. Эскалаторы станции «Комсомольская» работали только на спуск, народу было очень много, и потом все стояли в вестибюле станции... И я, помню, где-то присел, или даже прилег... Но, честно говоря, я был против того, чтобы лезть в это метро, потому что мне было очень интересно, и, если бы, допустим,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

...И в кругу семьи

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Мой дед Кирилл Николаевич Голованов, создатель Театра транспорта. В героическом образе...

я был один, без бабушки, я бы не пошел в бомбоубежище, мне было бы интересно посмотреть, что это такое – налет, как бомбы будут рваться... О войне ведь я знал только по кино...

Это был первый налет немцев на Москву. После него все стали чувствовать, что война эта серьезная и что она не там, далеко, на западной границе, – она пришла в дом. Она перестала быть абстрактной, когда немцы начали бомбить Москву. Потому что военные сводки, все, что передавало радио, – это было недоступно еще моему восприятию. Я понимал, что немцы наступают, все ждал, когда их начнут бить, но, вообще, воспринимал эти сообщения как-то отстраненно. А когда начались налеты – мы вырыли в огороде щель.

ЭВАКУАЦИЯ

В начале сентября отцу велено было на работе везти в эвакуацию и устраивать в Сибири Театр Вахтангова. А в Сибири, в Омске, жила родная сестра моей бабушки. Тетя Вера. И ее муж, дядя Коля. У них было трое сыновей и дочка чуть старше меня. Они жили на Тарской, 32. Большой бревенчатый двухэтажный двухподъездный дом – на первом этаже, я помню, была у них квартира из трех комнат с кух-

Ярослав
Голованов,
1941 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ней и печкой. Но это все я увидел уже потом. А первое ощущение от эшелона с эвакуированными: страшная давка. По всему Казанскому вокзалу была страшная давка и неразбериха. Отец куда-то сбежал, оставил нас с бабушкой, потом вернулся, сказал: «Пошли быстро за мной» – вещей у нас было очень мало. Два чемодана и, по-моему, какой-то баул. Отец нас посадил в вагон, который еще не был подан и стоял на путях. С кем-то он там догово-
рился. Он вообще очень хорошо знал железнодорожный мир, потому что был основателем Театра транспорта (нынешнего Театра им. Н.В. Гоголя) и через НКПС получал поезда для гастролей, знал Кагановича, который его благословлял на это дело, поэтому во всем железнодорожном он очень хорошо ориентировался. Помню, у него был даже ключ, как у проводников, чтобы открывать любые вагонные двери. Мы влезли в вагон: был он общий, и народу в него уже набилось бес-ко-нечное количество. Как я спал, как ехал – я этого не помню. Единственное, что помню, – это невероятную набитость. Здесь я столкнулся с железной дорогой, совершенно мне неизвестной. Огромное число потных, страшных, грязных, вонючих людей, которые сидели и в проходах, и на третьих полках, и под полками... И я помню, что мы сидели в одном из этих закутков, а напротив – где места у окон – сидел какой-то раненый матрос. И когда поезд пошел, он достал бутылку водки и налил себе сразу стакан. И это тоже одно из воспоминаний совершенно неправдоподобных, потому что у нас в доме пили водку, отец любил перед обедом рюмочку обязательно пропустить; был для этого такой графинчик синенький, он стоял в буфете, вот, он извлекался перед обедом обычно – а здесь... Стаканом – раз! – утерся рукавом и уперся лбом в окно: считать версты...

ЖМЫХ, БУРЖУЙКА И «АЭЛИТА»

В Омске наши родственники дали нам самую большую комнату из трех – и даже ее обставили. Это была большая светлая комната с большим окном, на втором этаже, выходила на Тарскую улицу. Тарская улица была вся разбита, она неасфальтированная была и шла к кладбищу, мимо нас все время возили покойников... Иногда катафалки застревали против дома, и тогда гробы начинали съезжать в грязь с телег, на которых их везли... В общем, я вступил в жизнь, которой никогда прежде не жил. Началась зима. Я поступил в школу. Школа была в двух кварталах от нас, деревянная. Больше всего в ней поразил меня сортир. Холодный... В Москве мы жили в коммуналке, но это была коммуналка в хорошем купеческом доме. В ней текла городская жизнь. В ней были городские удобства, которые в Омске казались почти неправдоподобными...

В школе все жевали, вернее, сосли жмых – прессованную шелуху от семечек, его покупали на базаре. Считалось нормальным, когда один мальчишка говорил другому: «Ну-ка, дай пожевать». Этот похожий на обмылок кусочек жмыха передавали друг другу, друг брал и жевал, потом возвращал тебе. Жмых утолял голод.

Было очень голодно. Тогда я почувствовал, что такое голод, в первый – и, дай бог, в последний – раз в жизни. Потому что это ужасно. Отец договорился, и нам откуда-то из столовой приносили перловый суп – синюю такую воду, в которой плавало буквально несколько перловых кручинок. Потом появилась печка-буржуйка, цилиндрическая. Величиной с ведро печка, с дверцей и конфорочкой – и я вместе с сыновьями тети Веры пилили для нее дрова. Они-то всегда пилили дрова, потому что они топили в кухне, и печь у них, разумеется, была дровяная, но для буржуики дрова надо было пилить очень коро-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Буржуйка.
Рисунок
Ярослава
Голованова
с натуры

тенькие, потому что другие в нее не влезали. Света часто не было, была коптилка, пузыречек с железной пробочкой: кто-то тогда наладился все это производить, потому что это не своими руками было сделано. Больше всего я полюбил сидеть у печки, наблюдая за огнем и за углами: она казалась такой уютной, хотя ни с какими печками я не имел дела в своей довоенной жизни. От печки через всю комнату шла железная труба, выходившая в форточку. А на стыках трубы подвешивались

на проволочках консервные банки, чтобы деготь не капал на пол. Всегда две или три банки висели в комнате наверху. В школе со временем появилось много эвакуированных детей. Помню Володю – толстенького ленинградского мальчика, который жил неподалеку от меня у родных – каких-то очень интеллигентных людей. У них была прекрасная библиотека, и он давал мне книжки. У него я взял «Аэлиту» – и всю прочел ее, сидя у печки, и эта книга настоящему меня потрясла. То есть настолько, что я сказал себе: да, вот это дело действительно стоящее – слетать на Марс. Этим я, пожалуй, и займусь... Это было во втором классе. И как это ни смешно и ни парадоксально, но в конце концов эта детская идея настолько меня захватила, что я прожил с ней всю свою молодую жизнь, и в Бауманский институт поступил весьма сознательно (именно на ракетный факультет), потому что я хотел лететь на Марс. Ну, не буквально, конечно. Но все равно, я хотел заниматься этой областью знаний...

Тогда же я прочел «Пятнадцатилетнего капитана» и Гоголя. Гоголя я и сам читал, и читал мне его отец. Вообще, он часто читал мне книжки. Он прочел мне гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки» – и я до того был впечатлен Вием, что идти в темную уборную мне было страшновато...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Эвакуированные
с родственниками

ТЕАТР ВАХТАНГОВА: ЛЮДИ И ДЕКОРАЦИИ

Зимой с гастролей вернулась мама. Театр транспорта развалился, возвращаться в Москву нельзя было, и она приехала в Омск. А отец, встретивши Вахтанговский театр, тратил огромное количество сил на то, чтоб его устроить. Это все-таки большой академический театр. Но они встали на ноги и, после того как все наладилось, стали играть старые пьесы. Рубен Николаевич Симонов был тогда главным режиссером.

Кстати, он, Синельникова и самый для меня важный – знаменитый театральный художник Рындин – частенько приходили к нам. Я ходил на все премьеры Вахтанговского театра. Помню премьеру спектакля «Фельдмаршал Кутузов», «Фронт» Корнейчука – который был, конечно, явлением в тогдашней жизни, – и Симонов поставил «Сирано де Бержерак», к которому Рындин сделал совершенно фантастические декорации – они представляли собой огромные куклы 7–8-метровой высоты. Две куклы стояли прямо на сцене, соединивши руки, а на руках у них был занавес. И спектакль начинался, когда эти куклы опускали руки и тем самым открывали сцену. Народу всегда на спектаклях было – не протолкнуться.

Почему про Рындуна я говорю? Потому что я всегда очень увлечен был оформительской стороной театра. Я попросил Рындуна, и Рындин принес мне огромное богатство – это была целая коробка всевозможных обрезков цветной бумаги, целлулоида, картона, каких-то пестреньких бумажечек и т.д. И самое большое мое увлечение тех лет было в создании макетов театральных декораций. По сути, я скопировал все декорации ко всем спектаклям Театра Вахтангова. Я сделал все декорации к «Фельдмаршалу Кутузову», куклы для «Сирано де Бержерака»... У меня была сделана из фанерки сцена; проведены какие-то провода, лампочки, я выпытал у Рындуна, как с

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Аттестат отца за 1943/44 учебный год на тетрадном листе

помощью кисеи и света создать глубокий задник сцены, чтобы одни видения появлялись, а другие исчезали... Я это все делал, и у меня даже получалось...

Рындин мне говорил: ты сам что-нибудь сделай, ты не копируй меня, сделай свое... И я сделал декорации к несуществующей пьесе «Кот в сапогах». И вот кот, которого я сам сшил, у меня всю жизнь в Переделкино прописал в кабинете... Рындин был в неописуемом восторге и все время предсказывал мне будущее театрального художника.

Война чувствовалась прежде всего из-за того числа эвакуированных, которые оказались в Омске. Второе – голод. Никто ничего не продавал. Все меняли. Мама беспрестанно носила какие-то вещи

на обмен. Какие-то свои шали, платья, пальто... На рынок приезжали – не знаю, кто они были, – казахи, что ли, которые и меняли это все на крупу, на масло. Хлеба не было. Хлеб выдавали по карточкам, с перебоями: то давали, то не давали, то за два дня, то за три дня. И однажды, помню, вместо хлеба дали пирог с брусникой, что ли. И мне отрезали огромный, с полголетного листа кусок этого пирога – а деть-то мне его некуда, в сумку положить нельзя, он внутри сладкий; в общем, до дому я его нес на руках, а он слабый, куски от него отваливались, я останавливался, подбирал их, пирог опять проваливался – так что я даже заплакал, пока донес пирог этот до дому в виде каких-то сломанных кусков.

ЛЕТНИЕ ГАСТРОЛИ ТЕАТРА МИНИАТЮР

Отец, устроив Театр Вахтангова, организовал Театр миниатюр. Там были и вахтанговцы, но были и другие актеры. Скажем, мама, приехавши, тоже стала работать в этом театре. Это было чисто агитационное предприятие, где в коротеньких миниатюрах представлялись фашисты, сцены из партизанской жизни и т.д. Помню одну миниатюру, как подбили двух летчиков – немецкого и советского, и оба они

Похвальная грамота, выданная отцу в Омске в 1943 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

приходят в крестьянскую избу, и, насколько я понимаю, все это было драматургически даже интересно, потому что немец говорил по-русски чисто, форма легкая, комбинезон, не разберешь, кто он есть на самом деле, – вот на этом и была построена интрига. Я помню, что это шло на ура. И были еще миниатюры совсем коротенькие. Например, в одной был представлен германский штаб: круглый стол, на столе карты, расчерченные красными и синими острыми стрелами, во главе стола Гитлер, а вокруг Гитлера – несколько его генералов. И они все лаяли пособачьи. И Гитлер лаял, и все его военачальники – довольно мастерски, потому что они на разные голоса лаяли, и лаем своим передавали и вопросы, и сообщения с мест. Задник сцены был белый, с нарисованной свастикой. И вот они лаяли-ляяли, все фашисты, а потом вдруг прорывалась эта бумага со свастикой, появлялся красноармеец с автоматом, и Гитлер вместе с генералами в ужасе замирали. Такая была своеобразная немая сцена. Песни пели фронтовые в этом театре – в общем, две или три были сделаны программы.

Успех был несомненный у этих представлений: людям нужна была поддержка, им нужен был юмор, щемящая душевность песенная. Поэтому летом театр на пароходе отправился на гастроли по Оби. Сначала в Тобольск, в Тюмень, потом в Салехард. Тюмень я плохо помню: только, что это был грязный, деревянный, низкий, темноватый такой городишко. Тобольск – на слиянии Иртыша и Оби. Тоже деревянный, неказистый довольно город, но там был очень красивый, построенный пленными шведами Кремль – там мне запомнилось, что кирпичи, по крайней мере некоторых построек, были уложены не плашмя, а стоямя. А в Салехарде стерлядь я поел на всю свою жизнь, потому что, кроме шанежек, стерлядь ухи и жареной стерляди, на второе никакой еды не было. И на этом мы жили примерно месяц.

Так в эвакуации отозвалось эхо о подвиге панфиловцев

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

На пароходе было прекрасно. Спокойная обстановка, пароход плывет по огромной реке. Она – очень широкая, с низкими берегами, но довольно некрасивая, в общем, река – это не Енисей. И между городами, где давались гастроли, были сотни километров совершенно безлюдных, лишь иногда вдруг какие-то вылезали из тайги деревушки, но к ним даже пристать было нельзя – причалов не было. Вместе с нами – не только для нас, но и вообще для всей навигации – шел еще пароход с пильщиками, которые по берегам валили лес, пилили и в штабеля складывали. Штабеля собирали в тех местах, где можно было подойти к берегу, спустить деревянный трап и загрузить эти дрова: все пароходы топились дровами. И вот на одной такой стоянке, когда папа сидел в компании актеров и играл с ними в преферанс, я вскочил на берег – в болотистое такое, мшистое место, – где меня и укусила гадюка, на которую я наступил. Я перепугался, бросился на пароход и говорю: мама, меня змея укусила... Мать побежала к отцу, который сидел с друзьями в салоне и играл в карты. Она открыла дверь и крикнула: «Кирилл, Ярошу укусила гадюка...» Не отрываясь от карт, отец пропел на мотив оперетки: «Га-дю-ка, га-дю-ка, гадю-ю-ю-ка!» Тут уж терпение матери лопнуло, одним движением она порушила всю эту расписанную пульку, карты

полетели в разные стороны, будто от маленького взрыва. После чего, я помню, пионерским галстуком мне завязали плотно ногу ниже колена, чтобы этот яд не пошел дальше. Нога посинела – я не знаю, от укуса или от того, что ее сняли так плотно, температура поднялась, но кончилось, слава богу, без последствий.

БИБЛИОТЕКА «ВОКРУГ СВЕТА»

Зимой 1942/43 года в Омске обнаружился интересный, неподалеку от нас живущий старик, который зарабатывал деньги тем, что давал читать журналы. У него была целая библиотека подшивок старинных журналов, переплетенных, в твердых картонных обложках, и количество этих журналов измерялось многими десятками таких вот переплетенных книг. Там были «Нива», «Вокруг света», «Столица и усадьба» и какие-то еще другие. Я, конечно, брал у него «Вокруг света» и иногда «Ниву», да и ту скорее для родителей, чем для себя. Надо было платить ему 3 рубля в месяц, и за эти 3 рубли ты мог приходить к нему хоть каждый день и менять... Но мне, например, подшивки «Вокруг света» на месяц не хватало. Потому что журналы эти были дореволюционные и, конечно, для мальчишеского чтения были настоящей находкой – это был выход в другой мир, в бесконечные путешествия, в мир фантастики. Я запомнил повесть об

Ярослав
и Василий
Головановы

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

изобретателе, который сделал такую штуковину, которая и плавала, и ездила, и летала. И на ней он путешествовал, и я думал: «Господи, вот если бы действительно такой аппарат соорудить...» И еще я помню какой-то рассказ о путешествии по джунглям Амазонки. И с тех пор – вот как это важно в детстве – во мне зародилась великая мечта: хотя бы раз побывать в настоящем тропическом лесу... И осуществил ее, когда мне уже было под пятьдесят лет, когда в Южной Америке на один день я залез в тропический лес настоящий... Вот эти журналы и этот дед были очень важным для меня событием. Как звали этого человека, я не помню. Помню, где он жил: Тарская улица одним своим концом упиралась в пожарную каланчу, и если от каланчи повернуть налево, то третий дом был его. Потом уже, через много-много лет, когда мне пришлось писать книжку о Королеве, я удивлялся тому, что, оказывается, все это время с

Королевым мы жили в одном городе... В 42-м году он был зэком и работал в Омске на Туполевском авиазаводе, эвакуированном из Москвы... Все КБ Туполева и завод были тоже, разумеется, эвакуированы. Так что теоретически мы могли бы с Королевым еще тогда встретиться.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Все лето 42-го года мы играли в войну. Деревянные автоматы у всех были самодельные – немецкие, наши – с круглыми патронными дисками. Велосипедами таранили друг друга. А поскольку при таком обращении спицы у большинства мальчишек бывали погнуты или выбиты, жестяники навострились сажать колесо не на спицы, а на сплошной диск из кровельного железа. Вот это была сила! Играли мы во дворе, среди каких-то сараев. Делали бомбы. Не знаю откуда, но появилось очень много всякого пороха, патронов... И мы делали деревянную такую бомбочку, туда закладывали патрон,

к капсюлю подставляли гвоздь, делали стабилизаторы из железа, и эти бомбочки с крыши сарая бросали вниз: раздавался довольно сильный вообще-то взрыв. Я еще удивлялся, что никто из нас не поранился. Во всяком случае, родители страшно воевали с этим бомбометанием. А с началом занятий в школе я влюбился в девочку по фамилии Бакулина. По-моему, Ира ее звали. Очень красивая была девочка: такая белокурая, стрижена. А в меня была влобленна Люся, девочка, эвакуированная из Одессы. Она ходила в школу мимо моих окон и всегда замедляла шаг или даже останавливалась, призывающе глядя в них. Бедная, как я сейчас понимаю, на ней было тоненькое, из плюша какого-то сделанное пальтишко, поскольку она одеситка и у нее вообще не было теплых вещей. А морозы там были страшные. Хотя зима там прекрасная была и морозы эти легко переносились: яркое солнце, сияет снег, скрипит под ногами, невероятно здоровая погода... Самые лучшие воспоминания о Сибири – это воспоминания о сибирской зиме и этой замечательной, радостной погоде.

Летом 42-го года мне исполнилось 10 лет. И я помню, отец с матерью все шушукались – что же мне подарить-то? И вот – где отец это достал, где купил? Но он подарил мне чугунный бюст Пушкина, который стоит сейчас в комнате. Там еще Данте – тот принадлежал еще деду Николаю Николаевичу, и гипсовый Лев Толстой – его подарил мне лиховский сосед Яков Оттович, с которым мы уже в Москве скоротали 1943 год, штудируя Брема...

P.S. Вот, собственно, все рассказы про войну, которые я записал со слов отца. Сегодня хотелось бы дополнить их, кое-что прояснить. Но, увы: некому сделать это. Нет отца. Голос есть, а его самого – нет. А голос никогда не рассказывает мне ничего нового...

Записал и подготовил к печати
Василий Голованов.

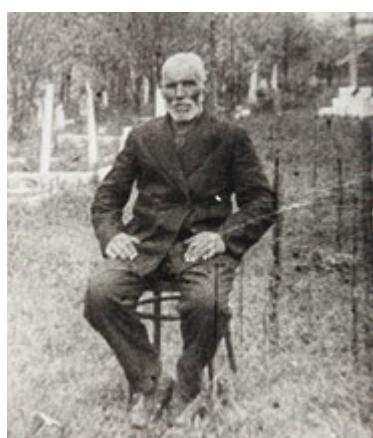
«ОСТАНОВИТЕ НА ЯРОСЛАВСКОГО»

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ МЕФОДИЙ ПАВЛОВИЧ ЯРОСЛАВСКИЙ ПОХОРОНИЛ ТЫСЯЧИ ПОГИБШИХ БОЙЦОВ. НОЧАМИ, ВТАЙНЕ ОТ ОККУПИРОВАВШИХ СЕЛО НЕМЦЕВ, СОБИРАЛ ПО ОКРЕСТНОСТЯМ УБИТЫХ СОВЕТСКИХ СОЛДАТ И ПОГРЕБАЛ ИХ, ЧТОБЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ МАТЕРИ СМОГЛИ НАЙТИ СВОИХ СЫНОВЕЙ.

ТИХОЕ КЕРЧЕНСКОЕ село Глазовка раскинулось меж степных холмов. Мы договорились встретиться с бывшим директором колхоза Петром Ивановичем Юрченко в «центре» села – у магазина. На поверку этот пятак оказался больше похож на тупик, где обрывается асфальтовая дорогая и начинается грунтовка... Петра Ивановича трудно было не признать сразу: деловитый, со смуглым обветренным лицом, крепкими мозолистыми руками – настоящий глава колхоза. Он сразу предложил

Мефодий Ярославский в послевоенные годы на основанном им кладбище

взяться за дело – поговорить с внучкой Ярославского и, извинившись, сообщил, что ему нужно бежать по делам. «Коров надо пасти», – объяснил он. Как выяснилось, внучка Ярославского, Ольга Ивановна Мелехина, работает как раз в магазине, у которого была назначена встреча. Она и арендатор помещения, и директор магазина, и бухгалтер, и товаровед, и продавец. «Комсомольская закалка!» – объяснил экс-директор колхоза. В молодости Ольга Ивановна была секретарем комсомольской организации и по-прежнему остается одной из самых деятельных жительниц села.

Деда Ольга Ивановна помнит плохо, когда он умер, ей было всего 6 лет. Добродушный, статный, с седой бородой, угощающий внучку конфетами – таким остался в памяти Ольги дедушка. О его судьбе ей известно по воспоминаниям матери, Прасковьи Мефодиевны, да из газетных вырезок разных лет.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ВЫСОТА

Родился Мефодий Павлович в 1881 году в Винницкой области: в одной из старых газет местом рождения значится «село Вежие», которого на карте не найти. В 1930-е годы переселился с семьей в Баксы (так тогда называлась Глазовка). – Прим. авт.), спасаясь от колхозификации. Здесь он обзавелся своей хатой, большим огородом и взялся работать на нефтяной скважине в Борзовке. Жена Мефодия была лет на пятнадцать моложе мужа. На ее надгробии выбито имя «Анна Харламовна», но, вероятнее всего, бабушку Ольги звали «Анисья Харлампиевна».

Все шестеро детей в семье помогали родителям. Те, что постарше, работали на колхозных полях, малолетние – по хозяйству дома. Старший сын, Василий, учительствовал в сельской школе. В 1940 году его вызвали в Керчь, а через два дня он уже прощался с родителями. На вопросы, куда он едет и зачем, отмалчивался. Через некоторое время старики получили от Василия письмо, в котором он сообщал, что учится в военно-политическом училище в Харькове и надеется на скорое свидание. Но в 1942 году Ярославским пришло извещение, что их сын пропал без вести под Полтавой...

Петр Юрченко считает своим долгом сохранять память о подвиге Ярославских

В Баксах с мая 1942 года хозяинали немцы. Гора Хрони, у подножия которой расположилось село, стала стратегической высотой – ближайшей и самой высокой точкой у перевалы на Тамань. Вся гора ощетинилась цепью блиндажей, дзотов, дотов, готовая отразить высадку советского десанта. Строить укрепления заставляли местных жителей. Старшие дочери Ярославских, Вера и Паша, вспоминали, как рыли окопы на склоне да решили посмеяться над своим надзирателем, который подгонял их: «Быстро, быстро!» «А ты покажи, как это быстрее?» – обратилась Вера к немцу. Надзиратель, бравируя перед 19-летней девушкой, спрыгнул в окоп и стал что есть духу воротить каменистую землю лопатой. А Вера взяла и окатила парня ледяной водой из ведра – ну, чтоб не перегрелся от работы. Немец шутки не понял: загнал девушек в резервуар с холодной водой и заставил стоять до посинения.

НОЧНЫЕ ВЫЛАЗКИ

Первого бойца Ярославские захоронили еще в начале оккупации. Едва живого, отставшего от отступающих войск советского солдата Мефодий Павлович заметил ночью у своего крыльца. Его втащили в дом, но раненый не протянул и получаса. В ту же ночь старики похоронили его у себя в огороде. Похоронили как безымянного: в его карманах было только разбитое зеркальце и фотография молодой женщины.

Гитлеровцы ввели в селе комендантский час: выходить из дома после восьми вечера было запрещено. Но Мефодий Павлович по ночам пробирался к местам боев и собирал своих погибших. Он считал всех своими, говорил, что «и моего сына так кто-то похоронил».

В 1942–1944 годах советские войска несколько раз пытались взять гору Хрони, так что работы для Мефодия Павловича хватало. Он выносил погибших на руках, вытаскивал на шинели,

Ольга Мелехина у могилы деда и бабушки

хоронил в огороде, маскируя свежие могилы будылем – за сохшими стеблями кукурузы. В ночных вылазках участвовали и старшие дочери Ярославских. Анисья Харлампиевна собирала найденные у погибших документы и медальоны, отмечая, кто где захоронен. В скопом времени скопился целый архив, который Анисья умело прятала – за все время обысков немцы так и не смогли его обнаружить.

Случаи у Ярославских были самые разные. На берегу моря Мефодий Павлович пытался помочь нашим разведчикам, отдав им свою лодку; хоронил других разведчиков, попавших на немецкий патруль и застреленных в селе почти у него на глазах. Пробирался к Аджимушкайским каменоломням, где героически держался подземный гарнизон. Это было особенно опасно: немцы обещали расстреливать всякого, кто будет обнаружен на дороге в Аджимушкай. А как-то раз, во

Глазовское кладбище на своем веку меняло облик: были здесь кресты, был тенистый сад...

время очередной облавы, соседка стала жаловаться оккупантам на несправедливость: дескать, у нее только зять воюет, а ее обыскивают, а у Мефодия оба сына – красные командиры, и ему ничего. Последовал обыск у Ярославских. Повезло, что немец попался снисходительный: переворачивать все в доме не стал, а хозяину посоветовал убрать с видного места фотографии сыновей.

ПОСЛЕ БОМБЕЖКИ

Однажды Мефодий Павлович подобрал в степи раненную лошадь, выходил ее и уже мог собирать погибших на бричке. Как-то немецкий офицер хотел силой забрать понравившуюся лошадку, но Мефодий Павлович дал ему жесткий отпор. От расправы старика спасла дочь Вера, отважно вставшая между отцом и разъяренным офицером. Однако вскоре все семей-

Тихая улочка Глазовки, ведущая в балку со старым колодцем

ство Ярославских из дома прогнали: шел 1944 год, атаки с таманского берега усиливались, и гитлеровцы выгоняли из прифронтовой полосы потенциальных пособников Красной армии. Ярославские укрылись в селе Марфовка, а когда после освобождения Керчи вернулись в Баксы, застали страшную картину. Бомбёжка разрушила не только их дом, но и раскрыла кладбище в огороде. Из наспех сделанных захоронений торчали руки, ноги, головы – словно бойцы пытались выбраться из своих могил. Первым делом старик начал восстанавливать могилы, а не свой дом. От предложения военачальников перенести все захоронения из его огорода отказался наотрез: «Кто знает, какой за могилками там уход будет, а я их своими руками хоронил и не оставил».

Когда пришло время отстраивать дом, Мефодий Павлович поехал за камнем на лошади в каменоломни. Привез не камень – шесть солдатских тел.

Похоронил на своем кладбище. И снова раз за разом ездил и собирал трупы по холмам и балкам. Погибших было слишком много, к делу подключилась и младшая дочь. Девочка, насыпавшая могильные холмы, поразила оказавшийся в селе похоронный отряд. Бойцы помогли Ярославским не только с погребениями, но и с постройкой дома.

Кладбище росло: местные власти продолжали хоронить здесь вновь найденных погибших. А Мефодий Павлович превратил погост возле дома в цветущий сад – засадил бывший огород вишнями, яблонями, абрикосами. И неустанно хлопотал о благоустройстве кладбища, установке памятника, мемориальной доски с именами погибших, надгробий.

После войны жители села принялись разбирать блиндажи и укрепления, которые когда-то сами возводили. Минами и неразорвавшиеся бомбы находили еще очень долго. На мине едва

не подорвалась дочь Ярославских Вера. До войны девушка окончила курсы трактористов-механизаторов и работала трактористкой, штурвальной, комбайнном управляла. В мае 1945 года Вера выехала в поле вместе со своей подругой Машей – каждая на своем тракторе. Задорные девушки взялись гоняться на перегонки. Тогда-то и раздался взрыв – трактор Маши подорвался на противотанковой мине...

НАЛИВНЫЕ САДЫ

Ольга Ивановна закрыла магазин, и мы пошли на «дедово кладбище». Шли по короткой дороге через село...

На улицах Глазовки машин мало. Всего несколько раз встретились раритетные «москвичи» и музейного же вида иномарки. Особенно колоритно смотрятся они с московскими номерами «777». Как говорят, пока такой порядок: при замене украинских номеров в ГИБДД выдают московские госзнаки.

…Спустились в сухую балку, где пасутся коровы и стоит старый колодец. Как он спасал жителей в засуху, помнит еще Ольга: ее мама сама ходила сюда с коромыслом. Сейчас до воды не добраться – колодец завален камнями. Мощные водоносные жилы – исторический символ села, так же как и фруктовые сады. «Баксы» в переводе с татарского буквально означает «садовая вода». На одном из холмов сохранилась даже часть древнего акведука, спускавшегося в «наливные сады».

В Глазовку село переименовали в августе 1945 года. Откуда взялось новое название, сейчас никто ответить не может. Одна из версий – в честь Героя Советского Союза Григория Выглазова, погибшего неподалеку в мае 1942 года.

Обрадовался я, увидев на лавочке возле дома колоритную статушку, – думал расспросить ее о Глазовке и Ярославских. Тетя Сонечка, как назвала старушку Ольга, хоть и родилась в далеком 1934 году, но приехала сюда в 1970-е годы. И таких приезжих в селе большинство, коренных жителей почти не осталось. Да и слово «большинство» Ольге кажется как-то не к месту – жизнь в селе затухает, заброшенных домов с каждым годом становится все больше.

А вот еще картина: широкое поле высокой травы, посреди которого возвышается засохшее кривое дерево. «Колхозный сад здесь был, – объяснила Ольга, – яблони, груши, сливы – всего хватало»...

АРХИВ ЯРОСЛАВСКИХ

На мемориальном кладбище нас встретил памятник советских времен – воин с поднятым автоматом. Здесь же – макет русской часовенки, грузинский монумент с колоколом и крестом святой Нины, армянский крест. Металлические доски с именами захороненных на старой кирпичной стене окружают разномастные таблички. Тоже с именами. Сделали их люди из разных уголков страны, нашедшие здесь своих пропавших без вести родных.

Первые родственники павших начали отыскиваться сразу после войны – все по материалам архива Ярославских. Стариков благодарили за подвиг, а таблички с именами вмонтировали на подставку памятника с бойцом. Сейчас на воинском кладбище в Глазовке покоится более 4700 погибших. Сколько из них захоронил Мефодий Павлович, никто точно не знает. В интервью 1984 года мама Ольги говорит о «более чем 2000 похороненных». Вердикт, это относится именно к тем, кого погребли Ярославские – не могли же здесь после 1984 года захоронить еще 2700 бойцов? Много важной информации мог бы дать архив Мефодия и Анисьи. Но его никто давно не видел. Говорят, после войны дед передал все собранные документы в военкомат. В селе имеется Музей боевой славы, созданный в 1979 году. Но если и были там какие-то материалы, то затерялись: музей несколько раз переезжал то в одну школу, то в другую, то в сельский клуб. Сейчас музейная экспозиция находится в помещении новой школы. Ярославским в ней посвящен один стенд с несколькими фотографиями и все теми же газетными вырезками.

В советское время о подвиге Ярославских писали нередко, есть даже статья на японском языке в журнале Общества советско-японской дружбы. Однако информации там мало, и не ясно, насколько можно ей доверять. Например, в газетах утверждается, что Мефодий Пав-

Стена Памяти с именами захороненных на кладбище воинов. Первоначальные списки год от года дополняются самодельными именными досками

Русский и грузинский православные монументы у входа на кладбище

лович хоронил погибших и во время первой оккупации Керчи, в ноябре–декабре 1941 года. Подтверждения этому на надгробиях не видно: даты смерти захороненных относятся к периоду второй оккупации – с мая 1942 года по апрель 1944-го. Не вся информация по этому кладбищу присутствует и в Обобщенном электронном банке данных «Мемориал». Я проверил по банку несколько имен с вмонтированных табличек. Некоторых из них вообще в базе данных нет, другие значатся как без вести пропавшие; если и есть информация о захоронении, то лишь из Книг Памяти – никаких ссылок на первоисточник.

ПОЛОН ДВОР ГОСТЕЙ

Мефодий и Анисья похоронены в самом центре кладбища. Погребали Мефодия Павловича с воинскими почестями: солдаты Керченского гарнизона дали тройной залп, на алой подушечке лежала его медаль – «За блестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Мраморное надгробие сделала семья Абуладзе из Сухуми – в благодарность Ярославским за погребение деда. Два каменных голубка на могиле – дело рук Мефодия Павловича. Сотворил он их для своей супруги, ушедшей из жизни раньше его.

Дом Ярославских стоит прямо за стеной кладбища. Точнее сказать, от хаты деда Ольги осталась только груда камней. А вот дом ее родителей выглядит вполне прилично, хотя зарос акацией и обветшал – в нем никто не живет уже много лет. «Мама ухаживала за могилами и садом до своей смерти, – вспоминает Ольга Ивановна. – Родственники похороненных дедом солдат приезжали на кладбище и часто останавливались у нас. А на 9 Мая всегда был полон двор гостей. Еще и по соседям размещали – все у нас не помещались. А как мама умерла, так и сад на

кладбище стал погибать. Сейчас от него осталось всего несколько деревьев – из того, что посадил дед, кажется, только вот этот абрикос».

Под сенью ветвистого абрикоса покоятся еще один человек, умерший спустя много лет после войны – Сергей Сергеевич Тавадзе. Лидер грузинской общины Керчи Серго Тавадзе нашел здесь могилу своего деда и после смерти Прасковьи Мефодиевны взял шефство над кладбищем. Со своим поисковым отрядом Тавадзе занимался поисками погибших в окрестностях села.

На здешних холмах поисковики и по сей день находят без вести пропавших бойцов. Явное свидетельство того – свежие могилы. А два года назад была сделана совсем неожиданная находка: выкопали двух солдат, которые значатся захороненными на глазовском кладбище...

АГРОНОМ И ХУДОЖНИК

Когда Петр Иванович говорил, что спешит «коров пасти», я подумал, что это какая-то присказка. Оказалось – правда жизни. «И не думал, что в старости буду с коровами тягаться, – рассказывает Петр Иванович. – Две коровы у нас – я их и пасу, и три раза в день дою. Кормилицы наши. Молоко сдаю своим, они в Керчи на рынке его продают. Без коров не обойтись: жена – лежачая, дочка тоже со мной жи-

вет – с мужем разошлась, у нас же внучка и четырехлетняя правнучка».

А до того Юрченко тринадцать лет проработал главным агрономом в райцентре, затем – шестнадцать лет директором колхоза в Глазовке; до пенсии дорабатывал на границе инспектором по карантину растений – через степь пешком на работу ходил. При этом он всю жизнь пишет маслом на холсте и считает себя художником...

К своему нынешнему положению Петр Иванович относится

Двух голубков сделал Мефодий Павлович для надгробия супруги

Благодарность на грузинском памятнике глазовского кладбища

философски: всему свое время. Помимо коров он еще картины успевает писать, выставляется, имеет свою мастерскую в Керчи. И во время своего председательства, и теперь Юрченко особо печется о памяти подвига Ярославских.

«На День Победы к нам отовсюду приезжали целыми автобусами, – вспоминает Петр Иванович, – из Грузии и Армении – всегда приезжали. В 1990 году грузины поставили свой монумент, после появился армянский памятник. А как Союз распался, всех словно ветром сдуло – никто не приехал. И только в последние годы 9 Мая в селе снова стало многонациональным и массовым праздником. Но что меня задело: на митингах не вспоминают о Ярославских! Я поднял шум в сельсовете – люди там новые, приезжие. Согласились, опомнились, теперь вспоминают. А мы решили увековечить память этой семьи, переименовав улицу возле кладбища из Шоссейной в Ярославского, и установить мемориальную доску. Конечно, сельсовет мог бы просто своим решением переименовать улицу. Не хотят, боятся бумажной волокиты: менять прописки, документы на дома и земли переоформлять. А ведь Мефодий Ярославский, когда жизнью рисковал, о бумажках и не думал – хотел, чтобы матери нашли могилы своих сынов. Ничего, теперь мы с Ольгой Ивановной собираем подписи односельчан за переименование улицы – уже больше половины всех жителей подписали».

У Петра и Ольги все получится – в этом нет сомнений. Тем более что в народе эту улицу уже давно переименовали. Со слов Ольги Ивановны, автобусную остановку возле кладбища называли по фамилии деда еще в ее детстве. Могу свидетельствовать: и до сих пор так называют. Когда я уезжал из Глазовки на маршрутке, пожилой пассажир попросил водителя: «Остановите на Ярославского».

СЕКРЕТ ВЫЖИВАНИЯ

БЕСЕДОВАЛ

ДМИТРИЙ РУДНЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

О ТОМ, КАК ВОЕВАЛИ, ПОБЕЖДАЛИ И ТЕРПЕЛИ ПОРАЖЕНИЯ НАШИ ДАЛЕКИЕ ПРЕДКИ, «РУССКОМУ МИРУ.RU» РАССКАЗАЛ КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН, РУКОВОДИТЕЛЬ РАСКОПОК ДОНСКОГО ПОБОИЩА, МОЛОДИНСКОЙ БИТВЫ И ДРУГИХ РАТНЫХ ПОЛЕЙ ОЛЕГ ДВУРЕЧЕНСКИЙ.

— О ЛЕГ ВИКТОРОВИЧ, ЧТО ТАКОЕ *военная археология*?

— Дисциплина пока не оформилась как самостоятельная, но этот процесс идет. В ней многое кардинально отличается от классической археологии, в том числе и методологически. Там нет надобности в тотальных раскопках. Порой достаточно металлоискателя. Ведь то, что мы находим на полях сражений, для других археологов — это просто подъемный материал, то, что не привязано никак к культурному слою. На ратных полях и нет никакого культурного слоя. Но, с другой стороны, то, что мы поднимаем на этих раскопках, упало на землю в промежуток, ограниченный несколькими часами. Любая находка в любом городе — даже если речь идет о Новгороде с его стратиграфией, дендрохронологией и легко датируемой вещи, берестяной грамоте, например, — не дает такой точной, до дня, привязки к хронологии, как находки на полях сражений.

Когда мы только начинали работу, когда мы только заходили на то же Куликово поле, нам коллеги говорили: вы ничего не найдете. Это ведь прекрасные черноземы. Их распахивали совхозы-миллионеры. Там все из года в год засыпалось аммиачной селитрой. Мы находили кольчужные кольца, но их не видел металлоискатель. Это чистый окисел. Но мы их там нашли. К тому же надо понимать, что там никто не собирался ничего оставлять. Мы, люди XXI века, не понимаем, что человек XIV или XVII века жил в традиционном обществе, все было устроено по-другому. Например, не было такого расточительского отношения к вещам.

Железный топор в середине XVI века стоил 45 копеек, а на одну копейку семья могла жить целую неделю. Так что простой железный топор — это годовой бюджет московской семьи XVI века. И вот представьте: вы оказались победителем в битве

и по всему полю разбросаны, по нынешним реалиям, «мерседесы». Да, некоторые из них совсем целые, некоторые – нет. Вы что, развернетесь и уйдете, сказав: а, ну пусть лежит. На память потомкам. Собирались все, вплоть до наконечников стрел. Древки у стрел были красного цвета специально, чтобы легче было найти. Но вот если уж она обломилась, то ее найдем мы. И мы находили: вот наконечник стрелы, вот рядом детали от кожаной сумки, вот возле нее монета. Драматический миг из прошлого замер на много веков. Это поразительные находки, такого никогда не почувствуешь, раскапывая дом в городе.

– Но вы в военной археологии имеете дело с довольно скучным, с точки зрения неискушенного человека, непрезентабельным материалом.

– А если это захоронение воина? Тогда наоборот: материал очень богатый, комплексный. А ратные поля дают нам то, что могут дать. Почему повелось, что найти подкову – на счастье? Да потому, что она стоила серьезных денег, и после битвы было такое понятие – стоять на костях. Собирали все, что представляло ценность. Однажды псковичи взяли штурмом небольшую новгородскую крепость. Они после этого три дня стояли там. Зачем? Собирали все, что только можно. Это типично не только для Руси или для Европы, так всегда вели себя люди, представители традиционного общества.

– Есть укоренившееся представление, что Древняя Русь была таким косным образованием, в котором все, и в первую очередь военное дело, застыло на века до начала Петровских реформ.

– Скорее, при Петре все застыло на очень долгое время, когда была сформирована военная структура по общеевропейскому принципу. Если же мы говорим о гораздо более ранней традиции, то тут в первую очередь надо понимать, что она складывалась из трех составляющих. Первая – скандинавская традиция, условно назовем ее «викингская». Вторая – центральноевропейская со значительным влиянием военного дела кочевых тюркских племен. И третья – собственная, самобытная традиция, находившаяся под сильным влиянием восточных традиций. И на протяжении всего периода, о котором мы говорим, она непрерывно изменялась. И ордынское нашествие не оказало на это принципиального влияния. Понимаете, когда ты сталкиваешься с чем-то неодолимым, с чем-то, что не можешь изменить, ты не будешь искать способы перенять это. Не было такого, что Орда прокатилась по Руси, все посмотрели, сказали: вот, мы также сейчас все сделаем и так же будем воевать. Наоборот, древнерусское воинское дело идет совершенно четко в русле, мне это слово не нравится, скажем так, рыцарской традиции. Это всегда копейно-мечевой бой. Отсюда все эти летописные «копия поверготша», «копия обратиша». Мы не знаем, какой хват копья был на Руси: рыцарский, подмышечный, или как у катафрактиев, или как позже у казаков,

двуручный. Но совершенно точно практиковалася именно этот вид боя: копейная сшибка и затем мечи. Для того чтобы вести такой бой, нужно было полностью подчинить себе лошадь. В кочевой или казачьей кавалерии всадник и лошадь всегда находятся как бы в сотворчестве, а здесь – наоборот, полное подчинение жеребца воле наездника. Это специальные удила, это глубокая посадка в седле и это, конечно, шпоры. И вот тут я могу сказать: мы находим эти предметы, и они совершенно идентичны современным им находкам в Лондоне или Париже. И у нас, и у них шпоры со временем удлиняются. И этот процесс идет буквально нога в ногу. В ходу трехчетвертные или близкие к тому шлемы, напоминающие европейский бацинет, прикрывающие голову по брови, а в тыльной части опускающиеся ближе к шее. Комплекс вооружений: арбалет. Конечно, он был не очень распространен, но мы находим болты от Новгорода, где они видятся нам логичными, до Рязани и Ельца. Все русские мечи типологически повторяют европейские. Ну и что уж говорить о наконечниках копий, которые мы находим просто в огромных количествах.

– Ведь именно копейным ударом кавалерии была выиграна битва на реке Воже, например?

– Да, при переправе ордынского войска копейным ударом конницы с трех сторон. Это типичная тактика для русских княжеств конца XIV века, которая сохраняется до очень позднего времени. Орда была метрополией, с ней воевать было невозможно, даже в голову это не приходило никому. И воевали то друг с другом, и делали это в соответствии со своей самобытной традицией. Другое дело, когда Орда развалилась и все ее осколки, и появившиеся ханства, и наши княжества – все это существовало в парадигме разрушившейся империи. Вот уже в этот момент у нас появляются новые враги. Враги, с которыми мы просто не умеем воевать. Отрезвленiem, вынудившим отказаться от привычной тактики, пониманием того, что появился новый противник с принципиально новым методом ведения войны, стало Белёвское сражение и чуть позже – пленение великого князя под Суздалем, когда вся Русь собирала деньги на его выкуп. И буквально через три поколения мы видим совершенно другое войско, приспособленное для ведения лучно-сабельного боя. Появляется низкое седло, высокие стремена, забываются длинные, 15-сантиметровые, шпоры, ну а комплекс вооружения мы уже назвали: лук и сабля. На знаменитой картине неизвестного художника «Битва под Оршей» русское войско изображено уже полностью перестроившимся, здесь бахтерцы – основной доспех: вертикальные ряды пластин соединены полосами кольчужного плетения. Высокая, «казачья» посадка в седле. Никаких копий и таранных ударов. Отсюда и сообщения иностранцев, что «русские прямого боя выдержать не могут». И именно с этого, как я считаю, момента перестройки европейцы перестают считать нас своими.

– Но в этот же период одним из решающих факторов в военном деле становится огнестрельное оружие, страшная вещь: пуля просто вырывается из пластинчатого доспеха две-три пластины и утаскивает их за собой в тело человека.

– Да, огнестрельное оружие превзошло любое другое по смертоносности, но надо понимать, что оно появилось не одномоментно. Первое упоминание об этом оружии – осада Булгара в 1376 году, когда на войска Дмитрия Ивановича Московского «гром пущаще из града». Всего лишь через шесть лет это оружие применяют уже москвики при обороне своего города. Но до того, как оно стало важным фактором на поле боя, пройдет еще немало времени. Я связываю распространение огнестрельного оружия в том привычном нам решающем качестве со строителем Успенского собора в Московском Кремле, инженером Аристотелем Фиораванти. Это мы сегодня понимаем, что огнестрельное оружие эффективней холодного. Но тогда это все было неочевидно. Непонятно было, зачем пускать железо на изготовление ствола, а не на изготовление доспеха, когда по весу и на то, и на другое требовалось почти одинаковое количество металла. Откуда в русском городе XV века могла возникнуть инфраструктура для появления войска с огненным боем? Нужен был кто-то, кто все это знает, умеет и может воспроизвести. И именно с Фиораванти начинается московский пушкарский двор, московский зеленый (пороховой. – Прим. ред.) двор. Чтобы нормально воевать огнестрельным оружи-

ем, нужно, чтобы хоть как-то было стандартизировано оружие. Конечно, добиться одного калибра в те времена было невозможно, но чтобы одно подразделение использовало хотя бы три-четыре одинаковых калибра – это было предельно важно. Все раннее огнестрельное оружие – штучное. Чтобы понять, когда на Руси огнестрельное оружие стало важным военным фактором, я взял все пули, которые только были подняты на раскопках, все то, что выливалось в пулелейку-литейницу, чтобы потом выпустить из ствола, все взвесил, измерил и описал. И у меня получилась четкая граница: широко применяться огнестрельное оружие стало только в конце XV века (типологизация пуль – одна из многих подобных работ Олега Двуреченского). Так, он типологизировал все топоры из раскопок, чтобы понять, откуда взялся крайне самобытный предмет русского вооружения – бердыш. Из этого труда, кстати, стало понятно, как появился и из чего развился современный топор. – Прим. авт.). При полевом огненном бою нужен залп. И даже ответ на вопрос, кто будет делать этот залп – далеко не очевиден. Вот ты, ты и ты будете стрельцами. А кто этот «ты»? Один кожевник, он в десяти поколениях обувь делал, другой боярский сын – как их вместе поставить в один строй? И если говорить более поздним языком, то я считаю, что стрельцы были первыми разночинцами на Руси. Важно понимать, что все эти преобразования происходили в традиционном обществе, где была совсем иная система координат: там все определялось тем, чей ты подданный, каково твое вероисповедание и кто ты по рождению. И вот когда стрелецкая корпорация собралась, она очень глубоко воспринимала свою самость – отличие от других.

– Один исследователь Рязанского края сообщил нам однажды, что в Зарайске в стрелецкой слободе ее жители в графе «Сословие» до конца XVIII века писали «стрельцы». Очень глубокая рефлексия.

– Да и все стрелецкие бунты идут именно оттуда же, откуда и эта рефлексия. Нам кажутся понятными казачьи бунты позднего времени, Разинщина, Пугачевщина. Но стрелецкие восстания имеют те же корни, ту же подоплеку.

– А если говорить об этой исторической рефлексии, что мы, русские из XXI века, получили от русских века XVI?

– Рефлексия глубочайшая, но мы, опять же, должны понимать, о чем идет речь. Основу, скелет появившегося нового войска в XVI–XVII веках составляла так называемая поместная конница. Человека брали, сажали на кусок земли, и с него он должен был служить государю «людно, конно и оружно». Минимальный надел – около 50 гектаров, или 100 четвертей. Что располагалось на этой земле? Например, две-три деревеньки. Чтобы было понятно: деревенька в те времена – это два-три, редко четыре двора. Деревни в те времена были крохотными, это села были крупнее. На минимальном

помещичьем наделе могло существовать не более 10 крестьянских дворов. С этих дворов помещик – его еще нельзя называть барином и владельцем крестьян – должен был покупать себе лошадь, оружие и защитное снаряжение. И казалось бы, это такой же шляхтич, как в Польше: у него земля, на ней крестьяне. Все так, да не так. Этих всадников – офицеров в том понимании, в каком это слово используется в англосаксонских странах, то есть в понимании «служащий», – называли «дети боярские». Это были слуги, боевые холопы, но никак не нобили в европейском понимании этого слова. Появились они не из среды каких-то военных вождей варварского времени, а как результат остройшей, насущнейшей необходимости направить все силы, мобилизовать все государство. И вот читашь челобитную одного такого помещика, ему 62 года. Он вдвое почти пережил средний срок жизни своих коллег по оружию. Потому что, если они, эти офицеры, доживали до 32–34 лет – это было уже очень хорошо. И вот он рассказывает в этой челобитной, как он служил, с апреля по ноябрь, или на западных границах, или на юге по Оке и засечным чертам, или на востоке. Что под себя подложил, на том и спиши, никаких квартир и казарм, чистое поле и небо над головой. Питались они очень скучно, основная еда – полбяная болтанка. И постоянный риск погибнуть или оказаться в плену. Мы сейчас, со своего уровня жизни, ни за что не согласились бы оказаться на месте этого помещика.

– Я правильно понимаю, что всем было в равной степени тяжело: и помещику, и крестьянам, которые обрабатывали выделенную землю?

– Когда распалась Орда, мы оказались одним из ее осколков, таким же, как Казанское или Крымское ханства. Уже не было той централизации и ориентации на метрополию. Каждый оказался сам за себя и все против всех. И эти осколки были друг другу и союзниками, и соперниками. Расклад сил – кто кому друг и кто кому враг – менялся очень быстро. Угроза могла прийти неожиданно и быть неизвестно разрушительной. Когда мы встречаем в истории средневековой Европы сообщения о том, что взят тот или иной город, то это совсем не то же самое, что происходило со взятыми городами на Руси.

В Европе все всегда понимали, что войны – это дела и проблемы между сузеренами, а простые люди тут ни при чем. Значит, всегда можно договориться, откупиться, привести все к обоюдному удовлетворению. А у нас все это заканчивалось реками крови и дымящимся пепелищем. Мы говорили про рефлексию, и именно отсюда идет глубоко сидящий в нас, людях XXI века, принцип: мы свои города не сдаем. Потому что в нашей исторической памяти глубоко сидит понимание, чем это закончится.

И вот крестьяне, которым ничего не надо было растолковывать, прекрасно понимали, зачем им

собирать своего помещика на службу. И, конечно, мобилизация всего государства, где служили все – от самого высокого боярина до самого последнего холопа, – касалась и крестьян-землепашцев. Все государство неизвестно напрягало усилия, просто чтобы выжить. И крестьяне в условиях рискованного земледелия, в условиях постоянных недородов, постоянных погодных катаклизмов, скучности земли понимали, ради чего они несут свои повинности. Каждый землепашец знал: как будет собран их помещик, так он и будет воевать. А от того, как он будет воевать, зависит и собственная жизнь крестьянина, и жизни его детей. Все тянули одну тяжелую лямку.

– А вот не надорвалась ли наша страна к веку этак XVII?

– К концу XVI века поместная конница обнищала. Тем, кто приходил на смотры в несоответствующем виде, полагался штраф. Нередко было так, что помещик приходил на смотр не конным воином, а пешим, с ружьем, как стрелец. И виной

тому в первую очередь были бесконечные войны Ивана Грозного. К тому же богатые землевладельцы, бояре и монастыри могли предлагать крестьянам более выгодные условия на своей земле, чем простые помещики. И пошел массовый отток землепашцев. Бедные беднели, а богатые богатели. Единственным способом остановить этот процесс было закрепление крестьян, что и произошло в середине XVII столетия. Но это не могло решить проблему. Само Смутное время – это пора, порожденная обнищанием воинского сословия. Смута была порой, когда оказалось, что придуманная в начале столетия модель перестала работать и дала сбой. Но все-таки ее никто не стал перекраивать, и со временем сложились два сословия – дворяне и крепостные крестьяне. И вся известная екатерининская история, которую мы знаем под названием «Указ о вольности дворянской», легла тяжелейшим грузом несправедливости на весь XIX век.

Да, была нелюбовь у простого народа к боярщине, но это уже во времена, когда все устоялось,

успокоилось – при Романовых. Но в те же времена помещики все так же были основой военной корпорации, все так же несли службу и к ним никаких претензий не было. А вот когда они получили право не служить, то у крестьян возник вопрос: а почему мы должны их содержать? Из этой вольности дворянской и появились пресловутые лишние люди, все это: «служить бы рад, при служиваться тошно». И крестьяне понимали несправедливость своего положения, и усадьбы в XIX веке горели довольно часто. Но сложившуюся ситуацию нелегко было разрешить. Конец всему положил 1917 год.

– Это тот самый главный архетип, доставшийся нам в наследство от той эпохи? Жажда справедливости?

– Главный архетип – это наше особое отношение к служению стране. То, что оно в жизни русского человека превыше всего. Это абсолютно непонятно никому из иностранцев. Я много общаясь, например, с поляками. Они говорят: это у вас рабство в крови. И с их точки зрения так оно и есть. Вот этих помещиков, о которых мы так подробно говорили, их запросто за провинность могли высечь. А шляхтича никто не смел высечь. В глазах европейцев если русского «шляхтича» можно было выпороть, то с остальными вообще творился полный произвол.

Но вот представьте себе, что Париж полностью сгорел, а его жители или убиты, или уведены в плен. И представьте, что было это, например, во второй половине XVI века: Париж полностью обезлюдел, все его предметы – груда дымящихся угольев.

– Может, я плохо знаю историю, но я что-то такого не припомню...

– Потому что такого и не было. Да, в европейской истории были кровавые страницы, та же Варфоломеевская ночь к примеру. Но если сравнить с тем, что происходило у нас, то это были детские игрушки. После Варфоломеевской ночи не обезлюдел Париж, не оказались в руинах дома и здания. Ну да, поубивали много людей, но далеко не всех, и на следующий день жизнь в Париже продолжилась.

А вот с Москвой, например, в 1571 году случилась катастрофа. Крымский хан Девлет Гирей полностью разорил и скгеж московские посады. И с другими нашими городами подобное случалось и не в таком далеком прошлом. И если побеждал враг, то те, кто выжил, оказывались на пепелище и вынуждены были начинать все с нуля. Уничтожалось все: дома, храмы, иконы, летописи, имущество. Все.

И вопрос мобилизации, вопрос напряжения всех сил ради государства был вопросом жизни и смерти. Мы выжили благодаря предельному напряжению сил всего народа. И даже история последнего времени свидетельствует, что эта готовность к предельному напряжению сил ради своей страны жива в нас до сих пор.

АНДРЕЙ СЕМАШКО

ПОВЕСТЬ И ЖИТИЕ «РУСОС БАРБУДОС»

БЕСЕДОВАЛ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ОБЫЧНО У РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ РОДНОЙ ЯЗЫК УТРАЧИВАЕТСЯ В ТРЕТЬЕМ ПОКОЛЕНИИ. В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ УЖЕ ПЯТОЕ ПОКОЛЕНИЕ СТАРОВЕРОВ ГОВОРЯТ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ПРИЧЕМ ОНИ СОХРАНИЛИ ЯЗЫК ДИАЛЕКТНЫЙ – «НАШ ЧИСТО РУССКАЙ ГОВОР», КАК ОНИ ВЫРАЖАЮТСЯ.

П

УТЬ СТАРООБРЯДЦЕВ В АМЕРИКУ был долгим. В конце 1920-х – начале 1930-х годов они бежали от коллективизации из Советского Союза в Китай. А почти четверть века спустя уходили уже от «китайских колхозов» – сначала в Гонконг, затем в Бразилию, Аргентину, Боливию, Уругвай. Изучение языка и культуры староверов в России началось только в 2006 году благодаря стараниям диалектолога Ольги Ровновой – старшего научного сотрудника Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

– Ольга Геннадьевна, вы делите староверов Латинской Америки на «синьцзянцев» и «харбинцев». И различаете соответствующие диалекты. Неужели за 25 лет, проведенных в Китае, у русских крестьян могли появиться особые говоры?

– Диалекты сформировались не в Китае. Харбинцы – это группа староверов, которая эмигрировала с Дальнего Востока в район Харбина, правильнее сказать – в Маньчжурию. Другая группа, синьцзянцы, бежала с казахского Алтая через горы в Западный Синьцзян. Таким образом, коллективными прозвищами эти группы обязаны местам эмиграции. В Китае они жили изолированно, друг о друге ничего не знали – их разделяло более 4 тысяч километров. Встретились они в Гонконге, тогда у староверов и появилось различие на синьцзянцев и харбинцев. При этом их диалекты очень близки: предки обеих групп изначально жили на реке Керженец в Нижегородской губернии, крупном старообрядческом центре. В начале XVIII века войска их оттуда выгнали, часть переселилась на Алтай, другие осели в Сибири, третья дошли до Дальнего Востока. То, что их предки – «кержаки», в обеих общинах знают. Их диалекты близки, но есть и отличия. У синьцзянцев в речи присутствуют черты, которые воспринимаются харбинцами как одиозные, то есть некрасивые, неправильные. В частности, «сóканье» – произношение «с» вместо «ц»: «Сарство Небесное», «сарь», «отес». Или «щёконье», когда на месте «ч» произносят «щ»: «так полутилось», «нащали с ним жить», «щай». А синьцзянцы смеются над харбинцами, как те говорят вместо «свадьба» – «свальба». Ну, и в лексике обеих групп есть отличия: у одних «фартук», у других – «запóн», также «листик» и «противень», «чашка» и «касéшка», «по воду» и «за водой».

Поворот
на колонию
русских
«Санта Крус 3» –
для староверов
«деревня
Ревтовка».
Бразилия,
штат Парана

– Сколько синьцзянцев и харбинцев было в Китае и какова их численность теперь?

– Сейчас в Южной Америке живет около 5 тысяч старообрядцев. Сколько их было в Китае – ответить сложно. К тому же, когда Красная армия вошла в Маньчжурию в 1945 году, часть мужчин-старообрядцев расстреляли, других депортировали в СССР, где посадили в лагеря. Самы они рассказывают, что в Америку перебралось 300 семей харбинцев и 150 семей синьцзянцев. Очень приблизительно можно считать, что всего их было около 2500 человек. Большая часть оказалась в Бразилии, другая – в Аргентине. Изначально предполагалось, что староверов примет Чили, но там случилось землетрясение, поэтому их направили в Аргентину. Позже они расселились также в Боливии и Уругвае, часть уехала в США.

– Синьцзянцы и харбинцы все так же живут раздельно?

– Поначалу селились раздельно: деревня синьцзянцев, деревня харбинцев. Часто поселения образовывались по родовому принципу, и до сих пор это прослеживается. Например, в Бразилии в штате Парана стоят две деревни рядом: Куликовка и Ревтовка. Названия русские, официально поселения именуются «Колония Дос Русос 2» и «Колония Дос Русос 3». А история такова: в Куликовке жил известный наставник Автоном Куликов. Его род изначально и образовал эту деревню, хотя сейчас там Куликовых уже не остались. А Ревтовку заселил один из самых больших старообрядческих родов – Ревтовы. Вообще, сейчас поселения выглядят по-разному – в зависимости от того, как обстоит дело с землей. В Бразилии, Боливии, Уругвае живут деревнями. Вполне себе традиционные деревни: главная улица через центр, дома по обе стороны, огороды рядом с домами, обязательно «моленная». А в Аргентине живут на «чакрах» – это испанское слово, обозначающее ферму, хутор... Однажды в Боливии мы обнаружили семейную деревню в совершенно удаленной местности, почти что в джунглях. Когда-то отец семейства купил участок леса, выкорчевал деревья и расстроился. Сам он уже старик, у каждого сына или дочери – свой дом, свое хозяйство. Посреди поселения луг и невероятно огромное тропическое дерево – его специально сохранили, когда вырубали джунгли.

– И все они по-прежнему крестьяне?

– Говорят так: «мы – агрокульторы». У них сотни, иногда тысячи гектаров земли в окрестностях поселений, современная сельхозтехника. Выращивают то, что прибыльно в данном регионе, – часто сою и «фижён», как они называют фасоль. В своем деле они преуспевают, в основном живут неплохо, есть миллионеры. Быть богатым у староверов не считается зазорным, если все честным трудом заработано. Порой происходит сбой в сознании, когда встречаешь в бразильской провин-

ции красивого парня, с аккуратной стрижкой, с дорогими часами на руке, в джинсах, модных кожаных ботинках, на дорогой машине. И при этом на нем – старорусская рубаха, он говорит на диалектном языке, обещает, что покажет свою «избу» и «моленную». Изба оказывается двухэтажной виллой, а у него помимо жены и множества детей имеется, например, свой самолет.

– Стало быть, староверы там не стремятся жить изолированно?

– Они по-прежнему ценят уединение. Рады бы скрыться, да уже негде. Но все-таки стараются жить отдельно, чтобы по соседству не было поселений индейцев или других эмигрантов. В первых экспедициях приходилось немало сил положить, чтобы они пошли на контакт. А, например, в деревне Офир в Уругвае расположить староверов не удалось. Когда я туда ехала, меня в Аргентине предупреждали, что «в Офире закон твёрже держут» и что меня там не примут. Я опытный диалектолог, со старообрядцами работала, была уверена, что подход найду. Приезжаю. Идет дождь, дорогу развезло, в доме сидит женщина, беседует с наставником. Как только этого наставника я не пыталась разговорить! Рассказывала, что была у таких-то староверов, они меня посвящали в то-то и то-то. Он отвечал твердо: «Они – пусты, а мы не хотим». Подарила наставнику сборник духовных стихов из Гребенниковской общины в Латвии. Он поблагодарил, сказал «спаси Христос тебе», но общаться со мной так и не стал.

– А в каких отношениях они с местным населением?

– Живут в дружбе со всеми. Нанимают местных для работы «на пашне». В Бразилии мы проводили опрос местного населения об отношении к нашим староверам. И коренное население, и эмигранты уважают «русос барбudos» – на испанском значит «русские бородатые». Восхищаются тем, что они дружные, трудолюбивые, богатые, сохранили свою веру, язык, традиционную одежду.

– И все-таки, какой «закон они держут», что русским языком по-прежнему свободно владеет и стар и млад?

– У них существует строгое правило: в деревне и дома говорить только на русском языке. Обязанность следить за этим возложена на женщину, потому как занимается она только детьми и домашним хозяйством. А вот в США у тех же синьцзянцев и харбинцев традиционный уклад был нарушен. Женщины пошли работать, детей отдали в детские сады – потому и русский язык утратили. Помню, женщина в Аргентине рассказывала, как она боролась со своими детьми, когда услышала, что они между собой говорят по-испански: «Чтобы я в своём дому испанского не слышала, или на кукурузу поставлю!» И поставила двух дочерей и сына на колени на сущеную ку-

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОЛЬГОЙ РОВНОВОЙ

курузу – это у них вместо гороха. А если еще будут по-испански разговаривать, грозилась выгнать из дома – пойдете, говорит, к испанцам жить. И в доме звучала только русская речь.

Русской грамоте, как правило, детей учат на дому. Занимается этим какая-нибудь «тетка», в доме у которой и происходит обучение. Начинают с церковнославянского языка. Говорят так: «Славянский вытвердят, а уж русский им тогда легче будет». В Уругвае в деревне видели специальное сооружение: большой стол под тростниковой крышей, где учились дети. Ходит тетка Агрипена с длинной указкой и говорит: «Почему не вытвердил зады? Тверди зады!» – то есть повторяй пройденное. Русскому языку учатся по старым советским букварям, сделанным на репринте, отсканированным.

А в бразильской деревне, где живут побогаче, построено кирпичное здание русской школы. Дети к 7.30 туда приходят, два часа занимаются, после чего автобус отвозит их в бразильскую школу. Староверы – люди законопослушные. Если в стра-

Приусадебный сад у нынешних староверов: тропический: бананы, мандарины, кокосы, манго...

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОЛЬГОЙ РОВНОВОЙ

Урок
правописания
имен и фамилий
в русской школе
в Бразилии

не есть закон об обязательном образовании, нужно его выполнять. Все дети у них несколько лет учатся в государственных школах на испанском или португальском языках – в зависимости от страны. Стараются сами построить школу у себя в деревне, чтобы к ним приезжали учителя и дети были под контролем.

– При этом при обучении сохраняются разные диалекты?

– Сейчас ситуация меняется. Еще когда две общины познакомились в Гонконге, они разбрелись, что никаких принципиальных расхождений в вере и обрядах у них нет – все они часовенного согласия. Старики решили, что браки между молодежью разных общин разрешаются. Это решало демографическую проблему. Стараются, конечно, семьи образовывать со своими – в родстве не ближе чем до восьмого колена. Смешанные браки заключаются с давних пор, и теперь в отношении даже сорокалетних людей невозможно сказать, синьцзянцы они или харбинцы. «Каширы», как они иронично выражаются. Этим словом ставроверы называют помесь лошади с ослом. Диалекты смешиваются, и мне, как ученному, интересно наблюдать, чей говор победит: синьцзянский с их «Сарствием Небесным» или харбинский с их «свальбой».

– Много ли у них заимствований – из китайского языка, испанского, португальского?

– Китайских слов в лексиконе нет. Из местных языков заимствования касаются в основном названий незнакомых реалий новой жизни. Впрочем, также используют ресурс родного языка. Например, они до сих пор делают домашнюю лапшу. Машину для изготовления лапши синьцзянцы назвали «лапшеделка», харбинцы –

«лапшерезка». А прямые заимствования проходят «русскую обработку». Так, на португальском бразилец – «бразильяно». Они говорят «бразильянец», то же самое – «боливьянец». Женщины, соответственно – «бразильоха», «боливьюха», «испануха», «китаюха», «харбинуха» и «синьцзянуха». В этом нет никакого пренебрежения – такая у них модель словообразования с суффиксом -ух(а). Есть еще «коля» и «колюха» – это представители индейского племени «колля» (*colla*) в Боливии. Меня однажды приняли за «колоху». Я постучалась в ворота усадьбы, а во дворе пожилая женщина стала звать хозяйку: «Фетинья, выходи! Колюха пришла, а вроде по-нашему разговаривает».

Кстати, «синьцзянцы» и «харбинцы» – этонейтральные названия. Есть и сниженные прозвища, которые родились в результате совместной жизни и заимствованы из местного языка: «траиры» и «макаки». Траир – рыба в Бразилии, толстая и ленивая, типа нашего сома, которая любит проплыть к берегу и греться на солнышке. История такая: на свадьбе мужики-синьцзянцы набрались «бражки» и легли под куст отдыхать. Их заметили харбинцы и говорят: «Ишь, лягли на солнышке, как траиры!» Оттого ишло. «Макаки» – в местных языках общее название обезьян. Так прозвали харбинцев, потому что, как говорят синьцзянцы, харбинцы шустрые, наглые, везде лезут. Возможно, представление о «наглости» харбинцев происходит от того, что у них не принято обращение по имени-отчеству, тогда как этикет синьцзянцев предписывает «величать» человека, то есть обращаться к нему, по имени-отчеству. Харбинцы иногда вообще не понимают, что значит «отчество». Спрашиваю, например, харбинку о ее отчестве, а она начинает перечислять имена отца, деда по отцовской линии, деда по материнской. Прозвища эти больше в шутку употребляются, но жена в сердцах может сказать мужу: «Почто я за тебя вышла, траир несчастный!»

– В семье, стало быть, у них не совсем по домострою?

– По домострою, явно не в пользу женщины. Они «Домострой» читают, хорошо его знают. Муж – главный в семье и зарабатывает деньги. Идеал женщины – как у Лескова и Некрасова: здоровая, работящая, рожающая много детей, умеющая за себя постоять. И рожают по-прежнему «сколько Бог послал». Хотя, конечно, если у 35-летней женщины всего четверо детей и она говорит, что больше рожать не будет, ясно, что предохраняются от беременности. Такое встречается в более обеспеченных семьях. А для тех, что попроще, совершенно нормально иметь 8–10 детей.

Бабы занимаются подсобным хозяйством. Иногда с размахом. В Бразилии, например, одна хозяйка держит 28 коров, все у нее автоматизировано. На продаже молока и творога она выручает около 3 тысяч долларов в месяц. И это ей так – на будавки. А доход семьи – это муж на пашне.

Дома женщина обязательно рукодельничает, шьет одежду на всю семью. Традиционные сарафаны, рубахи, пояски – для них это не только праздничная одежда, но и повседневная. Шьют из современных материалов ярких цветов – каждая в своем стиле. Поэтому в воскресенье, когда староверы не работают и ездят «гостить», оказавшись в полном народа доме, по одежде легко отличишь отдельную семейную пару, а также их детишек. Шьют на современных швейных машинках. В доме для этого оборудована специальная комната – швейка, у более обеспеченных может быть отдельный домик-швейка.

У женщин развит художественный вкус, нередко они начинают рисовать – «красить картины», как там говорят. «Красят» в духе наивного искусства. В 2009 году в Москву со своими картинами приехала Капитолина Бодунова – обычная молодая женщина из уругвайской деревни (см.: «Русский мир.ru» №8 за 2009 год, статья «С другой стороны света». – Прим. ред.). И она у староверов не одна такая художница.

– У староверов обычно присутствует какое-то общинное управление: совет, круг, общинное собрание. – Они говорят «собор». В каждой деревне свой собор местные проблемы решает, а по принципиальным вопросам собирается общий собор со всей Южной Америки. Помню, собирались решать, дозволять ли Интернет и смартфоны. Положили так: на личное усмотрение, пусть каждый поступает по совести.

Кстати, слово «телефон» они знают, но мобильник называют, как принято в латиноамериканских странах – «селулár». «Греметь по силулару» – значит звонить по мобильнику. «Селулар гремит, а она его не подбирает». Сейчас уже смартфоны везде, даже 50-летние женщины умело им пользуются, общаются по ватсапу и вайберау со своими по всему миру.

Они вообще мастера компромиссов. Боятся антихриста, боятся документов с чипами, банковских карт, но все это используют – куда деваться? Телевизор под запретом. Но запрет можно обойти – все зависит от того, что смотреть. Как-то захожу в швейку – там сидит мальчик, смотрит мультфильм – «поскакушки», как говорят староверы. Советский мультфильм по русским народным сказкам. Рассуждают так: что плохого, если дети эту сказку посмотрят? Русскому языку научатся.

– Есть ли у староверов своя литература? Записали они, например, историю своей эмиграции?

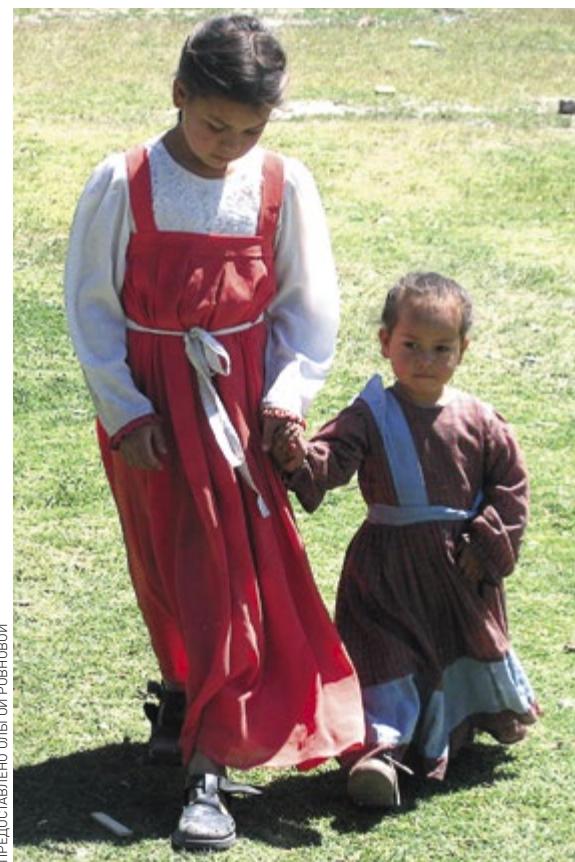
– Никогда в России не было письменности на диалектном языке. Не издавались газеты и книги, скажем, на вологодском или рязанском диалекте. У нас письменный язык – литературный язык, в отличие от других стран, где литература на диалектах существует. Поэтому диалектологии расценивают находку какого-нибудь письма от бабушки как драгоценность. Едва три клас-

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОЛЬГОЙ РОВНОВОЙ

са окончившая бабушка пишет фонетическим письмом – как слышит, так и пишет, в ее письменном языке отражаются особенности диалектной речи. Как у нас письменность основана на нормированном языке государства и культуры, так и у староверов Южной Америки функцию письменного языка выполняет государственный язык тех стран, в которых они живут. Очень редко попадаются сделанные на русском языке

Настоящий харбинец, начинавший свою жизнь еще в китайской Маньчжурии

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОЛЬГОЙ РОВНОВОЙ

Детей в семьях староверов по-прежнему много. У Данилы Зайцева, например, 11 сыновей и дочерей

Зайцева», – уникальный опыт литературного творчества на русском диалектном языке. Я с Данилой подружилась еще во время первой экспедиции, в 2006 году. Он отличный рассказчик, речь его выразительна, эмоциональна, он настоящий оратор. Данила был первым старообрядцем, решившим уехать в Россию по программе переселения соотечественников. Вместе с любовью к России и тоской по родине староверы унаследовали от отцов и дедов огромное неверие в российское государство и обиду на советскую власть. И не только на советскую. И вдруг: родина сама их зовет. «Россия нами нуждается», как пишет Данила. Он устремился всем сердцем на родину, полный надежд: земля в запустении, а мы все сохранили, знаем как – сейчас распашем, засеем, родина-матушка будет процветать и колоситься. Перевез семью, прожил России в общей сложности два года, после чего с большим трудом вернулся обратно в Аргентину. Для него опыт переселения стал настоящим потрясением. Притом что ему многие помогали, он столкнулся с бюрократией, с коррупцией чиновников, не мог получить ни землю, ни кредит. Решил, что заниматься свободным предпринимательством на земле в России невозможно. А перед тем, как окончательно уехать, сказал мне: «Олечка, я тут всего столько пережил, что прямо книгу пиши». Я, чтобы только его утешить, говорю: «Напиши». Он и написал. Семьсот страниц. О своей жизни, начиная с Китая, но более половины книги посвящено переселению в Россию. Писал ручкой на синьцзянском диалекте. Я приводила рукопись к литературной орфографии, расставляла знаки препинания. Саму же речь совершенно не трогала, расценивая рукопись как уникальный памятник современной старообрядческой книжности.

– *А как оценили книгу его сородичи-староверы?*

– Данила претерпел сполна: его отлучили от общины, и теперь он с семьей живут изгоями. Старообрядцы вообще не хотят быть изученными, не хотят, чтобы о них знали. А Данила рассказал окружающему миру о таких вещах, которые не всем староверам нравятся. И сам Данила признает, что он совсем не наставник, а человек, обуреваемый страстями, живой, не идеальный. Кроме того, некоторые староверы обвиняют Данилу во лжи. Хотя книга предельно искренняя, в их среде не понимают, что одна и та же ситуация может восприниматься разными людьми по-разному. Но, опять же, повторюсь: основное содержание книги – надежды, разбитые российской действительностью.

– *Однако, несмотря на печальный опыт Данилы Зайцева, больше сотни староверов из Боливии все-таки переселились на Дальний Восток и прижились.*

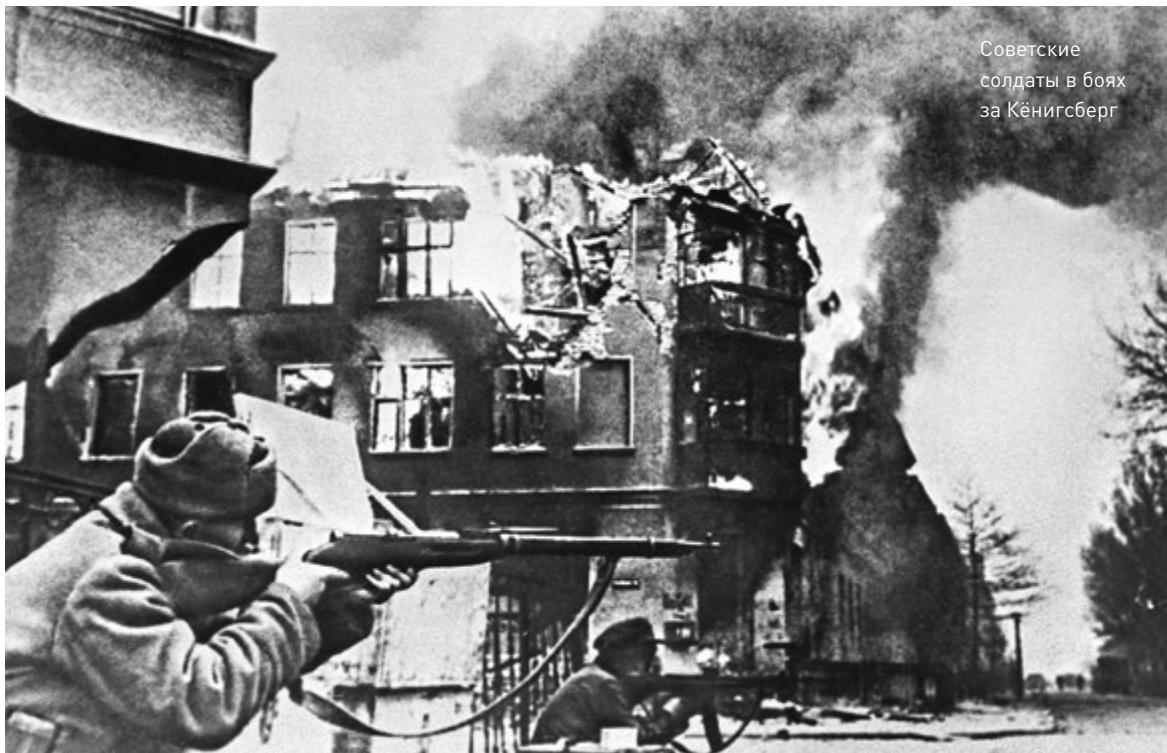
– Пока только приживаются. И это – еще та «повесть и житие»...

Книга Данилы Зайцева стала заметным явлением в литературной России: получила премию «НОС» и вошла в короткие и длинные списки других литературных премий

записки или тексты песен. В основном детей учат читать по-русски и совсем немного писать. У меня на «Фейсбуке» в друзьях человек тридцать староверов. Иногда посматриваю, что они пишут. Ну, женщины, понятно – цветы, рецепты. Мужчины – о машинах. Но как пишут! Пост, скажем, на португальском, а комментарии – на всех языках, в зависимости от того, в какой стране человек находится. Я же своим близким друзьям специально пишу исключительно по-русски, тем самым вынуждая их отвечать тоже по-русски. А затем хищно вычитываю диалектные особенности в их текстах.

Поэтому вышедшая в 2015 году книга старовера из Аргентины Данилы Зайцева, которую автор назвал «Повесть и житие Данилы Терентьевича

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Советские
солдаты в боях
за Кёнигсберг

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ВАСИЛЕВСКОГО

автор

МИХАИЛ БЫКОВ

9 ИЮНЯ 1945 ГОДА В СССР ПОЯВИЛАСЬ СЕРИЯ МЕДАЛЕЙ. ЧЕТЫРЕ НАГРАДЫ – «ЗА ВЗЯТИЕ», ТРИ – «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ». В СПИСКЕ ГОРОДОВ – БЕЛГРАД, БЕРЛИН, БУДАПЕШТ, ВЕНА, ВАРШАВА, ПРАГА И КЁНИГСБЕРГ. ШЕСТЬ СТОЛИЦ И ОДНО ИСКЛЮЧЕНИЕ. ЕСТЬ НАД ЧЕМ ЗАДУМАТЬСЯ.

Давно живет на свете этот стереотип: Пруссия – родина германского милитаризма. В том числе и Пруссия Восточная. Никто, собственно, и не спорит. Но эта земля на южном берегу Балтийского моря также родина великого философа Иммануила Канта. Символично, что Кант появился на свет в том же году, что и сам Кёнигсберг – в 1724-м. Дело в том, что до этого года на территории будущего

областного центра Калининградской области находились три самостоятельных городка и королевский замок, имевший особый статус. Каждый город имел специфику. Альтштадт 1286 года рождения на две трети принадлежал церкви, а стало быть, земландскому епископу. Основанный в 1300-м Лёбенихт заселили ремесленники и мастеровые. В 1327-м силами местного купечества возник Кнайпхоф. Ну а замок... С него-то все и началось.

ГОРА КОНУГА

В 1255 году рыцари Тевтонского ордена, методично уничтожавшие племя пруссов, коренных жителей этой земли, захватили крепость на берегу реки Преголи, чьи мрачноватые воды и сейчас рассекают город на северную и южную части. В нескольких километрах от Кёнигсберга–Калининграда Преголя впадает в Калининградский залив Балтийского моря. Так что издревле места имели стратегическое положение. Рыцари смекнули, что к чему, поставили деревянную крепость и назвали ее Королевской горой, то бишь Кёнигсбергом. К слову, о переименовании. Калининградом Кёнигсберг стал в 1946 году. Умер «всесоюзный староста» Михаил Калинин, и было принято невразумительное решение превратить Королевскую

Довоенный
Кёнигсберг

гору в город Калинина. Сам любимец советского народа и по совместительству один из организаторов массовых репрессий к прусским землям никакого отношения не имел. К тому же под Москвой уже имелся один Калининград. Город получил славное имя в 1938-м, еще при жизни тогдашнего председателя Президиума Верховного Совета СССР. Но кого это могло смутить?

Через некоторое время крепость перенесли ближе к морю. Если смотреть на сегодняшний Калининград, то надо очень постараться, чтобы узреть хотя бы мало-мальский перепад высот. Прусская земля вблизи побережья плоская как столешница. Отсюда и популярность растиражированной Интернетом легенды, согласно которой тевтоны назвали крепость Королевской горой в честь чешского властителя Пржемысла Отакара II. Чех на самом деле принимал участие в том походе на прусское поселение Твантене и крепость Конугарбе, но королем Чехии стал шесть лет спустя. А Конугарбе с прусского переведется как Княжья гора. Рыцари к конунгам-варварам относились так себе, однако чтили собственную добрую традицию оставлять завоеванным поселениям прежние названия, лишь переиначивая их на германский лад. Что же до горы, то на плоской местности и скромный холм покажется горой, особенно ежели на нем укрепленные башни.

ОСТРОВ КАНТА

Эта традиция лихим образом отразилась на названии целой немецкой провинции и значительного числа людей, ее населявших. Перед началом Второй мировой войны только в Кёнигсберге проживало почти 400 тысяч человек. Прусы – исчезнувший народ. Или, если угодно – уничтоженный. Последние этнические пруссы были выбиты на собственной родине в начале XVIII века, чума постаралась. Но название, в отличие от языка, уцелело. Прусское княжество, Прусское королевство, провинция Восточная Пруссия… А ее жители – пруссаки. А пруссаки – это германское юнкерство, давшее отменный человеческий материал для создания одной из лучших армий мира. Причем четырежды. Первым постарался прусский король Фридрих II Великий. Вторыми – Ото фон Бисмарк, Хельмут фон Мольтке – старший и Альбрехт фон Рoon, отцы-основатели Германской империи. Их наследники создали военный механизм, который четыре с половиной года выдерживал напряжение Первой мировой при ограниченной помощи со стороны малочисленных союзников, противостоя объединенным силам России, Великобритании, Франции и США. Четвертыми эстафету приняли уцелевшие в 1914–1918 годах офицеры, ставшие в основанном Гитлером Третьем рейхе генералами и маршалами. Это только в советских фильмах, снятых во время и после Великой

Отечественной, они – дурачки да простофили. Германия образца Второй мировой обладала великолепно обученной и опытной армией. Тем величественнее наша Победа.

К слову, самая внушительная, но вовсе не первая. Сколько ни хваливали Фридриха и его «механических солдатиков», в Семилетней войне 1756–1763 годов русские трижды отхлестали его по щекам и впервые вошли в Берлин. Единственные, кому это удалось. Именно «отпадение» Российской империи после смерти государыни Елизаветы Петровны от антипрусской коалиции называют чуть ли не главной причиной победы Фридриха в войне. Русские полки не только в Берлине побывали. Довелось им и Кёнигсберг брать. В 1758 году. После чего вся провинция вошла в состав Российской империи, а большинство ее жителей присягнули русской царице. В их числе и уже известный учений Иммануил Кант. Кёнигсберг принадлежал России более четырех лет. Лишь после того, как вступивший на престол Петр III, фанат Фридриха, превратил Россию из противника в союзника прусского короля, наши войска оставили берега Преголи. Не ясно, остался ли философ российским подданным или переприсягнул Пруссии, но русских офицеров не чурался. Читал им лекции в родной Альбертине, как вот уже четыре с половиной века называют тамошний университет. Среди слушателей были Григорий Орлов и Александр Суворов. Среди посетителей – генерал-майор Матвей Муравьев, дед декабристов братьев Муравьевых-Апостолов. Величественный портик над могилой Канта прислонился к стене восстановленного кафедрального собора Богоматери и Святого Адальберта на острове его имени. Удивительно, что во время жестоких бомбардировок Кёнигсберга британской авиацией летом 1944-го и в дни штурма города советскими войсками в апреле 1945-го и надгробие, и портик уцелели. В то время как от собора остались только мощные стены.

ГОСПИТАЛЬ ЖЕРОМА БОНАПАРТА

Русские солдаты дрались на землях Восточной Пруссии и в начале XIX века. На сей раз – с французами и примкнувшими к оным. Сначала – в 1807 году под Прейсиш-Эйлау и Фридландом. Ныне это Багратионовск и Правдинск соответственно. В июне французские войска вошли в Кёнигсберг. Туда же 10 июля прибыл сам Наполеон. Он поселился в королевском замке и прожил в городе четыре дня. В следующий раз французский император посетил город в 1812 году, перед тем как двинуть Великую армию на Россию. Но его солдаты и офицеры, по большей части из вестфальских и саксонских полков, «гостили» в Кёнигсберге постоянно. Город был северной перевалочной базой для наполеоновской армии. Сюда поступали пополнения, отсюда отправлялись транспорты с оружейным запасом и продовольствием в армию. Здесь были открыты госпитали.

В конце 1812 года после разгрома Великой армии в Кёнигсберге оказались маршалы Франции Мишель Ней и Иоахим Мюрат. Но из дезертиров, легкораненых и тыловиков создать силу, способную хоть к какой-то обороне, было не под силу даже таким военачальникам. Едва убыли маршалы, как в город вошел маршал Жак Макдональд вместе со своим корпусом. Франко-прусский 10-й корпус почти всю войну бездействовал, находясь под Ригой. По этой причине в январе 1813 года в Кёнигсберге оказалась относительно свежая группировка. Но пруссаки отказались продолжать войну против России, и Макдональд был вынужден спешно оставить город. 5 января в Кёнигсберг вступили казачьи разъезды, а на следующий день – 1-й пехотный корпус генерала Петра Виттенштейна, к тому времени уже носившего неофициальный титул Спасителя Петербурга. Сохранились свидетельства, что местное население приветство-

Восточная
Пруссия.
1945 год

вало русских солдат криками «Виват!» безо всякого к тому принуждения. Видимо, гарнизон Великой армии и уходившие через город воины Великой армии оставили по себе не самую добрую память. Некоторая часть этих воинов осталась в земле Кёнигсберга навсегда. Речь о солдатах, умерших в тамошних госпиталях. А их в этих госпиталях скопилось до 10 тысяч. Одно из последних захоронений было обнаружено случайно уже в наше время при строительстве торгово-развлекательного центра «Европа». Господи, сколько же символичности можно встретить в каждом уголке планеты! В котловане под будущей «Европой» строители и археологи нашли останки десятков европейских солдат и офицеров. Некоторые найденные предметы принадлежали солдатам вестфальской пехоты. Под водительством брата Наполеона дивизионного генерала Жерома Бонапарта, назначенного королем Вестфалии (историческая область на северо-западе современной Германии. – Прим. авт.), в поход на Россию отправилось примерно 30 тысяч человек. Примечательно, что воевали вестфальцы на главном, московском направлении, в том числе на Бородинском поле, где потеряли половину личного состава. Как некоторых из них занесло в Кёнигсберг – загадка.

КАЗАРМЫ ГУДЕРИАНА

После победы Берлина над Парижем во Франко-прусской войне 1870–1871 годов произошло объединение множества германских самостоятельных и автономных земель в Германскую империю. К Кёнигсбергу отношение в ряже, что Втором, что Третьем, всегда было особенное. Провинциальный центр из-за близости к границе с Российской империей стали укреплять с присущей немцам аккуратностью и ответственностью. В середине 80-х годов XIX века была построена система кирпично-бетонных фортификационных сооружений в количестве 15 штук, опоясавших город. Всякий, кто гулял по Калининграду, не мог не заметить, сколько в нем речных рукавов, каналов, прудов и прочих водоемов, которые создают особую географию для праздношатающихся. Заблудиться можно не на улицах, а вдоль берегов. С военно-топографической точки зрения это обилие водных преград дополняло систему многоуровневой рукотворной оборонительной системы. Протяженность крепостной линии, связывавшей эти форты, составляла 40 километров, диаметр – 13. Вообще, о каждом из сохранившихся фортах и каждого из сохранившихся ворот можно писать отдельный исторический очерк. Несмотря на то, что укрепления из потемневшего красного кирпича используются сегодня по-разному, дух войны из них не выветрился. Они сами

Подготовка операции по бомбардировке Кёнигсберга в 135-м гвардейском бомбардировочном авиаполку.
1945 год

по себе памятники военному искусству Германии, как бы противоречиво это ни звучало для русского человека, навсегда запомнившего «искусство» войск СС и зондеркоманд.

Работы над совершенствованием фортов, казематов, блиндажей пруссаки не прекращали вплоть до Первой мировой войны. С середины XIX века строились могучие казармы для элитных полков местного гарнизона. Впрочем, первые постройки такого типа датированы еще XVIII веком. Например, казармы Кёнигсбергского кирасирского полка, часть которых уцелела и поныне. Вместо конного манежа, правда, теперь Центральный рынок.

Автору этих строк довелось побывать в казармах 2-го Восточно-

прусского гренадерского полка «Король Фридрих-Вильгельм I». Правда, это было лет пятнадцать назад, когда там дислоцировались части 1-й гвардейской мотострелковой Пролетарской Московско-Минской дивизии, входившей в состав легендарной 11-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта. В связи с не прекращавшимися реформами Российской армии прославленная орденоносная дивизия, бравшая Кёнигсберг в 1945-м, уже превратилась в безликую 7-ю мотострелковую бригаду, а не менее доблестная 11-я армия – в группу войск береговой охраны Балтийского флота. В 2010 году пошли еще дальше: бригаду переформатировали в 7-й отдельный гвардейский мотострелковый Пролетарский

Восточная
Пруссия.
1945 год

Московско-Минский полк Береговых войск Балтийского флота. Хотя боевые дивизионные награды за полком сохранили. Военный городок, пусть и носивший на себе все следы государственного отношения к армии в 90-х годах прошлого века, производил серьезное впечатление. Равно как и отсутствие отопления в дивизионном музее. В феврале. И все же, все же... Заместитель командующего Береговыми войсками Балтийского флота по воспитательной работе полковник Андрей Доронин, добросовестно и с глубоким интересом отнесшийся к работе нашей творческой группы, рассказывал, стремительно шагая по выщербленным временем плитам плаца, что по ним, по этим самым плитам, когда-то шагал Хайнц Гудериан. К сожалению, и эти казармы, и другие, и даже некоторые форты уничтожены, разрушены, разграблены. Этим фундаментальным объектам прусского наследия еще служить бы и служить. Что тогда вспоминать про 1967 год, когда по распоряжению первого секретаря Калининградского обкома КПСС Коновалова оставшиеся от королевского замка стены были снесены. Многие считают виновным в акте вандализма этого самого Коновалова, но решение пришло из Москвы. «Вырвать зуб прусского милитаризма», и никак иначе! В последние годы время от времени возникает тема «протезирования» на одной из главных площадей Калининграда, однако то достойных «стоматологов» не найти, то денег на оплату их труда нет. В 2000 году на площади Василевского, территорию которой занимал когда-то величественный замок, установлен памятник маршалу Василевскому. Что само по себе замечательно. Хотя памятник – так себе. Все выглядело бы иначе, если бы дважды Герой Советского Союза восседал в камне не среди редких елей, а на замковой площади той самой цитадели прусского милитаризма.

ФРОНТ ЧЕРНЯХОВСКОГО

Принято думать, что война в Восточной Пруссии – это операция по взятию Кёнигсберга, которая была проведена за четыре дня в апреле 1945 года. Прямотаки по Юлию Цезарю: *Veni, vidi, vici.* Генерал армии Иван Черняховский вышел к рубежам Восточной Пруссии в конце лета 1944-го, последовательно освободив Витебск, Минск и Вильнюс. За что и был удостоен второй Золотой Звезды Героя Советского Союза. Но к этому моменту, если называть вещи своими именами, весь 3-й Белорусский фронт выдохся. Это понимал и его командующий Черняховский, и, к счастью, понимали в Ставке Верховного главнокомандующего. Да, было ясно, что передышка в несколько месяцев позволит немцам укрепить три кольца рубежей вокруг и в самом Кёнигсберге. Но сил штурмовать прусский оплот не было. А стало быть, и результата не будет. Только бессмысленные потери.

Тем не менее подготовка к штурму Кёнигсберга велась ежедневно. И генерал Черняховский, самый молодой в истории Великой Отечественной войны командующий фронтом – 37 лет, лично обезжал передовую линию. Это одна из причин, почему Иван Данилович был крайне популярен в войсках. Кроме того, он отличался от многих командующих тем, что не позволял себе разносов, оскорблений и прочих проявлений властности в отношении подчиненных. Тем сильнее оказался удар.

Командующий 3-й армией 3-го Белорусского фронта генерал Александр Горбатов вспоминал: «Еще не рассеялись дым и пыль после разрыва, как я уже был около остановившейся машины. В ней сидело пять человек: командующий фронтом, его адъютант, шофер и два солдата. Генерал сидел рядом с шофером, он склонился к стеклу и несколько раз повторил: «Ранен смертельно, умираю». Я знал, что в трех километрах находится медсанбат. Через пять минут

Бойцы батареи капитана В. Лескова подвозят артиллерийские снаряды на подступах к Кёнигсбергу.
1945 год

генерала смотрели врачи. Он был еще жив и, когда приходил в себя, повторял: «Умираю, умираю». Рана от осколка в груди была действительно смертельной. Вскоре он скончался». Это случилось 18 февраля 1945 года. На войне случайность – это правило. Черняховский стал вторым командующим фронтом после генерала армии Николая Ватутина, погибшим при нелепых обстоятельствах. Что характерно, оба командующих были особенно любимы солдатами и офицерами.

Операцию по взятию Кёнигсберга, разработанную Черняховским, надо было реализовывать. На должность командующего 3-м Белорусским фронтом был немедленно назначен маршал Александр Василевский.

ИДЕАЛЬНЫЙ ШТУРМ ВАСИЛЕВСКОГО

Строго говоря, группировка немецкого генерала Отто фон Ляша, отрезанная от большой Германии еще в 1944-м, никакой стратегической опасности не представляла. Да, под рукой Ляша было до 100 тысяч солдат и офицеров, но ударная сила оставляла желать лучшего. До 200 танков и самоходок, чуть более сотни самолетов. Зато почти 5 тысяч орудий и минометов, правда, вся эта арт-механика годилась только для обороны. Преимущество советских войск к апрелю 1945 года подавляющим не было. Да, танков и САУ имелось до полутора сотни. В воздух могло подняться более 2 тысяч самолетов, включая полк «Нормандия – Неман». А вот в живой силе имелся фактически

Советская САУ ИСУ-152 «Зверобой» на улице взятого Кёнигсберга. Справа в колонне – советская САУ СУ-76

Советские
солдаты
у немецких
150-миллимет-
ровых пехотных
гаубиц во взятом
Кёнигсберге.
13 апреля
1945 года

Немецкие беженцы. Восточная
Пруссия. Апрель 1945 года

паритет: 100 тысяч на 100 тысяч бойцов. С этой статистикой можно спорить, потому как, по официальным данным, в плен попало чуть более 92 тысяч немецких солдат, а еще 40 тысяч было убито. Но на «новеньком» в списки пленных заносили и значительное число мирного населения. В любом случае, маршал Василевский и вверенные ему войска при штурме Кёнигсберга отработали по суворовскому канону: побеждали не числом, а умением. Эту операцию не случайно занесли во все военные учебники. Штурмовать и захватить внушительный укрепрайон такими силами – это нонсенс, военная наука говорит о том, что в войнах XIX–XX веков успех таких операций возможен только в том случае, если атакующих солдат в три раза больше, чем тех, кто держит оборону.

А еще – сроки! Артподготовка началась 2 апреля и продолжалась три дня. Из-за плохой погоды бомбардировочная авиация

сидела на аэродромах, но 7 апреля тучи разошлись, и к артиллеристам пришли на помощь летчики. Работать по фортам и дотам старались аккуратно, так как уже 6 апреля в бой пошли штурмовые группы. Не то чтобы ноу-хау, но применительно к условиям боев в Кёнигсберге – крайне эффективный прием. Рота-две специально обученных за время осенне-зимнего «отпуска» пехотинцев при поддержке бронетехники с помощью гранат и огнеметов защищали квартал за кварталом, уничтожали огневые точки, не оставляя шансов противнику закрепиться, зацепиться, удержаться. Все это стало возможным после того, как отработала артиллерия, в том числе и реактивная. Командующий 11-й гвардейской армией Герой Советского Союза генерал Кузьма Галицкий писал в мемуарах: «Земля задрожала от гула канонады. Вражеские позиции по всему фронту прорыва закрыла сплошная стена разрывов снарядов.

Фашисты
сдаются в плен

Город заволокло густым дымом, пылью и огнем. <...> С ревом проносились над нашими головами снаряды «катюш»...».

Довелось расспрашивать одного из участников штурма, ветерана 1-й гвардейской Пролетарской Московско-Минской дивизии, о перипетиях тех дней. В моих архивных записях есть его фамилия, даже видео, но старший сержант просил никогда не упоминать его фамилию. «Не надо. Ребята, оставшиеся там, никогда не поймут». Так вот, на наивный вопрос, страшно ли было идти в лоб на немца, он отвечал, что страшно было потом, когда все закончилось. Когда бродили по мертвым улицам Кёнигсберга и приходило понимание, против какой силы пришлось сражаться. 9 апреля Отто фон Ляш отдал приказ – сложить оружие. Моральный удар по Берлину был настолько силен, что Гитлер подписал приказ о расстреле генерала за предательство. «Зуб прусского милитаризма» выдернули быстро, хотя и без заморозки.

...Не думаю, что сегодня многие читают Канта. Впрочем, вряд ли когда-либо его читали многие. Но благодаря роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», а также экранизациям, о «доказательстве Канта» наслышаны. Оно хоть не шестое, опровергающее прежние догматы Фомы Аквинского о существовании Иисуса Христа, но имело место. В основе – тезис о нравственности. Война и мораль сочетаются с трудом. Но у советских солдат и маршала Василевского под Кёнигсбергом было свое доказательство того, что иногда кровь и совесть сливаются в нечто великое. ■

НАШ ТАНК НА ЗАПАСНОМ ПУТИ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

8 МАЯ 1965 ГОДА В ЖИЗНИ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СЛУЧИЛОСЬ НОВОСЕЛЬЕ. ОН ПЕРЕЕХАЛ В СОБСТВЕННОЕ ЗДАНИЕ НА СТОЛИЧНОЙ УЛИЦЕ СОВЕТСКОЙ АРМИИ, КОТОРОЕ И ЗАНИМАЕТ ПО НЫНЕШНИЙ ДЕНЬ. СОБЫТИЕ БЫЛО ПРИУРОЧЕНО К 20-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ.

ЭТИ ВОСПОМИНАНИЯ из серии «Когда деревья были большими».

В детстве и отрочестве меня часто возили сюда, к светло-серому серьеznому зданию с огромными стеклами в полный рост. Когда кто-то из домашних, когда классная руководительница или пионервожатые. Счи-

талось в порядке вещей хотя бы раз в год погладить шершавую броню «тридцатьчетверки», замершой у главного входа в музей и поднявшей к небу ствол башенного орудия.

Пришло время, когда музейную экспозицию мы знали чуть ли не наизусть. Вот красноармейцы у тачанки с пулеметом «максим».

Вот шинель генерала Николая Ватутина, смертельно раненного под Киевом в 1944-м. Вот в стеклянных саркофагах тысячи железных крестов Третьего рейха, взятых в плен вместе с их владельцами. Говорят, их примерно 20 тысяч. Может быть, когда и пересчитывали, но уж больно противное это занятие для нашего человека. А, нависая над крестами, в центре большого зала краснело Знамя Победы – штурмовой флаг 150-й ордена Кутузова 2-й степени Идрицкой стрелковой дивизии, водруженный в мае 1945 года на куполе здания Рейхстага в Берлине.

В музейном дворе, который когда-то был частью Екатерининского парка, томилась военная техника, на осмотр которой у большинства школьников сил уже не оставалось. Да и что за глубокий интерес могут вызвать снятые с боевого дежурства самолеты и танки, ракеты и пушки, если лазать на них строго запрещалось, а названия и короткие рабочие характеристики на небольших металлических табличках почти никому из нас ни о чем не говорили. Это сейчас в безбрежной Сети можно найти подробное описание новейшей субмари-

ны. Тогда, в 60–70-е годы, военную тайну скрывали от всех мальчишек. И Плохишей, и Кильбальчишей. К слову, и то, что с 1965 года за стеклом хранится точная копия Знамени Победы, было большой тайной. Почему-то самые большие начальники считали, что народ такую замену не одобрит. А мне думается, наоборот – одобрил бы. Если б ему объяснили, что штурмовому флагу, реявшему над Рейхстагом тогда, досталось. Да и годы властны над красками и сатином. Такую реликвию беречь надо. В особых условиях.

Как говорится, шли годы. На карте бывшего СССР появились новые страны. Прекратила существование Советская армия, на смену ей пришла Российской. Так вышло, что в музее бывать доводилось редко. На каких-нибудь специальных выставках или у сувенирных лавок в холле, где нет-нет да и попадались занимательные вещицы. Сама же постоянная экспозиция никаких интеллектуальных рефлексов не вызывала. Оказалось, очень зря. За минувшие лет ...дцать сотрудники Центрального музея Вооруженных сил Российской Федерации (ЦМВС), в отличие от коллег

из некоторых других центров культуры, в летаргический сон, вызванный экономическим шоком и политическими неурядицами, не погружались. Они и сейчас бодрствуют. Заместитель директора Евгения Гладких за сутки до нашего с фотографом Александром Бурым визита вернулась утренним бортом с... нашей базы Хмеймим в Сирии. Вот такие музейные будни!

Нынешняя экспозиция выстроена просто и ясно: в хронологическом порядке, разделенном на исторические периоды. Сохранились прежние любопытные экспонаты, появились новые, не менее интересные. О них-то и стоит рассказать, потому как ничего более ценного, чем экспонаты, в музеях нет. Не считая, разумеется, музейных работников.

Флаги Военно-морского флота, Ракетных войск стратегического назначения и Воздушно-десантных войск (слева направо) у главного входа в Центральный музей Вооруженных сил

Трак танка Т-34, стоящего у главного входа в музей с предупреждением для излишне активных «пехотинцев»

ДО 17-ГО ГОДА

В свое время мудрые советские политработники были убеждены, что история Русской армии в царский период внимания не достойна, так как все это – «буржуинское». Потеряли власть советские политработники, и справедливость восторжествовала. Все-таки история нашей армии не в 1918-м началась. Иван Грозный «Казань брал и Астрахань брал». Петр Великий – Балтику, Екатерина Великая – Черное море и Крым, Александр Благословенный – с самим Наполеоном разобрался. И другие славные страницы имеются. Даже в тех войнах, где русское оружие не торжествовало.

Автор не большой поклонник всяческих реконструкций и манекенов. Лучше – настоящие исторические предметы, в каком бы состоянии они ни находились. Поэтому не стоит задерживаться у манекенов стрельца и петровского гренадера в легендарных красных чулках. Почему легендарных? Живет среди поклонников Петровской эпохи такая легенда, будто бы за героизм, проявленный в проигранной битве под Нарвой в 1700 году, царь наградил верных преображенцев и семеновцев правом носить красные чулки, раз уж они дрались по колено в крови. Такую награду получили солдаты Апшеронского полка за подвиг в битве при Кунерсдорфе спустя... почти шесть десятков лет. С другой стороны, сохранились визуальные свидетельства того, что красные чулки встречались в строящейся Петром регулярной армии еще в 1695-м.

В другом конце зала – тот самый раритет. Да не один. Офицерская кираса лейб-гвардии Конного полка образца 1796 года. Лядунка рядового кирасира все той же конной гвардии. Дореволюционная эпоха представлена еще в двух залах. Что необычного и даже уникального? Например, георгиевская лента с гроба георгиевского же кавалера Романа Кондратенко,

Патронная сумка нижних чинов русской гвардейской пехоты во время Наполеоновских войн

посмертно произведенного в генерал-лейтенанты за оборону Порт-Артура во время Русско-японской войны 1904–1905 годов. Принято считать, что в той войне не нашлось в России достойных и умелых высших офицеров. Короткий, но яркий боевой путь Кондратенко опровергает это предположение. Именно Роман Исидорович так организовал оборону Порт-Артура, что японцы ничего не могли с ней поделать. Но стоило осколку гаубичного снаряда оборвать его жизнь в декабре 1904-го, как ситуация резко изменилась к худшему.

На одном из стендов рядом с фотографией наследника престола великого князя Алексея Николаевича блестит позолотой казачий клыч, только маленький. Эту «детскую» шашку образца 1904 года цесаревичу вручили казаки лейб-гвардии Атаманского полка летом того же, 1904 года по той причине, что его императорское высочество в свя-

Гипсовые модели фуражек полков Русской императорской армии

Миномет конструкции капитана Евгения Лихонина

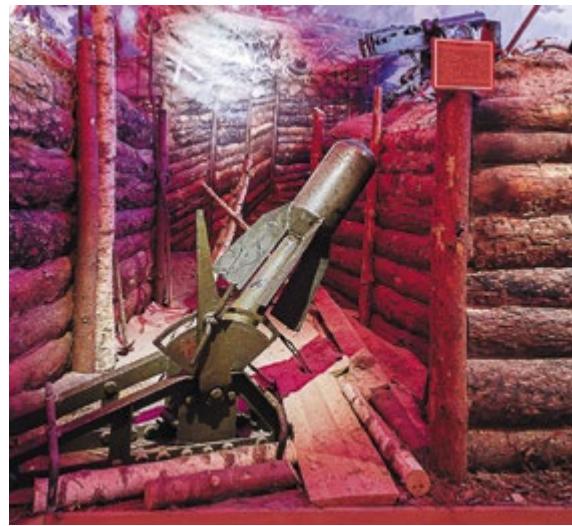
зи со своим статусом с рождения становился атаманом всех казачьих войск.

Никак не моделью выглядит помятый корпус миномета-участника Первой мировой войны. Эту «модель» калибра 47 миллиметров в 1915 году сконструировал капитан Евгений Лихонин на базе первых русских минометов, изобретенных еще в русско-японскую войну капитаном Леонидом Гобято и мичманом Сергеем Власьевым. К слову, замечательный военный инженер Гобято, уже в чине генерал-майора, погиб в 1915 году под крепостью Перемышль.

Отдельно стоит отметить экспонат, который язык не поворачивается назвать экспонатом. 16 ноября 1805 года под деревушкой Шенграбен в Австрии 5-тысячный отряд князя Петра Багратиона встал на пути 30-тысячного корпуса французского маршала Иоахима Мюрата. Задача – задержать врага на сутки, чтобы основные силы Русской армии Михаила Кутузова смогли выйти из-под удара. Среди прочих под рукой Багратиона был и Черниговский драгунский полк. За совершенный подвиг полк первым среди русской кавалерии получил в награду Георгиевский штандарт с надписью «Пять против тридцати». Эта фраза стала полковым девизом, но сам полк неоднократно менял кавалерийскую специализацию и название. В полку служили два неординарных человека. В 1909–1911 годах им командовал младший брат императора, великий князь Михаил Александрович, а в 1912-м в него был призван будущий Герой Советского Союза генерал армии Александр Горбатов, в июне 1945-го назначенный комендантом покоренного Берлина.

Офицерская кираса старейшего полка русской гвардейской кавалерии – лейб-гвардии Конного

Юбилейное
Георгиевское
значка образца
1900 года

Нарукавный шеврон Корниловских
ударных батальонов в Первой
мировой войне

НА ТОЙ ЕДИНСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ

Уже в 90-е годы прошлого века начались плодотворные контакты между сотрудниками музея и представителями различных организаций русского зарубежья, в частности русско-американским обществом «Родина». В результате из «Родины» в постоянное пользование музея были переданы реликвии, связанные как с историей Русской армии и флота, так и с историей Гражданской войны 1918–1923 годов. Если ранее тема Гражданской войны и интервенции была представлена только одной стороной – РККА, то помощь эмиграции и собственные возможности помогли ЦМВС развернуть объективную экспозицию. Рядом с красноармейцами 23-го Царицынского полка в буденовках, которые правильнее было бы называть богатырками, появились «белые» стенды.

Чрезвычайно интересно выглядит коллекция фуражек, вернее, моделей головных уборов полков Русской императорской армии, изготовленных офицерами в эмиграции. Особенность моделей в том, что они сделаны из гипса и покрашены гуашью. Если продолжить про экипировку, то весьма неожиданно увидеть манекен

красного кавалериста в форме 5-го гусарского Александрийской полка царской армии. Эту форму не спутать с другой, так как Александрийцы носили все черное, у рядовых гусар расшифтое шнуром белого цвета. Правда, вместо традиционной полковой эмбле-

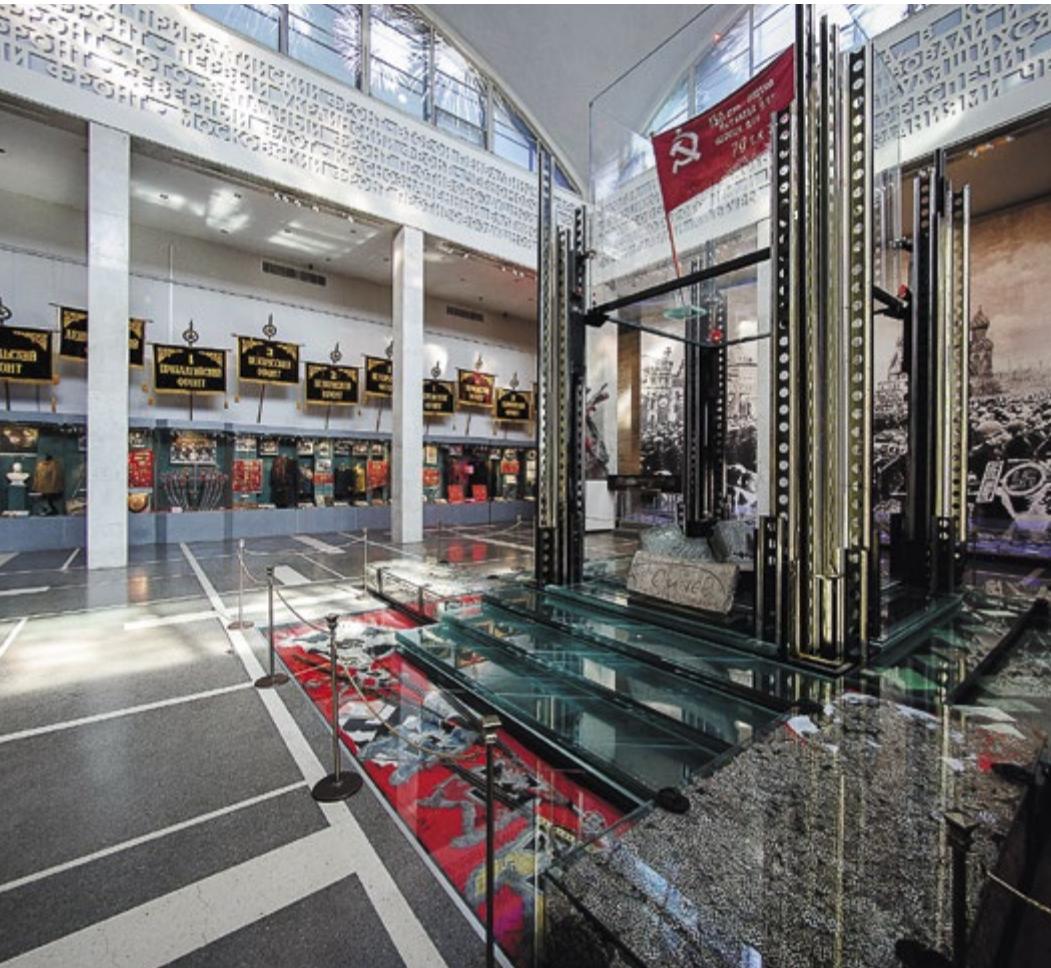
Кавалерист
Красной армии
в форме 5-го
гусарского Алек-
сандрийского
полка Русской
императорской
армии

мы – черепа с костями – на красном окольше фуражки «горит» красная звездочка. Дело в том, что в течение Гражданской войны солдаты РККА получали обмундирование и со старых складов армии царской. А куда деваться? Лучше драться в облике черного красного, чем нагишом.

Многие фамилии, с которыми связаны экспонаты, представленные на тему Гражданской войны, были известны как до 1917 года, так и после. Антон Деникин, Леонид Марков, Михаил Алексеев. А также – Григорий Котовский. О Чапаеве, Щорсе и Фрунзе до 1917-го страна еще не ведала. Особенное впечатление производят обычный кожаный чемодан, который пользовал ад-

Памятная
сабля лейте-
нанта флота
Георгия фон
Вирена

мирал Александр Колчак, и на-
градная сабля, принадлежавшая
лейтенанту флота Георгию Вирену.
Первый стал жертвой противостояния
уже на излете братоубийственной войны – в феврале
1920 года. Отец второго, адми-
рал Роберт Вирен – в первые дни
Февральского переворота, в марте
1917-го. Лейтенанту удалось
эмигрировать и саблю линко-
ра «Императрица Мария» сохра-
нить. Казалось бы, что с того? Но
на линкоре было правило: всякий
офицер, прослуживший год,
получал такое почетное оружие,
которое приобреталось на сред-
ства кают-компании. Таких офи-
церов оказалось немного. Лин-
кор встал в строй Черноморского
флота в июле 1915-го, а погиб от
взрыва порохового погреба осе-
нью 1916-го. Так вышло, что полу-
чить представление о том, как выглядело
такое оружие, можно только в музее Российской ар-
мии, хранящем памятную саблю
лейтенанта Вирена.

КОГДА МЫ БЫЛИ НА ВОЙНЕ

Самая обширная часть музе-
йной экспозиции касается Крас-
ной (Советской) армии. Из 24 за-
лов – 14. В свою очередь, 10 из
них посвящены теме Великой
Отечественной войны. Думается,
можно с полной уверенностью
утверждать, что подобной кол-
лекцией «1941–1945» не облада-
ет ни один военный музей мира.
Любой коллекционер позавидует
личным документам советских
маршалов, включая маршала По-
беды Георгия Жукова. Между про-

Главный
экспозиционный
зал музея,
посвященный
Победе 1945 года

Земля
Сталинграда

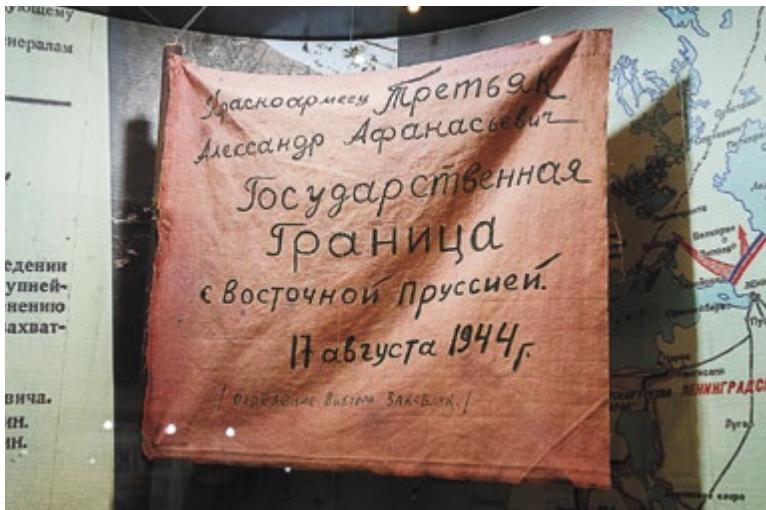

Шинель командующего
1-м Украинским фронтом генерала
армии Николая Ватутина, смертельно
раненного 29 февраля 1944 года

ним, именно Жукову музей обязан
тем, что прекратились его сорока-
летние скитания по различным
не приспособленным к собствен-
но музейной работе помещени-
ям, связанным с Наркоматом-Ми-
нистерством обороны. В феврале
1957 года министр обороны СССР
мгновенно и положительно отре-
агировал на письмо коллектива
ЦМСА с просьбой выделить или
построить для музея отдельное, от-
вечающее требованиям специфи-
ки здание. Это письмо с автографом
Жукова «Согласен» хранится в
музейных фондах.

Так вот о зависти. Коллекционер-
фалерист позавидует и коллек-
ции наград, принадлежавших ге-
роям разного статуса и звания.
Коллекционер оружия – много-
численным экземплярам, храня-
щимся в залах и под открытым
небом. Коллекционер военной
формы – уже упоминавшейся ши-
нели генерала Ватутина, подарен-
ной ему от имени украинского
народа незадолго до его гибели,
и плетеным валенкам-ботам, ко-
торые в зимнюю пору полагались
германским солдатам, выходя-
щим в караул. Но, видимо, более
технологичная немецкая легонь-
кая промышленность к произ-
водству простых вещей была не
готова. Плести не успевали. Всем
не хватало. Что хорошо видно на
кадрах кинохроники, снятых во

Самодельное знамя красноармейца Александра Третьяка

время сдачи 6-й армии генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса под Сталинградом 31 января 1943-го.

Но не найдется такого коллекционера, который позавидует нескольким килограммам стalingрадской земли, без всяких художественных изысков лежащей на дне плоского стендза. Тут не поймешь, чего в адской смеши больше – земли или металлических осколков... Там, у Волги, такой земли еще ой как много осталось. Не знаю такого человека, который, поднимаясь по ступеням к Родине-матери на Мамаевом кургане, не плакал бы.

А еще в одном из залов – кусок брони сожженного «тигра». И ря-

дом – противотанковая пушка ЗИС-2. Солдаты отдельного истребительного противотанкового дивизиона гвардии капитана Фадичева убивали этих «хищников» на Курской дуге, может быть, из таких вот ЗИСов, или из 44-миллиметровок, или противотанковых ружей. Но убивали – точно! Поэтому что «тигры», равно как «фердинанды» и «пантеры», горели, а мой дед Николай Фадичев закончил войну в Берлине. Не знаю, где закончил войну красноармеец Александр Третьяк. И закончил ли. Но 17 августа 1944-го он пересек границу с Восточной Пруссией. Не один – со своим полком. Нашел кусок материи и написал на ней школьным почерком. О том, что он такой-то, что вот за спиной граница. Ткань выцвела, а буквы сохранили яркость.

Шкатулка (сигаретница), принадлежавшая военному атташе в Берлине комдиву Александру Орлову

ДО И ПОСЛЕ

В залах музея, рассказывающих о событиях, предшествовавших Великой Отечественной, появились экспонаты, по большей части документы, о трагедии, постигшей РККА, и в первую очередь ее командный состав, во время репрессий конца 30-х годов XX века. Даже при виде списков, приказов, писем, фотографий в подавляющем большинстве невинно убиенных становится не по себе. А тут – шкатулка с фамилиями на поверхности крышки. Ее подарили военному атташе Советского Союза в Германии Александру Орлову в 1937-м. Том самом. Подарили симпатизировавшие ему люди, догадывающиеся, что Орлов работает на советскую разведку. В 1939-м его арестовали, обвинили в антисоветской и шпионской деятельности. Через одиннадцать месяцев расстреляли. В 1955 году – реабилитировали. В различных «шпионских исследованиях», которыми так изобилует публицистика, есть разные версии случившегося, вплоть до огульных обвинений Орлова. Но вот что странно. Он вернулся из Берлина и был назначен на должность заместителя начальника Разведывательного управления РККА. Вскоре стал исполняющим обязанности начальника управления. Вплоть до ареста. Странное кадровое решение. И таких странностей вокруг армии перед войной было хоть отбавляй...

Немногие знают, какое количество горячих точек пришлось посетить советским военнослужащим после окончания Второй мировой войны и вплоть до распада СССР. Широким массам известна афганская война, участие наших совет-

Зенитно-ракетный комплекс С-300
«Фаворит»

ников и летчиков в корейской и вьетнамской войнах, кто-то может вспомнить Анголу. Но были еще Египет, Мозамбик, Сирия, Эфиопия, Алжир, были проблемы в Венгрии и Чехословакии. Ошибки политиков и дипломатов приходилось исправлять солдатам и офицерам. А ошибки генералов – политикам и дипломатам.

Строго говоря, это процесс почти непрерывный. Современной России пришлось вмешиваться в события на Северном Кавказе, Ближнем Востоке и в Закавказье. В зале, посвященном этим конфликтам, скромный мемориал. Гильзы, собранные там, где приняла бой с 2500 террористами 6-я рота 104-го гвардейского парашютно-десантного полка Псковской дивизии ВДВ. Они встретились в Шатойском районе Чечни 29 февраля 2000 года. На поле боя остались 84 десантника и до 500 боевиков. Рота с позиций на высоте 776 не ушла.

Бронекатер,
бортовой
номер 433

А У НАС ВО ДВОРЕ

Пополнение техникой самого разного рода произошло внушительное. Хотя некоторые экземпляры уличной экспозиции памятны с детства. Например, бронекатер, который в Великую Отечественную войну построили на заводе в Астрахани и оборудовали двумя башнями от Т-34. Получился славный монитор, способный ходить на малых глубинах. Бортовой номер – 433, Азовская военная флотилия.

Среди новеньких – прежде всего зенитно-ракетный комплекс С-300 «Фаворит», который пока стоит на боевом дежурстве, но уже заменяется ЗРК С-400 «Триумф», по понятным причинам в музейном параде не участвующий. Есть и старые друзья наших друзей. Зенитно-ракетные комплексы С-125 и С-200. Те самые, с помощью которых 14 апреля сего года сирийские

Стреляные
гильзы с места
гибели
6-й роты 104-го
гвардейского
парашютно-
десантного полка
в Шатойском
районе Чечни
в феврале
2000 года

военные отбились от ракетной атаки трех держав: США, Великобритании и Франции. Совсем рядом – танки устаревших модификаций, вроде Т-54 и Т-60. Однако и они еще кое-где приносят пользу тем, кто вовремя их приобрел. Для любителей сравнивать рядом – Т-80. Он поселился на открытой площадке относительно недавно.

По-прежнему впечатляет «цветочный букет», составленный еще в советское время из «Гиацинта», «Гвоздики», «Тюльпана», «Пиона» и «Акации». Некоторые из этих крупнокалиберных самоходок активно «пахнут» и сегодня. Причем в армиях разных стран. Рядом с ними плавающая «Нона», полное имя которой – 120-миллиметровая дивизионно-полковая авиадесантная самоходная артиллерийско-минометная установка 2С9. Именно такая «Нона» очень сильно помогла добровольцам Донбасса в первые дни агрессии ВСУ под Славянском и Краматорском.

Самыми экзотичными выглядят бронепаровоз, который, правда, за отсутствием рельсов никуда не летит. Да и возраст уже не тот, заслужил он себе покой. Второй претендент – тяжелый танк КВ-2. В одном ряду со своими товарищами времен Великой Отечественной войны он выглядит несколько странно. Как кукушонок в чужом гнезде среди уступающих в весе и росте птенцов.

Зенитно-ракетный комплекс «Куб»

ли себя неплохо, но в Великой Отечественной немцы довольно быстро научились справляться с монстрами, имевшими очень тихий ход, небольшой запас снарядов и возможность стрелять только из статичного положения. В 1941-м их с производства сняли. Армии нужна была другая машина. Та, что стоит на постаменте у главного входа в Центральный музей Российской армии.

Признак хорошего здоровья армии не только в том, что она имеет современное вооружение, а солдаты экипированы по последнему слову военной моды и техники. Не только в том, насколько квалифицированы офицеры и насколько загружены учениями солдаты и матросы. Достаточно ли денежное довольствие и есть ли жилье у командиров, а у рядовых воинов теплое жилье и обед из четырех блюд. Этот признак должен присутствовать в тылу, где существуют вещи для передовой, казалось бы, не обязательные. Вот как книги по военной истории. Или хорошие фильмы на ту же тему. Или уроки памяти в школе. Или походы по местам боевой славы. Или памятники и Вечный огонь. Или военно-исторические музеи. У музея, о котором шел разговор, семь филиалов. И это признак здоровья. ●

«КВ» расшифровывается как «Климент Ворошилов», который наделал довольно глупостей перед Отечественной. Почему и был аккуратно удален Сталиным с должности наркома обороны в 1940 году. Но Климент Ефремович не утомонился, по рассказам, лично водил в атаку морских пехотинцев в сентябре 1941-го, после чего был отозван

с должности командующего Ленинградским фронтом и заменен Георгием Жуковым. Далее маршала и героя Гражданской войны к действующей армии старались не подпускать. Примерно так же неуклюже сложилась судьба получившей имя маршала 52-тонной машины с башней. В советско-финской войне первые образцы показа-

«Парад» танков и самоходок времен Великой Отечественной войны

Бронепаровоз 1896 года.
Экипаж –
5–6 человек.
Вооружение –
1 пулемет

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

АВТОР СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ **ФОТО** АНАСТАСИИ ТАШЕВОЙ

В ДЕТСТВЕ ВАСИЛИЙ ВЕРЕЩАГИН ЛЮБИЛ БИТЬ В БАРАБАН, СТРЕЛЯТЬ ИЗ САМОСТРЕЛА И УСТРАИВАТЬ СРАЖЕНИЯ ОЛОВЯННЫХ СОЛДАТИКОВ. КСТАТИ, ХУДОЖНИКОМ будущий ВЕЛИКИЙ БАТАЛИСТ РЕШИЛ СТАТЬ ЕЩЕ РЕБЕНКОМ, КОГДА ВОСХИТИЛСЯ КАРТИНКОЙ НА ПЛАТКЕ НЯНИ.

В МЕМОРИАЛЬНОМ ДОме-музее в Череповце теперь доступна детская комната живописца и его братьев, воссозданная по мемуарам Верещагиных. Здесь посетители могут сколько угодно играть с игрушками, листать и рассматривать журналы и книги. А слушая рассказы экскурсовода, можно попытаться найти ответ на серьезный вопрос: как так вышло, что в далеком от столиц захолустье из обычной дворянской семьи вышли четыре брата, прославившиеся на всю Россию?

БРАТЬЯ

В юбилейный день рождения, 14 октября 2017 года, имя Василия Верещагина звучало по всему Череповцу. В музейных и университетских залах проходили научные конференции, концерты, выставки и конкурсы. В картинной галерее состоялась выставка 15 работ Верещагина из собрания Русского музея – впервые в Череповце привезли столько. В городском архиве выложили на всеобщее

обозрение все документы, какие смогли отыскать: и о землях, которыми Верещагины владели в городе и окрестностях, и об их предках. Даже почта не осталась в стороне: здесь гасили марки на юбилейных конвертах Василия Верещагина. Череповец не может развесить на улицах баннеры с городскими видами, написанными великим земляком. Василий Верещагин уже в 9-летнем возрасте покинул родной город и поступил в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Объездив половину мира и не пропустив во второй половине XIX века ни одной значительной войны с участием России, в Череповце художник с этюдником не появлялся.

Василий Верещагин провел детство в родном Череповце. В 9 лет его отправили в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге

И даже когда отправился в путешествие по Русскому Северу, на родину он не заглянул и на полотне ее не запечатлел. Но в местном музее решили извлечь максимум из девяти череповецких лет самого знаменитого из Верещагиных.

Череповец в годы детства братьев Верещагиных был крохотным городишком. Скромный дом предводителя уездного дворянства Василия Верещагина – старшего, ныне затерявшийся среди высоток (в 1980-е годы его вообще чуть не снесли, да горожане отстояли. – Прим. авт.), тогда выглядел чуть ли не дворцом.

Вышло так, что почти все братья Верещагины покинули Череповец довольно рано. Хотя о родных местах всегда вспоминали с любовью.

Старший, Николай Верещагин, сначала в Тверской губернии, а затем неподалеку от родного города развивал крестьянское артельное маслоделие и сыроварение. Позднее он фактически стал создателем российской молочной отрасли и изобретателем знаменитого вологодского масла.

Сергей Верещагин в юности выбирал между живописью и сельским хозяйством, но в конце концов избрал военную стезю. Служил ординарцем у знаменитого генерала Михаила Скобелева. О храбости Сергея на поле боя и его трагической гибели при штурме Плевны писали в газетах и докладывали царю.

И, наконец, самый младший брат, Александр Верещагин, служил и воевал от Турции и Средней Азии до Дальнего Востока, выбился в генералы. Но в истории остался как писатель.

СИСТЕМА ВОСПИТАНИЯ

В семье Верещагиных родилось 12 детей: пятеро умерли в младенчестве, остались шесть братьев и младшая сестренка. Детская комната в мемориальном музее небольшая, более того, ее можно назвать тесной. Как же тут помещались семеро детей? Да никак. Дети,

естественно, были разновозрастными, так что обычно комнату делили трое-четверо ребят. К примеру, когда родился младший брат, Александр, старший, Николай, уже учился в Морском кадетском корпусе.

Здесь царит легкий беспорядок, как, впрочем, и должно быть в обычной детской комнате. Книжки и журналы с картинками, открытки со стекловой линзой для их рассматривания, огромные куклы и крохотные оловянные солдатики, деревянные мечи и ружья, грифельная доска и кубики с гусарами и сценами охоты, кукольный театр с занавесом и театр теней... И все это можно брать в руки, листать, во все можно играть, нигде нет ни запертых стеклянных витрин, ни грозных табличек с запретами. А вот самострелов, о которых упоминают братья Верещагины, в музее нет. Впрочем, сыновья уездного предводителя прятали свои самострелы от строгого папеньки. А стрелы для них тайком изготавливала ткач Савелий.

Часть предметов в детской – подлинные. Другие, в особенности игрушки, изготовлены современными мастерами на основе исторических источников, в роли которых выступили прежде всего воспоминания Василия и Александра Верещагиных. С мебелью, рисунком обоев и игрушками помогли определиться материалы, найденные в фондах петербургской библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Прочитав воспоминания братьев в первый раз, искатель секретов и основ верещагинской системы образования только пожмет плечами. Никакой методики. Никаких особых подробностей. Зато братья описывают всю свою дворню – от любимой няни Анны Ларивоновны («я любил ее больше всего на свете, больше отца, матери и братьев», – писал Василий Верещагин. – **Прим. авт.**) до последнего садовника, повара и дворника. Причем с деталями биографий, черта-

Детская комната воссоздана по мемуарам братьев Верещагиных

Некоторыми «верещагинскими» игрушками в музее позволяет поиграть

ми характера, обстоятельствами жизни и смерти.

Не менее подробно братья рассказывают о радостях детства и своих проказах: о рыбалке, походах за грибами и ягодами, играх. Про учебу пишут мало и как-то по-онегински – «сперва Madame за ним ходила, потом Monsieur ее сменил». Портреты домашних учителей и гувернеров нарисованы с легкой насмешкой. Семья и дворня – свои, гувернёры и учителя – чужие, пришлые, случайные. Няня всегда оказывается на высоте в сравнении с нанятыми воспитателями.

«Она сознавала пользу ученья и всегда нам об этом толковала, но к применению его относилась довольно враждебно и урывала нас из рук учителя и гувернера при каждом удобном случае», – вспоминает художник. И, только внимательно перечитав воспоминания братьев во второй или третий раз, наконец начнешь догадываться, в чем состоял секрет воспитательной системы в семье Верещагиных.

Братьев сформировала любовь родителей, царящая в доме свободы, трепетное отношение к родным местам, красоте природы, а также общение с простым народом.

«Слезы подступают теперь, когда я вспоминаю о почти безучастном моем отношении к смерти многих из этих истинных кормильцев наших, – пишет Василий Верещагин в мемуарах. – Мы далеко не заплатили им даже и вниманием за их долгую службу и безоглядную преданность».

Описывая отношения с дворовыми, братья в своих воспоминаниях признаются, что испытывали неловкость из-за своего положения барчуков. Василий с горечью вспоминает, что мужиков в качестве наказания отдавали в солдаты, а девушек выдавали замуж за нелюбимых. И вместе с тем... «Отец был одним из самых добрых помещиков в уезде, и, как кажется, крестьяне его хотя и боялись, но любили», – пишет Александр Верещагин.

«Взять Николая Верещагина – он окончил Морской корпус, участвовал в боевых действиях, подал в отставку, стал мирским посредником – и вдруг решил заняться благосостоянием крестьян, – рассказывает историк Эльвира Риммер, стоявшая у истоков создания музея художника в Череповце. – Отчего бы это? Думаю, детство рядом с простым народом и няня сыграли в этом немалую роль».

Театр теней, воссозданный по образцам XIX века, установлен не ради антуража. Он и спектакли даёт

НЯНЬКИНЫ СОСНЫ

Череповецкое поместье Верещагиных – это их зимний дом. И у детей он наверняка ассоциировался с окончанием лета и необходимостью возвращаться в город. Необходимостью суворой, потому что душа их рвалась в деревню Пертовку, расположенную недалеко от Череповца. Большая часть их детских воспоминаний посвящена именно ей. Но устроить музей в Пертовке оказалось невозможно: деревню затопили воды Рыбинского водохранилища.

В череповецком музее дорожат чертежом, который набросал Николай Кузьмич Верещагин – внук основателя российской молочной отрасли Николая Верещагина. Известный зоолог и специалист по изучению мамонтов, он умер в 2008 году, не дожив месяца до своего столетия. Николай Кузьмич родился в Пертовке в 1908-м, спустя год после смерти дедушки, и вырос на молоке коров из его стада.

Николай Кузьмич вспомнил не только расположение курятников и коровников, поленниц дров и беседок, но и указал, что и на каком поле сеяли. И даже весьма педантично отметил все заслуживающие внимания канавы.

На чертеже можно заметить в сторонке от построек лесок, а недалеко от него отдельно стоящие три дерева. Рядом – подпись, поясняющая, что это «нянькины сосны». Почему их так звали в семье Верещагиных, увы, осталось тайной. Няня прожила в семье много лет, и среди братьев нередко разгорался спор, кого из них она любит больше. Любовь и преданность няни своим питомцам для братьев иногда служили предметом шуток. Александр вспоминает, как они пугали няню, приезжая с учебы на каникулы. «А где же Василька?» – спрашивала старушка, не обнаружив его среди приехавших ребят. «А Васильку на войне убили», – заявлял кто-нибудь из братьев. Она бледнела, обмидала и хваталась за сердце, но, услышав дружный смех молодежи, улыбалась.

Музей семьи Верещагиных рассказывает о детских годах и воспитании знаменитых братьев

«Грех вам пугать старуху», – ворчала на братьев няня. Об этом случае младший из братьев упоминает в мемуарах 1886 года, то есть задолго до гибели Василия Верещагина в морском сражении на внешнем рейде Порт-Артура. Но «пугать» Анну Лариновну было уже невозможно: она хотя и умерла в 104 года, но не дожила до начала XX века, когда в течение пяти лет не стало сразу трех ее знаменитых воспитанников.

Помимо няни и многочисленной дворни, по словам Верещагина-художника, на него сильно повлияли книги и путешествия. «Я учился сначала у матери, потом у гувернера-немца, не из ученых; потом у не посвященного еще в попы, кончившего курс семинариста, – пишет художник в одной из автобиографий. – Затем в Александровском малолетнем кадетском корпусе и затем в Морском кадетском

корпусе, ибо, неизвестно почему, предназначен был в моряки. Никогда не любил никакой службы, а тем более морской, в которой меня укачивало».

Брат Александр тоже отзывает о годах учебы без восторга, отмечая, что знания вбивали в том числе и с помощью телесных наказаний. В воссозданной детской нет ни розог, ни ремней, которые, судя по воспоминаниям, регулярно использовались родителями.

«Но что это было за учение, смех один, – рассказывает младший из братьев. – Мы боролись, шалили, разговаривали; учитель несколько не препятствовал этому, а иногда и сам участвовал в борьбе; но достаточно было за- слышать или голос, или кашель отца, как немедленно садились за книгу, затыкали уши и принимались громко читать».

Но отец предупреждающее кашлял не всегда, и подчас ему удавалось поймать заигравшихся сыновей с поличным. «Отец положил голову Николая между колен, спустил часть одежонки, и как ни сопротивлялся будущий реформатор русского молочного хозяйства, ему было всыпано порядочное число ударов березовыми прутьями», – вспоминает Василий Верещагин.

Рисовать будущий художник учился самостоятельно. «Первое художественное произведение,

На музейных гравюрах можно увидеть, как одевались и во что играли дети XIX века

сделавшее на меня впечатление, была картина тройки лошадей, в санях, спасающейся от волков, изображенной на платке няни, который она купила от заезжего торговца, – пишет Верещагин. – Я скопировал ее всю и с волками и со стреляющими в них седоками и деревьями, покрытыми снегом, скопировал очень быстро и так верно, что няня, папаша, мамаша и многие приезжающие дивились и хвалили меня; а все-таки никому и в голову не могла придти мысль, что, в виду такого расположения, не худо бы дать мне художественное образование: сыну столбовых дворян, 6-й родословной книги, сделаться художником – что за срам!

Похвалили разок и забыли. «Поощрений моему художественному таланту было мало; разве только няня, бывало, говорила: «ой, как хорошо!» – вспоминает Верещагин. – Но похвалы ее были несколько подозрительны, так как часто выхваляя, она даже не досматривала, что именно было изображено: самолюбию моему горько было слышать – «ой, какая коровушка, как живая!» когда изображена была не корова, а домик».

Чем не совет от художника? Детям – идти к своей мечте вопреки обстоятельствам, взрослым – поддерживать их во всех начинаниях.

ВОРОТНИЧКИ И БАНТЫ

Воскресенье. В череповецком Доме-музее Верещагиных ждут группу из соседнего города. Тут и ехать-то всего час-полтора, но ребята встали в семь утра и выбираются из автобуса помятые и недовольные. Возня в гардеробе, борьба за крючок поближе к выходу. Маленьких отпихивают, упавшее пальто оказывается затоптанным. Кто-то смеется, кто-то хнычет. Обычное дело.

Школьники попадают в верещагинскую детскую, места за столом для всех не хватает. За стулья тоже начинается драка. Но экскурсовод Елизавета Волкова громко сообщает бузотерам о том, что в доме Верещагиных живут по правилам XIX века: здесь уважают старших, уступают места девочкам и женщинам и вообще ведут себя по-рыцарски. Порядок восстановлен.

На занятиях в детской посетителей наряжают в братьев Верещагиных

Верещагинские дни ежегодно проходят в Череповце в конце октября

Детям раздают реквизит: девочкам – белоснежные воротнички, мальчикам – банты. Надев их, девочки грациозно рассаживаются у стола, а мальчики, хоть и посмеиваются, повязывая друг другу банты, но расправляют плечи и становятся наконец серьезными.

Экскурсовод распределяет роли. Мальчику, которого «назначили» быть Николаем Верещагиным, вручают маленький бочонок с маслом. «Василий», естественно, получает палитру и кисть. «Сергей» – деревянного боевого коня. Экскурсовод начинает рассказ об интересных событиях из жизни братьев Верещагиных, объясняет, сколько времени дети тратили на учебу и какие порядки царили в доме предводителя дворянства. Девочки в воротничках и мальчики с бантами с удивлением узнают, что в те времена дети обращались к родителям только на «вы», что подниматься на второй этаж они могли только тогда, когда в доме появлялись гости, которых нужно было приветствовать. Современные школьники поражаются, когда слышат о том, что родной дом Верещагины покидали в 8–9 лет, уезжая учиться в другие города.

«Для нас важно рассказать не только о самих Верещагиных, но и о семейных традициях, о том, что воспитание – это нечто большее, чем школа и строгие правила, – говорит Елизавета Волкова. – И, наконец, о том, как много в человека закладывает семья. Многим современным детям большая семья и живое совместное времяпрепровождение людей разного возраста кажется чем-то удивительным».

Дети одеваются и прощаются, воротнички и банты аккуратно сложены в картонную коробку. Сотрудницы музея машут им рукой в окно и видят, как мальчики топчутся перед дверью автобуса, пропуская девочек вперед. Кажется, еще не все правила XIX века можно считать утерянными. ●

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВЫСОКИ КРУТЫЕ СКЛОНЫ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ ОН ЖИЛ В ЛИТЕРАТУРЕ И ЛИТЕРАТУРОЙ, ПОПРОБОВАЛ СЕБЯ ВО ВСЕМ – ОТ ДЕТСКИХ СТИХОВ ДО ГАЗЕТНЫХ КОРРЕСПОНДЕНЦИЙ, ОТ АГИТОК ДО ОПЕРНЫХ ЛИБРЕТТО. А ПОМНИТ СЕРГЕЯ ГОРОДЕЦКОГО КАК АВТОРА ОДНОЙ КНИГИ – ПРИЧЕМ САМОЙ ПЕРВОЙ.

Родился он в дворянской семье, «расколовой антагонизмом», как он сам писал в автобиографии. Мать его была типичной шестидесятицей и всю жизнь была верна демократическим убеждениям. Она «получала комплименты от Тургенева, когда обрезала буйные косы и надела очки на ясные глаза. Потом дружила с одной из жертв Слепцовской коммуны», – рассказывал Городецкий.

Отец, действительный статский советник, чиновник земского отдела Министерства внутренних дел, был, скорее, консервативных убеждений. «У него бывали архиереи: петербургский Исидор, киевский Флавиан. Он дружил с Лесковым и со скульптором Микешином, переписывался с Владимиром Соловьевым», – вспоминал Городецкий. Лесков подарил будущему поэту своего «Левшу» с автографом. В отцовском роду был митрополит Филарет (Дроздов), которого Городецкий в воспоминаниях называет «святым» – еще в кавычках; канонизирован митрополит Филарет был только в 1994 году. Кстати, в детстве на вопрос, «кем ты хочешь стать» будущий поэт отвечал: сначала действительным статским советником, потом святым.

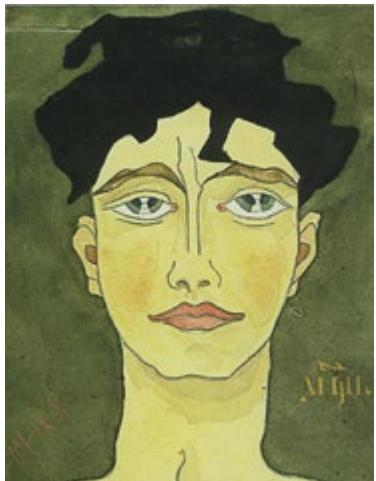
Отец разбирался в искусстве и сам хорошо рисовал, не чужд был и литературы: писал историко-этнографические очерки, рассказывающие о территориях, входящих в состав Российской империи. «Мы с младшим моим братом Александром росли среди корректурных листов, коллекционировали всевозможные гравюры: портреты, пейзажи, – вспоминал Городецкий. – У старшей сестры Елены был неплохой голос. У нас бывал композитор Аренский, скрипач Борис Мироненко. Товарищем старшего брата был поэт Владимир Гиппиус. Чуть ли не все музы реяли над моим детством». Мальчик съязмальства полюбил живопись и музыку, зачи-

тывался стихами – любимыми его поэтами были Пушкин, Кольцов и Никитин; позднее он даже подготовил к печати, прокомментировал и снабдил предисловием собрание сочинений Никитина.

Когда Сергею было 9 лет, умер отец. Мать и пятеро детей остались в стесненных материальных условиях; после смерти отца семья переехала на окраину Петербурга, в Лесной – и, как сказано в воспоминаниях Городецкого, в первую же ночь в пожаре сгорело все имущество семьи, архив, библиотека отца, и сам мальчик чуть не сгорел. Семья вернулась в Петербург, где Сергей пошел в гимназию; денег на жизнь не хватало, и семья снова переехала – в Орел, откуда старшие Городецкие оба были родом. Пятый и шестой классы мальчик окончил в орловской гимназии. Время это он называл счастливейшим в своей жизни: «Я раздобрел на орловском «размоле», гречихе и топленом молоке. Даже впервые влюбился в замухрышку гимназистку и писал ей записки на черной бумаге серебряными чернилами». Пенсия, которую получала семья, была невелика, так что после шестого класса Сергей начал помогать матери и зарабатывать уроками. Окончил гимназию он уже в Петербурге, причем с золотой медалью, и поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Александр Городецкий. Мощь.
Автопортрет. 1904 год

ВЕЧНЫЙ СТУДЕНТ

Университет позволял студентам слушать лекции на других факультетах, так что Городецкий слушал лекции по биологии, физике, юриспруденции, искусствоведению, истории... и, по его собственным словам, превратился в «межфакультетного бродягу», в вечного студента – не в состоянии определиться с тем, чего он хочет. С 1902 по 1912 год он учился в университете – два года занимался славяноведением, два – античностью, два – историей искусств, два – русской литературой... Он так и не определился, чем собирается заниматься. Позднее писал: «Погнался за тремя зайцами: наукой,

Сергей
Городецкий.
1900-е годы

Орел. Река Ока
и Марининский
мост. Начало
XX века

живописью и поэзией. Ни одного еще не догнал, но и ни один еще не убежал от меня». Он хорошо рисовал, его знание музыки позволило ему стать профессиональным оперным либреттистом, а русская поэзия Серебряного века непредставима без «стонов, звонов, перезвонов» его сияющей, весенней «Яри».

Оканчивать университет он не стал по причине, которая теперь кажется фантастической: «...имея предложения от каждой из этих кафедр остаться при университете, я расстался со своей альма-матер, не сдав государственных экзаменов, потому что ни одна из них не давала мне путевки в жизнь на основе твердого мировоззрения». Он искал «твердого мировоззрения», задумываясь о смысле бытия, о конце мира, о смерти – на эти мысли его наводило еще и мучительно переживаемое поражение России в русско-японской войне. Он зачитывался Шпенглером, Ницше и Бергсоном, а вот к марксизму был пока вполне равнодушен. В 1903 году он занимался сербским языком, и в одной группе с ним оказался Александр Блок, с которым Городецкий сразу подружился. Блок стал первым публикатором стихов Городецкого: в свою статью «Краски и слова» он включил стихотворение друга «Зной», которое назвал «совершенным по красочности и конкретности слова».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВАСЬКА БУСЛАЕВ

Блок, писал Городецкий, бережно охранял его «от тогдашних литературных салонов», однако не уберег: поэт Владимир Пяст ввел Городецкого в святая святых символизма – в салон Вячеслава Иванова в его знаменитой «Башне». Дмитрий Философов таким запомнил молодого поэта на этих собраниях: «Весь какой-то белый, светлый. <...> Постоянная улыбка. Что-то очень русское, задорное. Какой-то Васька Буслаев». На ивановских «средах» Городецкий впервые читал свои «языческие» стихи, написанные во время летних поездок под Псков, на реку Плюссу, в 1901–1905 годах. Там, по словам Городецкого, он все свободное время проводил в народе, на свадьбах и похоронах, в хороводах, в играх детей, жадно впитывая «язык, синтаксис и мелодии народных песен». Русалки, веснянки, огневки, древеницы заняли прочное место в его поэзии. Книга получилась, по мнению автора, «двойственная»: с одной стороны – «Ярь», светлая, буйная, могучая языческая сила, с другой – «Темь», грохот, суета, нищета современного города, его темный хмель, его голод и несчастье, каторжный труд и несвобода.

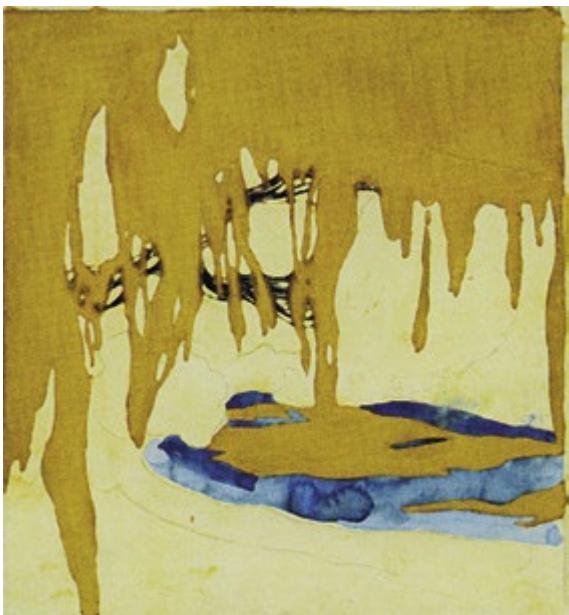
Пяст вспоминал, что, когда Городецкий, которому едва минуло 20, прочитал свои стихи на ивановской «Башне», «все взволновались»: «Все померкли перед этим «рождением Ярилы». Все поэты, прошедшие вереницей перед ареопагом под председательством Брюсова, вместе с этим ареопагом вынуждены были признать выступление Городецкого из рук вон выходящим».

Пожалуй, тут отчасти дело в том, что личный интерес поэта к фольклору совпал с общим для литературы модернизма направлением поисков: с интересом к древнему, исконному, аутентичному. Модернизм особенно чуток к истокам национальной культуры и – шире – всего человеческо-

Сергей Городецкий в роли Юного поэта в спектакле по пьесе Ф. Сологуба «Ночные пляски». Петербург. 1909 год

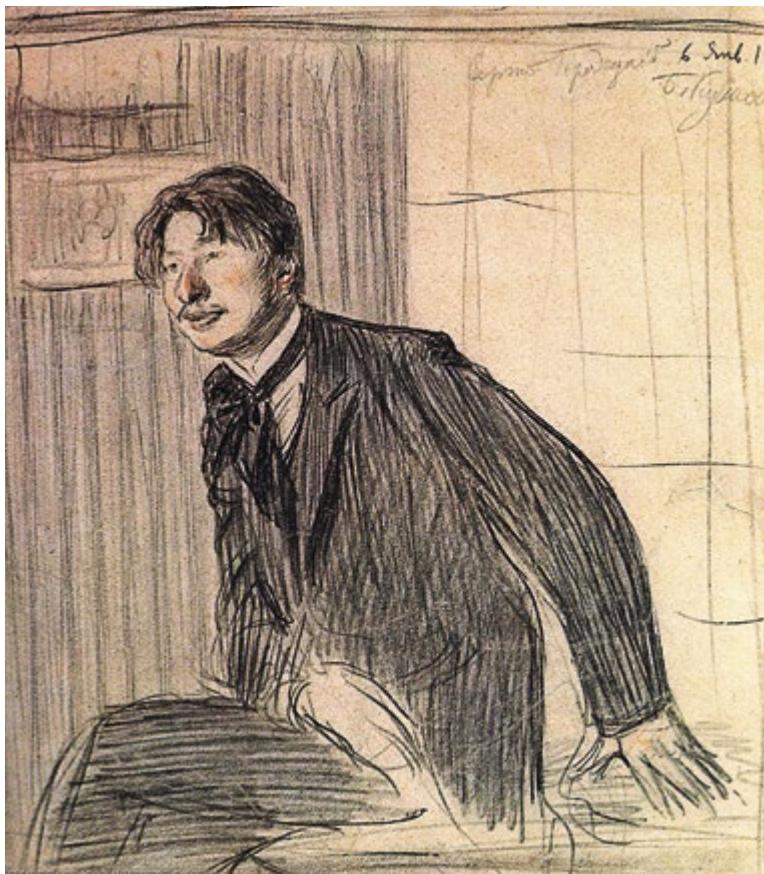
Александр Городецкий. Иллюстрация к стихотворению Сергея Городецкого «Зной». 1906 год

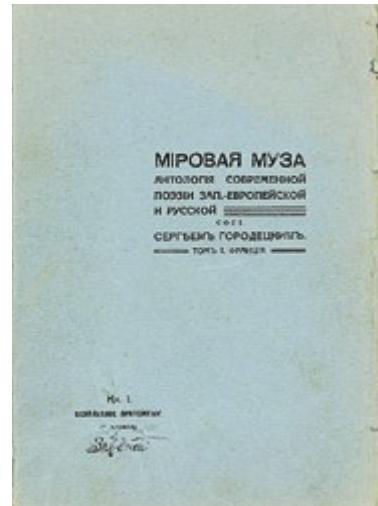
Первая книга Городецкого – «Ярь». Обложка работы Николая Рериха. 1907 год

лал Николай Рерих, творчество которого было очень близко Городецкому. Но «Ярь», собственно, не столько своим язычеством понравилась современникам, сколько молодой энергией, витальной силой: задолго до футуристического «каждый молод, молод, молод» Городецкий продекларировал:

Древний хаос потревожим,
Космос скованый низложим, –
Мы ведь можем, можем, можем!
Потому так радостно и приветствовали эту книгу ведущие критики, и искренне считали ее лучшей книгой года, а Блок так и вовсе написал матери, что это «может быть, величайшая из современных книг», в которой «все живет и трепещет своей жизнью». «И это мажорное начало в стихах Городецкого, отчасти вдохновленное в нем поэзией русского фольклора, скульптурой Конёнкова, живописью Рериха, графикой Билибина, музыкой Римского-Корсакова и Лядова, привлекло к себе внимание всей читающей России», – писал Даниил Серебряный в предисловии к советскому двухтомнику Городецкого 1974 года. Считается, что «Ярь» так и осталась лучшим произведением поэта, хотя он прожил еще более полувека и многое за это время сделал.

Б.М. Кустодиев.
Портрет
С.М. Городецкого

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мировая муз. Антология современной поэзии западноевропейской и русской. Сост. С. Городецким. Т. 1: Франция (С.-Пб., 1913)

кажется, был чужд всякой идеологии; Блок озабоченно писал, что Городецкий может погибнуть от своего легкомыслия или беспочвенности.

В 1906 году Городецкий организовал в университете «Кружок молодых». Кружок проводил литературные вечера, на которых читали и пишущие студенты, и серьезные поэты – в первую очередь Блок. Городецкий писал, что именно в этом кружке созрел его разрыв с кругом Вячеслава Иванова.

Следующие сборники Городецкого – «Дикая воля», «Русь» и «Ива» – гораздо суше и строже «Яри». В них нет никакого веселого буйства, а есть печаль, скорбь и вопросы без ответов. В сборник «Дикая воля» Городецкий включил цикл «Тюремные песни», написанный в «Крестах», где он провел десять дней, арестованный за то, что привез в столицу из Финляндии запрещенный цензурой «Историко-революционный альманах» издавательства «Шиповник».

В новых сборниках Городецкий пишет о тяжелой жизни русской деревни – и сближается тут даже не столько с Блоком, сколько с Некрасовым и Никитиным, научным изданием которого он как раз занимался в 1911 году.

КАКОЙ-ТО КРУГ ЗАВЕРШЕН

Следующая книга, «Перун», продолжение «Теми», городских наблюдений; в городе «дух искалечен». В 1907 году Городецкий написал первые идеологические стихи – о рабочих, идущих на «массовку» – маевку, где они «Пьют заповедную брагу // Воздуха, воли, лучей. // Слова, кипящего слова, // Смелых речей!». Но для него время Первой русской революции было связано не столько с пробуждением революционного сознания, сколько с общим ощущением кризиса, конца чего-то важного. Он писал Блоку в 1906 году: «Наступает великое время, выходит народ. И этому времени – свое искусство, тоже великое. Я знаю, что такое символизм, но что какой-то круг завершен, это слишком ясно... Каждый чувствует приход и пророчит на своем языке». Новый язык, на котором он сам пытался пророчить, это провозглашенный Георгием Чулковым мистический анархизм, основ-

ной идеей которого была внутренняя свобода поэта. Впрочем, мистического анархиста из Городецкого не вышло, как не вышло и мифотворца а-ля Вячеслав Иванов. Городецкий,

Александр
Александрович
Блок

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЗА МИР, ЗВУЧАЩИЙ, КРАСОЧНЫЙ

Выход из мировоззренческого тупика и новую поэтическую дорогу Городецкий, кажется, нашел для себя, примкнув к акмеистам и приняв участие в их полемике с символистами. Он стал автором одной из программных статей акмеизма, где говорил, что акмеисты ведут с символистами борьбу «за этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время, за нашу планету Землю». За настоящую жизнь – против «фантомов», за конкретику – против абстракции.

«У акмеистов, – провозглашал Городецкий в журнале «Аполлон», – роза опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чем-нибудь еще».

Он и Блока пытался привлечь к акмеизму, но Блок ответил статьей «Без божества, без вдохновенья», которую сам Городецкий назвал «убийственной». Про манифест давнего друга Блок написал: Городецкий «наплел невообразимой, полуторжественной, полуразухабистой чепухи, с передержками, с комичнейшими пассажами и пр. Его статья, однако, выгодно отличалась от статьи Гумилева своей забавностью: он прямо и просто, как это всегда было ему свойственно, объявил, что на свете собственно ничего и не было, пока не пришел «новый Адам» и не «пропел жизни и миру аллилуиа».

Акмеистский этап в творчестве Городецкого закончился сборником «Цветущий посох», куда включены строгие, классические, совсем непохожие на буйство «Яри» восьмистишия. Некоторые из них посвящены литераторам – Ахматовой, Пясту, Льву Толстому, некоторые размышляют о природе творчества, некоторые говорят о любви.

В 1908 году Городецкий женился на актрисе и поэтессе

И.Е. Репин.
Портрет поэта
С.М. Городецкого
с женой. 1914 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Анне Алексеевне Козельской. Они вместе ездили на Волгу, большая часть стихов в книге «Русь» написана по впечатлениям этой поездки. В 1909 году у Городецких родилась дочь Рогнеда, которую дома звали Ная (потом она жила в Праге с первым мужем, шахматистом Рети, и снималась в кино. – Прим. авт.). Может быть, именно

рождение дочери подтолкнуло поэта к созданию стихов и сказок для детей; он был одним из первых в России литераторов, кто вообще задумался об этом. В 1910-х годах у него вышло несколько книжек для маленьких – «Федька-чурбан», «Царевна-сластена», «Ау», «Мика-летунок». Продолжал он писать для детей и после революции – в 1923–1924

Фотопортрет
Нимфи – Анны
Городецкой.
1910-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А. Ахматова. Вечер.
Обложка сборника,
художник С.М. Городецкий
(С.-Пб., «Цех поэтовъ», 1912)

годах, когда на волне нэпа стали появляться издательства, печатающие детские книги, он издал еще несколько небольших книжек. Анна Алексеевна была очень красива. Репин называл ее Нимфой; Нимфой стал называть ее и муж. Когда он издал книгу с посвящением «Тебе, Нимфа», этим именем Городецкую стал звать весь литературный Петербург – кто с восхищением, кто с иронией. Композиторы, которые часто бывали у Городецких – Гречанинов, Лядов, Черепнин, дарили ей свои произведения с дарственными надписями, где именовали ее «прелестной златокудрой Нимфой» или «очаровательной исполнительницей». Нимфа была неплохо образована, окончила Бестужевские курсы, хорошо пела, играла в любительских спектаклях. Писала стихи, публиковала их под пышным псевдонимом Бел-Конь Любомирская. В архиве Блока сохранилось адресованное ему искреннее и сбивчивое любовное письмо Нимфы, написанное в 1911 году – «мучительное письмо», как назвал его Блок: «И я так часто плачу по Вас. Господи, Господи, что же мне делать, я не знаю»... Удивительно, что эта влюбленность не разрушила ни брака Городецких, ни дружбы двух поэтов. В 1915 году Блок прислал к Городецкому с запиской юного Сергея Есенина. Городецкий познакомил его с Николаем Клюевым, ввел в круг крестьянских поэтов – вообще отнесся к нему с большой заботой, видя в молодом поэте надежду русской литературы. О встрече этой писал: «Судьба послала мне великую радость». Есенин несколько месяцев прожил у Городецкого. В издательстве «Краса», которое организовали Городецкий и Алексей Ремизов, вышла первая книга Есенина, «Радуница».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ОСКОРБЛЕНИЕ ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Когда началась Первая мировая война, Городецкий, по его собственному выражению, «был захвачен ура-патриотическим угarem». На фронт его не призвали, но он сам записался во Всероссийский союз городов – добровольную организацию, созданную для помощи правительству в ведении войны, – и уехал на Кавказский фронт военным корреспондентом «Русского слова». Он верил, что война способна пробудить национальный дух в стране, стать началом национального возрождения. Но настоящая война, которую он увидел, привела к утрате иллюзий. В 1916 году он попал в город Van в Западной

Городецкий
с Сергеем
Есениным.
1915 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С. Городецкий
на фронте

Армении, где стал свидетелем геноцида армянского народа. В «Русском слове» он писал в очерке «Разоренный рай»: «Невыносима мысль, что сотни тысяч мирных, беззащитных людей были подвергнуты людьми же неслыханным по зверству истязаниям, тончайшим пыткам тела и духа...» Кстати, «Русское слово» перестало печатать корреспонденции Городецкого после сатирической статьи «Три генерала».

Городецкий не ограничился ролью беспристрастного наблюдателя: он организовывал для беженцев продовольствие и медицинскую помощь, спасал армянских детей, заботился о приюте для сирот. Армянские впечатления нашли отражение в цикле статей «В стране ручьев и вулканов», стихотворном сборнике «Ангел Армении», в романах «Альый смерч» и «Сады Семирамиды».

«Февральская революция, – писал поэт, – застала меня в Иране, в Шерифханэ, на Урмийских берегах, – я был санитаром в лагере для сыпнотифозных больных. Там я познакомился и сдружился с большевиками – доктором М.С. Кедровым и Б.Е. Этингфом. Они ласково и сурово вводили меня в круг ленинских идей, которыми я живу и сейчас».

Он думал о том, чтобы вернуться в Россию, но этому мешала Гражданская война. В Закавказье он прожил до 1921 года, его занесло сначала в Тифлис, потом в Баку. В Тифлисе он «работал в тамошней консерватории, читал лекции по эстетике, печатал статьи на темы искусства и литературы, знакомя тифлисцев с русскими классиками и восточной поэзией, редактировал журнал «Арс»... Выступал с художниками на выставках со своими этюдами, дружил с тамошними поэтами. Одним из них был великий поэт Армении Ованес Туманян, поборник дружбы Кавказа с Россией. С братом скульптора П.Д. Меркуровым редактировал сатирический журнал «Нарт». Его скоро закрыли, а меня выслали».

В Баку, где он жил потом, он писал по небольшой пьесе в неде-

лю – обычно это были инсценировки сказок. Пьесы ставили в кабачках. В апреле 1920 года в Баку пришла Красная армия, и Городецкий стал заведовать художественным отделом «Баккавроста» – делая, собственно, практически то же самое, что Маяковский делал для «Окон РОСТА» в Москве. Это время казалось ему счастливым: «Ставили памятники, издавали журнал «Искусство» на русском и азербайджанском языках. Вышло два номера. Я был весел и молод, стихи летели». Вскоре он возглавил литературную часть Политуправления Кавказского флота, потом его перевели на ту же должность на Балтфлот. И Городецкий вернулся в Россию – в изменившийся послереволюционный Петроград. «Из старых друзей я встретился с А. Блоком, – коротко записал он. – Встречи с Н. Гумилевым окончились полным разрывом».

Смерть Блока стала для него тяжелым ударом.

Ушел любимый. Как же голос
Неизъяснимый не услышим,
Когда на сердце станет голо,
Когда захочется быть выше?

Уехав из Петрограда, Городецкий еще раз съездил на Кавказ и потом поселился в Москве – в здании, принадлежащем Историческому музею, возле Иверской часовни на Красной площади. Гостей он уверял, что живет в палацах Бориса Годунова.

С.М. Городецкий.
1923 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДВЕ СТАРУШКИ БОЖЬИ ТОЖ

Дальнейшая жизнь Городецкого – биография правоверного советского поэта. В первой половине 1920-х он пишет агитки, которые издаются огромными тиражами. Агитки делались торопливо, часто отличались скверным качеством. Евгений Замятин в своей знаменитой статье «Я боюсь» причислил Городецкого к числу «юрких» литераторов, которые торопятся обслужить власть.

Городецкий ездил с командировками по всей стране: выступал с лекциями о поэзии и революционном театре, читал стихи. В Москве он организовал «Цех поэтов», в который входили Антокольский, Сель-

К.Ф. Юон.
Заседание
объединения
«Никитинские
субботники».
1930 год. Среди
изображенных
С.М. Городецкий

винский, Шенгели, Зенкевич; поэты издали сборник «Стык», предисловие к которому написал Луначарский.

В 1928 году Городецкий опубликовал поэму «Красный Питер», вполне эпигонскую по отношению к «Двенадцати» Блока, изображающую революцию как стихию разрушения старого мира. В переломном для русской литературы 1929-м поэт издал сборник «Грань», где выразил желание «Всю кровь, все сердце, все дыханье // Влить в мировое полыханье».

Критика считала, что он вполне осознал свои прежние ошибки – так что в те времена, когда другим поэтам и писателям пришлось каяться, писать письма в правительство с просьбой дать возможность работать или уехать за границу – ничего этого ему делать не пришлось. Но писать стало почти невозможно. И, как многие другие поэты, в 30-е годы он ушел в переводы и оперные либретто. Переводил болгарских, польских, белорусских поэтов, в том числе Мицкевича, Якуба Колоса, Янку Купалу.

Работа в опере всерьез захватила его: перед советским театром стояли задачи, во-первых, перевести на русский язык мировую классику, во-вторых, осовременить русскую классику, которую невозможно ставить в театре по идеологическим причинам, и, в-третьих, создать оригинальную советскую оперу. Городецкий занимался и тем, и другим, и третьим. Самый известный его труд – новое либретто к опере Глинки «Иван Сусанин», бывшей «Жизни за царя».

Он написал несколько новых либретто к операм Вагнера, Бетховена, Керубини; создал оригинальные либретто к советским операм на темы Гражданской войны – собственные либретто «Прорыв» и «Александр Невский», «Дума про Опанаса» по Багрицкому, «Десять дней, которые потрясли мир» по Джону Риду.

ВЫХОДИТ В БОЙ СТРАНА МОЯ РОДНАЯ

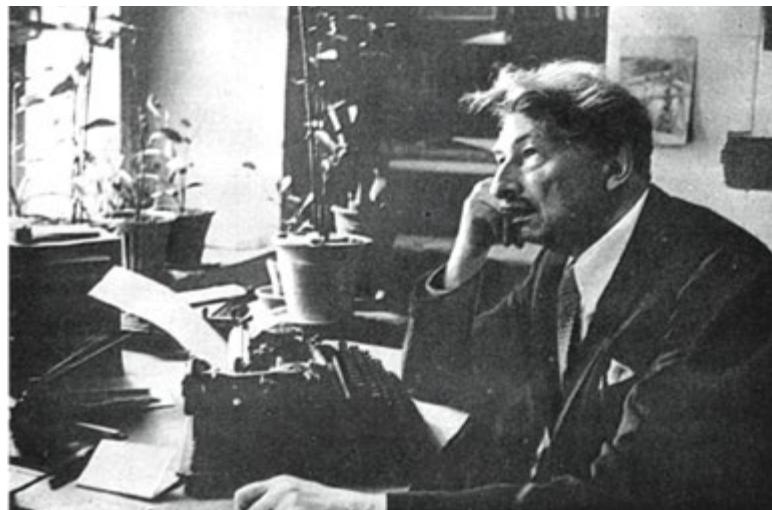
«Великая Отечественная война застала меня в Ленинграде, где ставился «Лоэнгрин». В первый же день войны я написал и читал по радио стихотворение «Выходит в бой страна моя родная». Я читал стихи в госпиталях и воинских частях. После эвакуации с семьей в Ташкенте я работал в Союзе писателей и переводил узбекских поэтов», – писал Городецкий в автобиографии.

С самого начала войны поэт выступал в печати со стихами – часто неровными, эмоциональными; среди них были и стихи о сиюминутных событиях, и тексты песен, и исторические размышления о былых победах.

В Ташкенте он выступал в госпиталях с чтением стихов – вместе с другими поэтами, в том числе с Ахматовой. Эвакуированные поэты жили в одном доме по адресу улица Маркса, 7. Мария Белкина, автор мемуаров о ташкентской эвакуации, перечисляя жильцов этого дома, пишет: «...был Сергей Городецкий, худой, длинный, похожий на облезшую старую борзую, он расхаживал в черном костюме с тросточкой, а его жена Нимфа, в просторечии Анна, любила сидеть на крылечке, распустив волосы, и рассказывать о своих романах и о том, как был в ее влюблен даже Анатоль Франс и как лежала она однажды, обнаженная, на белой медвежьей шкуре, укрытая своими роскошными волосами до пят, а на пороге появился он, но кто был он и было ли это в Париже или в Петербурге – понять и запомнить я не сумела...»

В дневнике Городецкого есть забавная запись, что он подстригал Ахматовой челку. Старые литературные соратники то сходились, то расходились, не то в шутку, не то всерьез сводя старые литературные счеты. Эдуард Бабаев, впоследствии филолог, а тогда подросток, друживший с осиротевшим

С.М. Городецкий.
1953 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

сыном Цветаевой – Муром, вспоминал рассказы приятеля о писательском доме: «Вот, например, – говорил Мур, – Анна Ахматова написала стихи о своей «вольности» и «забаве»: «А наутро притащится слава погремушкой над ухом бренчать...» А Сергей Митрофанович Городецкий говорит: «Кто это пишет? Анна Ахматова? Моя недоучка...» А ты говоришь: «Олимп!», – смеялся Мур. Вместе или наряду с «Избранным» Анны Ахматовой в Ташкенте были напечатаны и «Думы» Сергея Городецкого с подзаголовком: «Семнадцатая книга стихов». Я принес этот сборник Анне Андреевне, думая, что ей это будет интересно. Она перелистала сборник, взглянула на титульный лист и сказала: «Семнадцатая книга стихов... Много я дам тому,

кто вспомнит, как называлась шестнадцатая книга! Никто не помнил и не знал».

Еще до конца войны Городецкий переехал в Сталинабад – нынешний Душанбе, где вместе с Аделиной Адалис (см.: «Русский мир.ru» №8 за 2016 год, статья «Кажется, душа во мне созрела...». – Прим. ред.) готовил к печати альманах «Литературный Таджикистан», затем вернулся в Москву. 1945 год, год Победы, стал для немолодого поэта годом глубокого личного горя: умерла Нимфа. Он собирался в это время написать комедию в духе Грибоедова, но горе этим замыслам помешало. После войны он работал в секции музыкальных драматургов Союза писателей и в Литературном институте имени Горького. Написал книгу воспоминаний, под названием «Жизнь неукротимая» она вышла уже после его смерти, в 1984 году.

Умер он в 1967-м – уважаемым советским поэтом. Ему было 83 года. Удивительно долгая, насыщенная событиями, делами, литературной работой жизнь. Детская литература, переводы, агитки, либретто, проза. А самое главное – все равно вот это, когда он, 22-летний, красивый, счастливый, выдохнул от полноты жизненных сил, от весенней радости: Звоны-стоны, перезвоны, Звоны-вздохи, звоны-сны. Высоки крутые склоны, Круто склонены зелены. ●

Сергей
Митрофанович
Городецкий
и композитор
и дирижер
Сергей
Никифорович
Василенко.
1940-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ» ВЕЛИКОЙ АРМИИ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

САРАТОВСКИЙ ИСТОРИК И ФРАНЦУЗСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ВМЕСТЕ РАЗВЕЯЛИ МИФЫ, КОТОРЫЕ ПОЧТИ СТОЛЕТИЕ ОКРУЖАЛИ ЗАГАДОЧНУЮ ПЕРСОНУ «ПОСЛЕДНЕГО СОЛДАТА» ВЕЛИКОЙ АРМИИ НАПОЛЕОНА.

У ГОЛ ДОМА, СТОЯЩЕГО на пересечении улиц Дзержинского и Вольской, саратовцы приспособили для расклейки всевозможных объявлений. Разноцветные листки занимают почти все пространство вокруг мемориальной доски, посвященной наполеоновскому ветерану, жившему в горо-

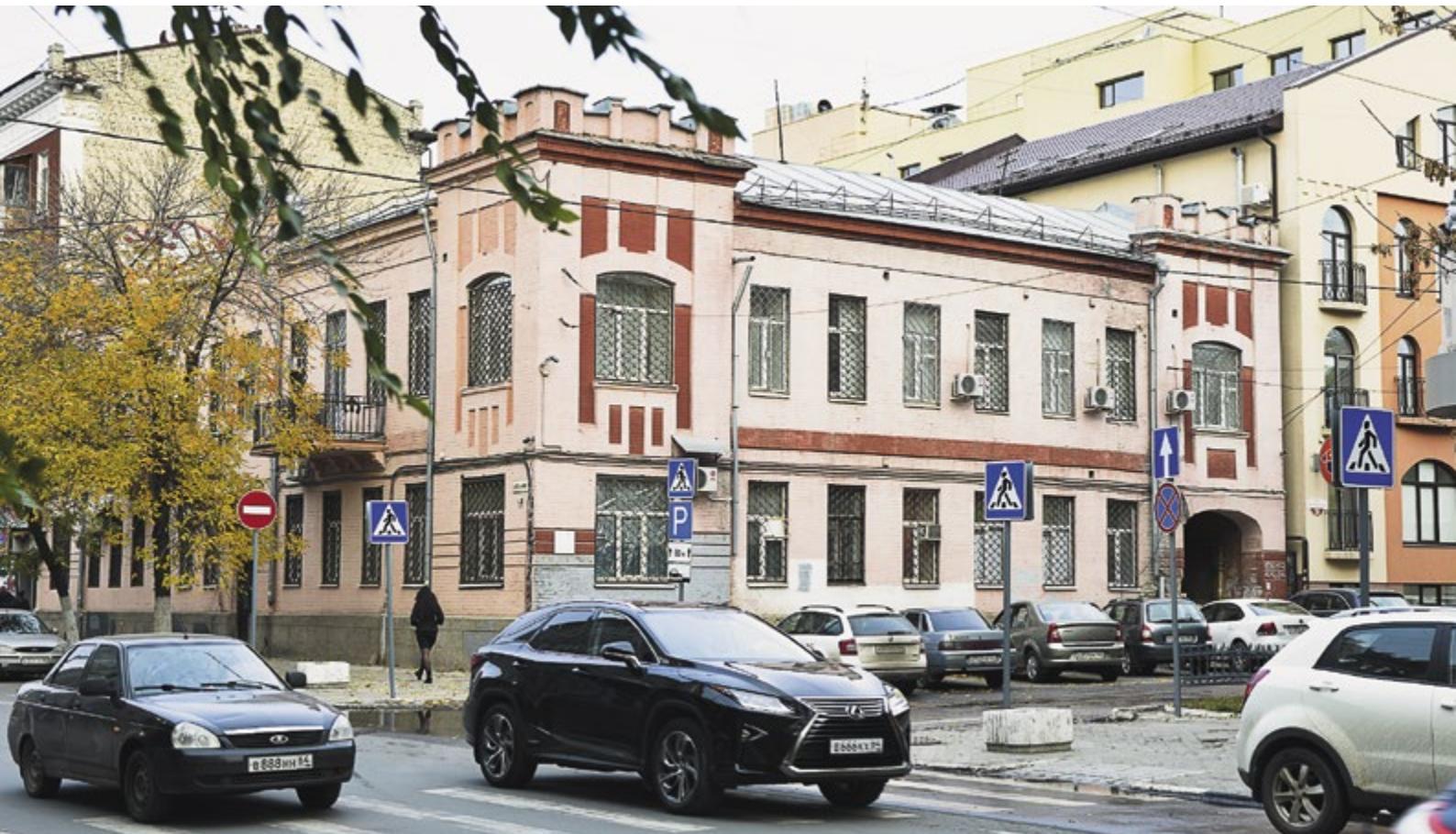
де. Местные остряки обычно шутят, что лейтенанта Савена снова окружают, как при Березине. Когда доцент кафедры истории России и археологии Саратовского госуниверситета Виктор Тотфалушин привел на этот перекресток французского писателя Ива Готье, доска, как обычно, находилась в осаде объявлений.

«На этой улице жил и почил в возрасте 126 лет русский француз Николай Андреевич Савен (уроженец Парижа), получивший образование в городе Туре на берегу Луары. Он оказался в России в рядах армии Наполеона, был взят в плен на Березине, направлен в Саратов, где принят под покровительство губернатора города Алексея Панчулидзе. Став преподавателем французского языка, живописи, истории и даже фехтования, он снискал себе почтение всего города. Саратов стал его второй родиной, где он мирно жил и скончался 29 ноября 1894 года в собственном доме, который был расположен в нескольких метрах отсюда».

Эта мемориальная доска появилась на стене дома в 1998 году. Открытие ее прошло с помпой: в Саратов приехал тогдашний чрезвычайный и полномочный посол Франции в России Юбер Колен де Вердье, а в почетном карауле стояли солдаты, одетые в военную форму образца 1812 года. Был и французский штандарт с императорским орлом.

САРАТОВСКИЙ ФРАНЦУЗ

Французский писатель-руссист, автор 12 книг о России Ив Готье долгие годы служил переводчиком в издательстве «Прогресс». О необыкновенной судьбе своего соотечественника Николя Савена он узнал случайно. Как-то московский таксист, по выговору угадавший в своем пассажире французу, обратил внимание Ива на статью в газете, в которой рассказывалось о бывшем солдате наполеоновской армии. Якобы он прожил в Саратове восемьдесят лет, зарабатывал на жизнь уроками фехтования и французского и умер там же на 127-м году жизни! Саратов был знаком Иву Готье: одно время писатель работал

директором речных круизов, читал французским туристам лекции о русской культуре на круизном лайнере «Александр Бенуа».

Одиссея французского солдата, умершего в Саратове, так заинтересовала Ива, что он стал собирать все публикации о Савене. В том числе и статьи саратовского историка Виктора Тотфалушина, благодаря которым и началась их переписка. По просьбе Тотфалушина Ив Готье занимался поиском следов Николя Савена в архиве исторической службы Министерства обороны Франции.

Личная встреча Ива Готье и Виктора Тотфалушина состоялась в 2010 году, когда «Александр Бенуа», на котором Ив Готье продолжал работать директором круиза, причалил в Саратове. После домашнего обеда Виктор повел гостя прогуляться по городу. Больше всего они разговаривали, конечно, о Николе Савене. Виктор показал французу места, где мог бывать бывший

солдат во время долгой жизни в Саратове. Вот городской Крытый рынок, построенный на месте Митрофаньевской площади, куда наполеоновский солдат ходил за продуктами. Вот кинотеатр на улице Кирова, построенный на развалинах католического собора Святого Климента, прихожанином которого был месье Савен. Но главная «достопримечательность» — угол дома на перекрестке улиц, на котором красуется мемориальная доска с указанием, что дом Савена располагался поблизости — буквально в нескольких

Сам Наполеон до Саратова не дошел, но память о его солдате запечатлена на этом перекрестке...

Скромную мемориальную доску в честь Николя Савена обычно заклеивают объявлениями

метрах. Но Виктор объяснил Иву, что это — ошибка. На самом деле дом Савена находился по другую сторону улицы — в соседнем квартале. Точный адрес саратовского пристанища последнего наполеоновского ветерана так и не смогли установить. Часть исследователей писали о доме №70. Но такого количества домов короткая улица, как объяснил Виктор Тотфалушин, вместить не может. Так что, скорее всего, дом Савена надо искать на улице Грошовой (ныне Дзержинского), где-то между Ильинской (ныне Чапаева) и Вольской.

Французского ветерана, проживающего в Саратове, первым «раскопал» местный журналист и краевед Николай Федорович Хованский. В своей статье он утверждал, что «Савену теперь идет 126-й год», «он имеет вид еще бодрого для своих лет старика, читает без очков, но слышит не вполне хорошо». Именно эту публикацию «одной русской газеты» имела в виду «Ле Пти

Паризьен», сообщая своим читателям о французском «Мафусайле», способном «таскать с рынка свертки весом до 40 фунтов». Здание Крытого рынка было построено в Саратове в годы Первой мировой войны. Здание, выполненное в архитектурном стиле модерн, венчает стеклянный купол. Савен видеть рынок таким, конечно, не мог. Зато жители Саратова нередко видели, как старик-француз возвращался с продуктами с базара, который находился тут же, на Митрофаньевской площади...

Спустя три года после статьи Хованского Савен неожиданно получил письмо из Лионса за подписью некоего Ипполита Делестра. Лионский архитектор Делестр называл себя племянником Савена, пригласил старика перебраться на родину и обещал предоставить родственнику кровь, а также окружить его заботой и любовью.

Затем судьбой ветерана заинтересовался редактор журнала «Братская помощь» Прокопий Андрианович Устимович, выхлопотавший старцу денежный подарок от императора Александра III в размере 300 рублей. Он же в 1888 году заказал в саратовском фотоателье первую из двух существующих фотографий Николя Савена, а затем опубликовал о наполеоновском ветеране статью в своем журнале. Интересно, что побывавший еще в 1858 году в Саратове великий романист Александр Дюма обошел вниманием солдата Великой армии, ставшего на чужбине учителем фехтования. Во время обеда у своего соотечественника, владельца шляпного магазина Сервье, писатель познакомился с полицмейстером, совершил с ним прогулку по Саратову, но о Савене так и не услышал! Тогда на старого француза в Саратове попросту не обращали никакого внимания: иностранцев-поселенцев в Саратове было предостаточно. Здесь жили военнопленные и Крымской кампании, и Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Кстати, Виктор Петрович

На базаре, находившемся на месте этого рынка, наполеоновский ветеран запасался провиантом

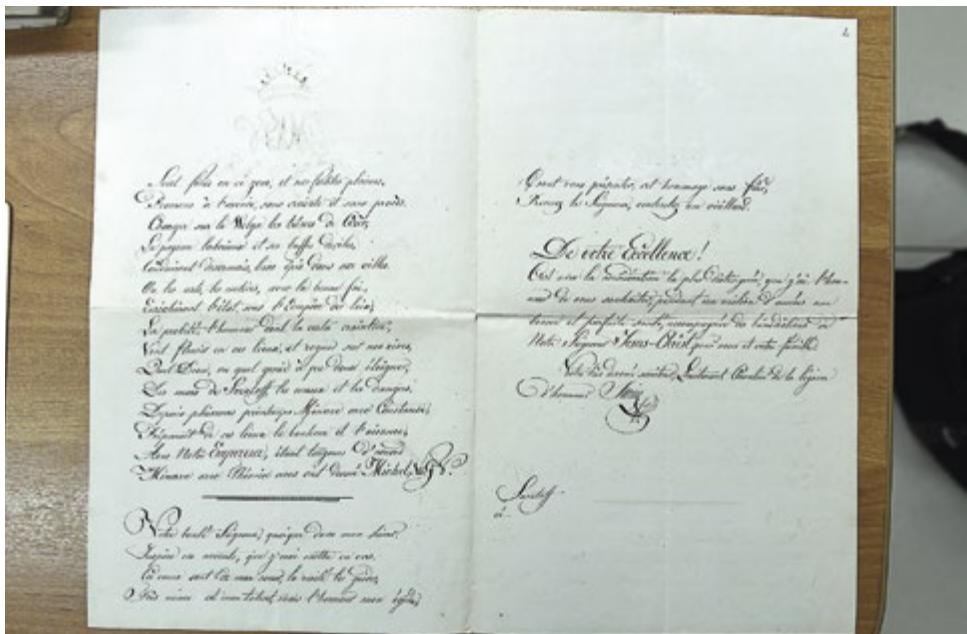
Тотфалушин и сам внук венгерского пленного времен Первой мировой войны, оставшегося в России.

Жизнь Савена резко изменилась после его встречи со статским советником Константином Адамовичем Военским, служившим в Саратове с 1893 по 1896 год. Это именно он отправил в апреле 1894 года письмо знаменитому изданию газеты «Новое время» Алексею Сергеевичу Суворину. А через месяц в издании появился написанный Военским биографический очерк, рассказывающий о бравом лейтенанте 2-го гусарского полка, кавалере ордена Почетного легиона Николя Савене, который был с Наполеоном в Египте, сражался под Аустерлицем и Йеной, видел пожар Москвы, а теперь в возрасте 126 лет разводит цветы в Саратове. Эта статья произвела эффект разорвавшейся бомбы не только в России, но и в Европе. Кстати, в письме Суворину Военский живописал, как он бегал к старику-французу с томиками Тьера и Михайловского-Данилевского и как его поражала точность рассказов ветерана.

МИГ СЛАВЫ

Виктор Тотфалушин подсчитал, что с 1894 по 1900 год во Франции появилось не менее 12 газетных статей, результатом которых стал поток писем в Саратов. Французские журналисты повторяли биографию Савена, изложенную Военским, включая и призыв автора о материальной помощи ветерану. В фонде Военского, который хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, саратовский историк обнаружил государственное письмо Савена, опубликованное на страницах «Фигаро». Ветеран был тронут вниманием своих соотечественников, пожелавших помочь старому солдату, и называл Россию своей второй родиной.

Французское правительство присяло медаль Святой Елены, полученную Савеном из рук саратовского губернатора, князя Бориса Борисовича Мещерского. Медаль эта была учреждена в 1857 году Наполеоном III для награждения оставшихся к тому времени в живых ветеранов революционных и Наполеоновских войн. Награду сопровождала грамота за подписью

военного министра Франции Огюста Мерье.

А в октябре 1894 года посольство Третьей французской республики отправило губернатору Мещерскому уведомление о назначении Савену пожизненной ренты 400 франков в год. Но пожить на дивиденды от славы последнему наполеоновскому ветерану удалось лишь месяц. Из репортажей с похорон Савена, опубликованных в саратовских газетах, становится ясно, что церемония проходила с помпой. В почетном карауле стояли офицеры местного гарнизона и представители гражданских властей. Медаль Святой Елены лежала на подушечке. Подробно были описаны проводы катафалка на римско-католическое кладбище Саратова. Позднее на деньги Санкт-Петербургского общества французов-переселенцев на могиле Николя Савена был поставлен памятник. В 1896 году на средства той же французской колонии была выпущена книжка о Савене.

Виктор Тотфалушин разыскал эту биографическую редкость. Он надеялся узнать дополнительные сведения о Савене, но выяснилось, что в книге содержался лишь пересказ очерка Константина Военского на французском языке. Однако к тому моменту этот источник вы-

шел из доверия у Виктора Тотфалушкина.

Дело в том, что еще при жизни Савена не все приняли его рассказ о себе за чистую монету. Например, полковник фон Фрейман из финского города Фридрихсгамна попросил друга во Франции навести справки о ветеране в канцелярии Министерства военных дел. Тогда-то и выяснилось, что Савен не числился в списках кавалеров ордена Почетного легиона. В то же время в Саратов пришел запрос из Генерального консульства Франции в Санкт-Петербурге. Французские дипломаты просили точных сведений о старожиле. Пристав 1-й части Саратова

стихотворное послание (хранится в Саратовском госархиве) губернатору Николаю Савен сочинил на своем родном языке...

...А для его украшения использовал рисунки, которые запомнил, когда был еще мастером-краснодеревщиком

Кузьмин, получивший от полицмейстера задание подготовить ответ на консульский запрос, отправил к Савену околоточного надзирателя. Савен посланца не принимал, ссылаясь на болезнь, а потом через дочь передал, что требуемых от него сведений он дать не может. Пусть идут к Военскому. Но Военский так затянулся с предоставлением документов, что подгоняемые начальством полицейские озвучили французам устоявшуюся версию. И саратовский полицмейстер подтвердил, что «бывший лейтенант французской армии Наполеона 1-го Николай Андреевич Савен 126 лет проживает в Саратове по Грошовой улице в доме дочери своей Евдокии Савен с января месяца 1814 года безвыездно, имеет свидетельство Саратовского губернского правления, от 9 октября 1847 г. за №16362, о принятии им Российского подданства и свидетельство Саратовской классической гимназии, от 27 марта 1835 г. №290, на право преподавания французского языка. Документы в настоящее время находятся у помощника тюремного инспектора г. Военского. А прочие же документы сгорели». Так благодаря Военскому, саратовскому полицмейстеру и журналистам легенда о «последнем солдате Наполеона» просуществовала более века. Многократно повторяясь, она обрастала невероятными подробностями. Писали о том, что Савен воспитывал детей своего друга, губернатора Панчулидзе, что обучал отпрысков знатных семей Саратова. И будущий литературный критик Николай Чернышевский тоже брал уроки французского у Савена. И при Бородине лейтенант был ранен. И в плен на Березине Савена взял сам атаман Донского казачьего войска Матвей Платов...

Виктор Тотфалушин в своей первой публикации о французских военнопленных в Саратове тоже повторил эту легенду о Николае Савене, однако нестыковки в его биографии заставили историка начать расследование. Так что уже к 2002 году Тотфалушин выяснил следующее: Савен

называл себя лейтенантом 2-го гусарского полка, но в 3-м корпусе маршала Мишеля Няя, воевавшем в России, был только 11-й гусарский (голландский) полк. А 2-й гусарский полк в это время сражался на Пиренеях против англичан. Нет Савена и в списках награжденных орденом Почетного легиона. Не оказалось его и в сводном списке пленных офицеров, прибывших в Саратовскую губернию до 15 февраля 1813 года.

Затем петербургский историк Борис Милovidов обратил внимание своего саратовского коллеги на архивный документ из фондов РГИА. В нем фигурировал Николай Савен, унтер-офицер 24-го егерского полка. Попав в плен, он был направлен в уездный город Хвалынск Саратовской губернии, а в 1813 году принял российское подданство. В 1816-м он женился на купеческой дочери, в браке родились четверо детей. В 1834 году Савену отказали в просьбе вернуться на родину, поскольку по распоряжению от 1826 года отпускать на родину разрешалось только холостых военнопленных. А в 1839-м Савен с семьей перебирается в Саратов и записывается в саратовское мещанство. При подворной описи мещан был составлен его словесный портрет: рост 2 аршина 3 вершка, большой нос. Сведения о времени переселения Савена в Саратов разрушили еще одну легенду: ветеран не мог пользоваться покровительством губернатора Алексея Панчулидзе, который возглавлял губернию лишь до 1826 года и умер в 1834-м.

А в 2007 году профессор Саратовского университета Сергей Мезин опубликовал хранящийся в фондах Государственного архива Саратовской области стихотворный поздравительный адрес Савена саратовскому губернатору Михаилу Галкину-Браскому. Судя по этим виршам, большим знатоком родного языка Савен не был. Однако французский язык преподавать он мог. И преподавал, ведь в фонде Военского много тому доказательств.

Перед неискоренимостью легенд вокруг последнего наполеоновского ветерана Виктор Тотфалушин иногда просто руками разводит

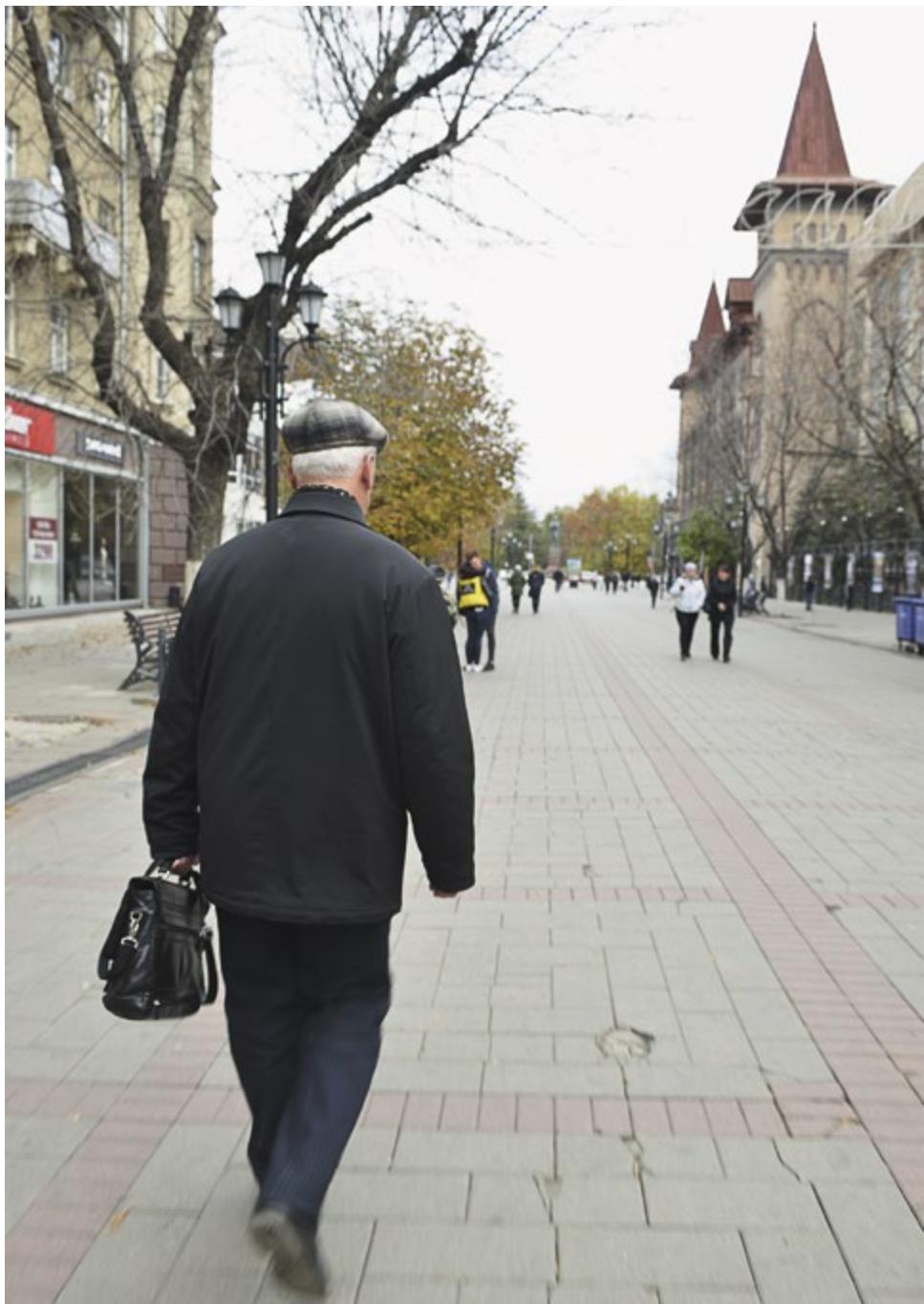
РАЗВЕНЧАНИЕ МИФОВ

Вооружившись всеми этими сведениями, Ив Гутье подключился к поискам следов Савена во Франции. Тогда-то выяснилось, что ветеран и в этой части своей биографии кое-что выдумал. Например, Савен утверждал, что получил образование в иезуитском колледже в Туре. Но это учебное заведение было закрыто по указу Людовика XV еще в 1762 году, то есть до рождения Савена. Дальше – больше. В Великой армии Наполеона существовал только 24-й гвардейский конноегерский полк. Но в списках полка, хранящихся в военных архивах, фамилия Савен не обнаружилась.

Но тут исследователям помог коллега Тотфалушина из Екатеринбурга Владимир Земцов. Он предположил, что во французской армии аналогом русских егерей были солдаты легкой пехоты. И вот в списках 24-го полка легкой пехоты под номером 10429 и обнаружился искомый Савен! Выяснилось, что на самом деле его звали Пьер Феликс. Он родился в Руане в 1792 году. Последние сомнения отпали у Ива Гутье при изучении содержавшегося в документе словес-

ного портрета: рост 1,56 метра. Это соответствует «русскому» росту 2 аршина 3 вершка, указанному в заявлении Савена от 4 октября 1839 года.

В 24-й полк легкой пехоты Савен был переведен в начале 1812 года из 2-го полка легкой пехоты, в который онступил добровольцем 26 августа 1811 года в Руане. На полях против его фамилии Ив Гутье нашел запись: «Отстал в России в 1812 г. Предположительно – погиб или попал в плен». Полевой журнал 24-го легкого полка, в составе которого Пьер пришел в Россию, ни о каких подвигах героя не поведал. А из документов 2-го полка легкой пехоты Ив Гутье узнал только о фамилии матери героя – Урдэ, а также о профессии молодого волонтера – мастер-краснодеревщик. Во время нашествия Наполеона в составе 24-го полка легкой пехоты рядовой Савен и вступил в пределы России, шагая по pontонным мостам через Неман, что так красочно описано Толстым в «Войне и мире». Свое участие в битве при Бородине Савен придумал. Он выбыл из состава своего подразделения значительно раньше. Не нашел

Ив Готье в его послужном списке и сведений об участии героя в каких-либо значимых сражениях. Зато писатель-рурист выяснил, почему Пьер Савен называл себя Николя. В Нормандии (откуда родом Савен) вплоть до Первой мировой войны был обычай брать обиходное имя у своих кузенов. У Пьера Феликса был двоюродный брат по имени Николя. А имя для отчества Андреевич Савен заимствовал у своего крестного – Жорж Андре Урдэ – родного дяди по матери.

...Мы идем с Виктором Тотфалушиным по Саратову. Повторяем маршруты, по которым двигалась согбенная фигура последнего солдата Великой армии.

– Все, кто писал о Савене, ссылались на его устные рассказы, – говорит Виктор. – Так как документы, по словам ветерана, сгорели во время пожара Присутственных мест в 1840-х годах. А вот и они...

Трехэтажное здание Присутственных мест в Саратове на улице Радищева (бывшая Николь-

Виктор Тотфалушин и сам внуk военнопленного времен Первой мировой. Поэтому его фигура на саратовских улицах невольно ассоциируется с присутствием на них последнего ветерана Великой армии...

ская), где находилось Губернское правление при Никола Савене, недавно отреставрировали и выкрасили в желтый цвет. Тогда напротив находилась Контора опекунства иностранных поселенцев. Позже на ее месте построили общежитие первой в Поволжье консерватории. В Присутственные места и в Контору Савен, по словам Тотфалушина, мог нередко приходить по своим делам. Здесь же на площади стоял собор во имя святого благоверного князя Александра Невского. Но Савен, конечно, был прихожанином находившегося поблизости католического собора Святого Климента на улице Немецкой (ныне Кирова). В советское время храм превратили в кинотеатр. Вот и все «савеновские места» Саратова...

А Ив Готье, мечтающий стать первым французским писателем, который напишет роман на языке Льва Толстого, уже издал книгу о «последнем солдате» Великой армии. Правда, перед публикацией он отправил русскую версию на консультацию в Саратов. Книга, говорит Виктор Тотфалушин, состоит из двух частей: романа, написанного на основе легенды о Савене, и исторического расследования и изучения его биографии. Презентация книги прошла и в Саратове – в зале Областной универсальной научной библиотеки. Виктор Тотфалушин надеется, что теперь выдумки о Савене прекратят тиражировать и начнут наконец писать историческую правду. Ведь от развенчания мифов история Савена хуже не стала.

Кстати, во Франции книга о Савене разошлась неплохим тиражом, и издатель поговаривает о втором издании.

Правда, Виктор Тотфалушин усмехается, когда произносит название книги своего французского друга: «Вспоминайте хоть изредка о вашем Замерзающем». Все-таки прожил на новой родине Савен 82 года не в ледяной пещере. И умер, окруженный славой и почетом...

КИНО С БУФЕТОМ

автор

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ПО ВЫХОДНЫМ ПОЯВЛЯЛАСЬ В КИОСКАХ ГАЗЕТА С ДЛИННЫМ НАЗВАНИЕМ – «КИНОНЕДЕЛЯ». СТОИЛА ОНА ПЯТАЧОК. ВСЯ ГЕОГРАФИЯ МОСКВЫ НА ЧЕТЫРЕХ СТРАНИЧКАХ. Но ГЕОГРАФИЯ ЭТА – КИНОШНАЯ. ВСЕ КИНОТЕАТРЫ – ПО АЛФАВИТУ. С УКАЗАНИЕМ ТОЧНОГО МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИЯ И ТЕЛЕФОНОМ. Я ТАК И НАЧАЛ ИЗУЧАТЬ ГОРОД – ПО КИНОТЕАТРАМ. И ВСКОРЕ МОГ ВЫИГРЫВАТЬ ЛЮБОЙ СПОР. МНЕ ГОВОРИЛИ НАЗВАНИЕ, А Я В ОТВЕТ ГОВОРИЛ АДРЕС.

Позже «КИНОНЕДЕЛЯ» превратилась в «Досуг в Москве», уже на восьми страничках. Помимо кино возникли полосы о театре, экскурсиях в ближайшее Подмосковье. Появилось больше фотографий и анонсов. Но и цена была ого-го – 15 копеек. А в те времена знаменитый еженедельник «Футбол» гриденник стоил. Помню, случайно наткнулся на вывеску «Редакция газеты «Досуг в Москве». Рядом нависает огромный серый дом – КГБ. Напротив – замечательный магазин – «Книжный мир». Недалеко «Детский мир» и памятник Дзержинскому. А редакция, значит, сидит по соседству в старой дворянской усадьбе... Не тогда ли мне впервые захотелось стать журналистом? Ходи себе в кино и пиши! Причем и ходить-то, наверное, можно бесплатно? В КГБ меня потом приглашали, а вот в «Досуг» нет... В «Досуг» я бы пошел.

В середине семидесятых годов кино в Москве – самое доступное и популярное развлечение, самое массовое и повсеместное. Кинотеатров вместе с Домами культуры было в Москве

ляю главное. В этот четверг, когда у нас всего четыре урока, есть сеанс в два часа дня. Спокойно успею. Дорога – 10 копеек, тир – 10, билет... Как раз хватит.

Сколько их было, таких походов... Сколько было интересных фильмов, волнений у входа, мне всего-то четырнадцать, вдруг не пустят, а главное – было столько наблюдений иной Москвы, совсем другого города, совсем не похожего на те места, где я живу и учусь в школе.

Потихоньку формировался вкус. Возникали стихийные знания о кино, об артистах, о дороге, о неведомых ранее людях, за которыми так интересно наблюдать. Иной раз старался заменить метро наземным транспортом, ведь так больше видно. Смогу ли я доехать, скажем, до кинотеатра «Слава», что на 1-й Владимирской, используя трамвай, автобус, троллейбус... «Слава» – двухзальный кинотеатр, если пораньше выйти в фойе, не дожидаясь конца фильма, можно и в другой зал просочиться, где показывают другой фильм и где сеанс только начался. Главное, не спешить, идти к заветной двери уверенно, как взрослый, у которого есть билет...

По всей Москве имелись большие щиты-афиши, на которых программа кинотеатров давалась очень точно на три дня вперед. Когда три дня заканчивались, kleили новую «простыню» – на четыре. Что было на афише? Адрес, название фильма, время сеансов. Что еще надо? В рекламе мы не нуждались. Выбрал фильм, прикинул и едешь.

Билет на дневной сеанс (10, 12, 14 часов) стоил 25 копеек, а в больших и центральных кинотеатрах – 30. Начиная с 16 часов появлялся вечерний тариф – 30, 40 или 50 копеек. Если фильм шел в двух сериях, умножайте на два. С 16 часов в отдельном окошечке кассы можно купить билетик на завтра – на любой сеанс. Очереди, конечно, были, но в основном вечером и на какой-нибудь особенно раскру-

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

ченный, как сказали бы нынче, фильм. Например, помню очередь на «Экипаж» с Леонидом Филатовым...

Уже в школе я побывал в разных районах Москвы. У меня появились любимые кинотеатры, где приятно бывать, и те, куда я ходил исключительно из-за фильма, который всюду прошел, а здесь его еще почему-то показывают.

Потом, в институтские свободные времена, эти знания очень пригодились.

Но и родной, свой, близкий кинотеатр «Свобода» я никогда не забывал и любил его особой любовью. Теперь-то он уж десяток лет «стоит на приколе», никого не просвещает и не радует, а в мои детские годы он был культурным центром нашего района, причем сразу для всех – и для детей, и для взрослых.

Именно здесь я ощущал потрясение от кино. И не один раз. После фильма «300 спартанцев» мы с ребятами здорово врезали по окрестному штакетнику. От-

рвал от забора короткую палку, чуть заточил с двух сторон – типичный спартанский меч! Рубились мы ими страшно.

А «Белое солнце пустыни»? А «Неуловимые мстители»? Я смотрел их 16 раз... А югославский «По следу тигра»? Там вся группа разведчиков погибает, но все же взрывает неприступный немецкий мост... А «Бриллиантовая рука»?.. А Шурик, а «Кавказская пленница»? Наизусть знали. Позже, в юности, смотрел и пересматривал в «Свободе» «Сто дней после детства», а потом и все другие фильмы Сергея Соловьева, пока он не вдарился вдруг в андеграунд и прочую скучную мне рок-культуру... Как долго пытался расшифровать «Романс о влюбленных», где ужасно нравились песни Градского и так раздражал трубач Смоクトуновский...

Родители тоже ходили в «Свободу». Когда они возвращались, я всегда спрашивал: «Ну как? Про что фильм?..» Обычно папа отвечал коротко: «Да так, знаешь, про жизнь...» И я понимал, что

они смотрят что-то другое, я-то смотрел, где про жизнь ничего не было, а было про приключения, которых в жизни я что-то не приметил. На «Три мушкетера», например, они не ходили. Хотя я очень советовал. И на индийские фильмы, где зал всегда битком – тоже. Последний их фильм в «Свободе» – «Крейцерова соната». Потом папы не стало, и больше мама в кино уже не ходила совсем, ни разу.

В «Свободе» моего детства показывали два фильма в неделю. Большие разноцветные афиши висели на боках кинотеатра, справа и слева. И качество этих рисунков, замечу, часто влияло на выбор. Когда впервые показывали «Белое солнце пустыни», я пошел на «Встречу у старой мечети» – рисунок справа мне понравился больше...

Ну а самыми первыми сеансами, конечно, были детские, утренние. Каждое воскресенье в 9 утра. Билетик стоил 10 копеек, и лучше было выйти по раньше, очередь стояла от дверей. Мест в зале всем нам

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

хватало, но начало, проспав, ты мог пропустить.

До «Свободы» мне – наискосок, через дорогу. Летом у кинотеатра обязательно появлялась бочка с квасом, и очередь за ним длиннее, чем за билетом в кино. Но мы без нытвы стояли на солнцепеке с бидонами, а как же... Квас такой вкусный, 36 копеек три литра. Лишь бы хватило бочки.

Зал казался большим, синие кресла удобными, а шторы раздвигались так медленно и торжественно, обнажая белый экран. И плыл сладковатый запах в темноте, я помню его и по сей час. Возможно, это пахло пылью. А может, совсем иным, далеким и сказочным миром.

В начале восьмидесятых диспозиция существенно поменялась. Студенческий мир привнес в жизнь качественные изменения.

Во-первых, чувство свободы. Оно существенно подкреплялось стипендией – 40 рублей в месяц!

Во-вторых, отпрашиваться у родителей стало необязательно. В-третьих, ты уже кое-что знал в городе. И с удовольствием эти знания развивал.

Времени было много. Последняя лекция завершалась у нас в 13.30 – и чем заняться дальше, ты решал сам.

Ну и всякие там «дети до 16» уже не имели никакого значения. Редкая неделя обходилась без кино.

По телевизору я старался не пропускать выпусков «Кинопанорамы». Да и журнал «Советский экран» (номер стоил 30 копеек) нет-нет да и покупал в палатке «Союзпечати». А в библиотеке перелистывал толстый журнал «Искусство кино».

Я уже уверенно отличал Михалкова от Кончаловского, польское кино от венгерского, Орнеллу Мути от Жаклин Биссет... Американских фильмов в прокат выходило немного, английских и того меньше, зато французских и итальянских шло предостаточно. Конечно, Ален Делон, Пьер Ришар, Депардье и

Бельмондо были вне конкуренции, как вне конкуренции в детстве был Гойко Митич.

Но и советское кино я смотрел с большим удовольствием. Мотыль, Рязанов, Балаян, Панфилов, Быков, Хейфиц, Швейцер, Лотяну, Данелия, Говорухин, Губенко, Шахназаров – разве можно пропустить их новые фильмы?

Как можно пропустить новые роли Евстигнеева, Янковского, Леонова, Золотухина, Ульянова, Олега Даля, Гафта, Тихонова, Ефремова, Борисова, Табакова, Папанова, Миронова, Юрия Никулина?.. Может, где-то и наблюдался застой, наше кино было в самом расцвете!

Однажды, помню, рванули с другом в «Бородино»... Минут сорок пилили на автобусе по Можайскому шоссе, на запад Москвы. Но дело того стоило – в «Бородино» давали фильм Сергея Бондарчука «Ватерлоо», который почему-то больше нигде в эту неделю не шел.

С фокусами проката мы разобрались быстро. Есть, к приме-

ру, фильмов двадцать-тридцать, которые идут повсюду. И долго еще будут идти. А есть фильмы, припрятанные по уголкам. Тут стоит поспешить, пока они совсем не исчезли. К «уголкам» относились, например, кинотеатры «Иллюзион» на Котельнической или «Повторного фильма» – у Никитских ворот.

Там можно было увидеть то, что на широком экране или не показывалось совсем, или показывалось, но давно, раньше. В этих кинотеатрах и публика – особенная. Рассуждала о мастерстве оператора... Хвалила сценариста. Или ругала художника по костюмам. Послушаешь – как поумнел.

Залы – маленькие, в ряду кресел двадцать, наверное. Тут за пять минут до начала приходить нельзя. Это даже и глупо. Табличка «Все билеты проданы» здесь не редкость.

В кинотеатре «Наука и знание», притаившемся на старом Арбате, мне удалось посмотреть фильм «Четвертый» по забытой пьесе Константина Симонова и с Высоцким в главной роли. Так-то кинотеатр показывал документальное кино, а художественное – факультативно...

В «Повторке» мы попадали на Тарковского – «Андрей Рублев» и «Солярис» – длинные, тягучие, двухсерийные. Зал, понятно, битком. Я посмотрел с интересом, но больше на Тарковского не ходил. А в «Иллюзионе» мы успели на польский «Фараон» с юной Барбарой Брыльской, «не вырезанный», как шептали знатоки в очереди...

Даже на стадионе «Лужники» был кинотеатр! Я там смотрел «Амаркорд» Феллини, и больше на Феллини никогда не ходил. В неприступном с виду «Метрополе» располагался одноименный кинотеатр! В нем работали три зала – редкость тех дней.

Кстати, о цензуре. Иногда «вырезали» правильно! Просто улучшили фильм. К примеру, в любимом французском «Великолепном», как теперь выяснилось, вырезали сцены, где полуодетая Жаклин Биссет довольно долго

баражает в дорожной грязи. В луже. Тыфу просто! Без этих сцен фильм только лучше.

Дублировали в те времена отлично, мастерски. Бельмондо дублировали Юрский или Карапченцов. Профи!

Да и отбирали картины со вкусом. Те фильмы с Ришаром, что мы не видели тогда, но посмотрели потом, оказались куда слабее тех, что показывали в СССР.

Существовала у столичных кинотеатров и еще одна, незаметная и приятная роль. В них можно было, нагулявшись по городу и устав, неспешно посидеть за чашкой крепкого варенного кофе, с бутербродом с красной икрой, рыбой, колбасой, пирожным или мороженым в специальной железной чаше. И все это с видом на реку, Обводной канал, на Арбат или Цветной бульвар. Уютно, тихо, чистенько. Культурно.

Ах, прекрасные буфеты кинотеатров «Россия», «Октябрь», «Мир», «Ударник» или «Зарядье»! Какие прекрасные девушки сидели напротив, соглашаясь на бутерброд с икрой... Какие умные разговоры велись после перекура. А перекуриТЬ после кофе мы выходили в обязательную курительную комнату, у туалетов...

В кинотеатре «Родина» я, стиснув зубы, выдержал пару индийских мелодрам. Двухсерийных! Что не сделаешь ради дамы сердца...

Часто мы пропускали начало фильма. Заходили в зал минуте на двадцатой, потому что из буфета тебя никто и никогда не торопил. Только кивали, что сеанс, мол, начался. А ты отвечал, что это ничего...

Ну, плохо ли в самом деле взять заранее пару бутербродов с красной рыбой, сок, пирожные, побольше кофе и сидеть на мягким диване, поглядывая из высокого окна на дождь? Там, за окном – быт, зонт, ветер, суета, погоня за автобусом, заботы... А у тебя – аромат кофе, накрытый стол и приятный собеседник. Или интересная девушка. И не надо спешить...

Для такого времяпрепровождения лучше всего годился отечественный детектив. В нем с любой минуты все ясно. И настроение никак не портится, и враг будет вовремя разоблачен, и жизнь хороших людей наладится, и все пойдет так, как надо...

Изготавливать такие вот приятные «дюодики» умели на всех киностудиях страны, но с особым шиком это делали прибалты, косившие под Запад. «Шах королеве бриллиантов»! Заголовочек!

Мы могли зайти на двадцатой минуте фильма и уйти, не дожидаясь конца. И после такого отдыха продолжить наш путь по Москве и, если есть настроение и возможность, повторить эти посиделки где-нибудь еще. Например, в «Новороссийске», что выстроили не так и давно в самом конце Покровки. Там, в Малом зале, кажется, идет что-то польское? И кофе в буфете весьма приличный? Решили? Значит, путешествуем не спеша переулочками – из Замоскворечья к Чистым... Погода тогда не имела решающего значения. И пары рубликов «на посидеть» было не жалко.

Пока я так предавался воспоминаниям, подоспела новость. Забытый богом и зрителями кинотеатр «Слава» купил у города предприимчивый восточный гражданин. Купил за какие-то 30 миллионов с хвостиком. Говорит, будет делать ТРЦ. Торговать и развлекать будет. Центральным порядком. Ну что ж... флаг ему в руки.

Я уж давно не хожу в кино. Хотя честно пробовал. Выбрал могучий биографический фильм. Американский. «Александр» с Джоли и Фарреллом. И кинотеатр выбрал поближе, чтобы за транспорт не переплачивать. Фильм оказался хороший. А вот долби-звук нет. Я так и просидел три часа, натянув лыжную шапку на уши. Жарковато пришло. И все равно после кино в ушах что-то ревело и бумкало. Сами понимаете – долби. И запах жареной кукурузы преследовал долго...

У СТЕН ПЕКИНА

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ЛЕТОМ 1860 ГОДА, ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ ОПИУМНОЙ ВОЙНЫ, ОБЪЕДИНЕННЫЕ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ВОЙСКА, ВАРВАРСКИ РАЗГРАБИВ ОКРЕСТНОСТИ, ПОДОШЛИ К ПЕКИНУ. ОТ НЕМИНУЕМОГО ШТУРМА ГОРОД СПАС РУССКИЙ ПОСЛАННИК ГЕНЕРАЛ НИКОЛАЙ ИГНАТЬЕВ.

ГРАФ ИГНАТЬЕВ ВЫСТАУПИЛ посредником между сторонами. Ему удалось предотвратить разорение столицы Поднебесной империи, а заодно добиться от Пекина ратификации Айгунского договора, установившего русско-китайскую границу по реке Амур.

ТАМ РУССКИЙ ДУХ

Аньдинмэньских ворот, к которым подошли тогда английские и французские войска, сейчас уже нет – они были снесены во времена китайской «культурной революции». В 1860 году, когда войска вошли в город, они расположились неподалеку от ворот – у Русского кладбища. Сегодня нет и его: теперь на этом месте разбит большой парк «Молодежное озеро».

Всего в паре километров отсюда располагается российское посольство – самое большое отечественное диппредставительство в мире: оно занимает площадь в 16 гектаров. Раньше именно на его территории находилось Северное подворье Русской духовной миссии в Китае. И сегодня этот район Пекина можно считать самым «русским»: здесь на улицах можно запросто услышать русскую речь, найти магазины с российскими продуктами, а также ресторан «Белые ночи», памятник Гагарину и Российский культурный центр.

Повезло мне оказаться в Пекине в эти весенние дни: тепло, ветра нет, все в цвету – благоухают вишни, черешни, сливы, персики, яблони, магнолии, сирень. И прогуливающиеся пенсионеры, и спешащие на работу жители столицы в восхищении замирали перед цветущими деревьями, фотографировали цветы и пчел, делали селфи.

Но главная благодать, конечно, в парках. Вот хоть в том, что разбит на месте Южного подворья Русской миссии. Сидишь на лавочке в желтом облаке мелких цветочков форзиции и наблюдаешь, как народ спорит, что это за сорт вишни или персика. Кстати, форзиция – или по-китайски

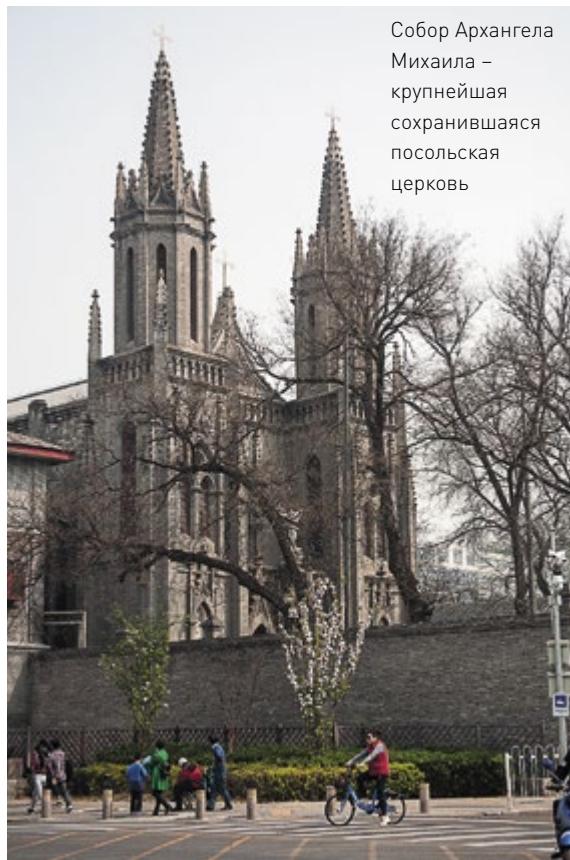

Бывший
французский
сектор
Посольского
квартала

«лянъцяо» – одно из основных лекарственных растений китайской медицины, ее цветы, к примеру, используют как средство от бессонницы. Собирают, конечно, осыпавшиеся лепестки – обрывать солнечные цветы рука ни у кого не поднимается.

ЭВОЛЮЦИЯ ХУТУНА И ВЕЛОСИПЕДА

Поселился я неподалеку от посольства в Старом городе – так называемом хутуне. В узких переулках, в лабиринтах низеньких строений из серого кирпича еще сохранились дома албазинцев – первых русских поселенцев в Пекине. Жизнь на этих улицах и в переулках, кажется, течет в неспешном деревенском ритме: после семи вечера исчезают все торговцы с лотками, а найти открытое кафе или лавку довольно затруднительно. Автомобили протискиваются сюда редко, основной транспорт здесь – велосипеды, электроскутеры, электросамокаты, крохотные трехколесные электромобильчики. Никакого рева моторов. Кто бы мог подумать, что технический прогресс вернет в эти переулки тишину? А еще здесь чувствуешь, что все эти ультрасовременные метро и поезда, фантастические развязки и вокзалы создают несколько обманчивый образ Китая как развитой страны. И простой ручной труд по-прежнему в Поднебесной почти ничего не стоит. Даже в этом хутуне, что сохранился почти в центре города, в забегаловке большая тарелка лапши со всякой зеленью и грибами стоит

Собор Архангела
Михаила –
крупнейшая
сохранившаяся
посольская
церковь

75 рублей на наши деньги. А ведь на рынке отдашь как минимум 80 процентов этой суммы, чтобы просто купить ингредиенты для этой самой тарелки.

Моя гостиница походила на старый дом китайского семейства с большим внутренним двором. По утрам его заливало солнце, и я выходил пить чай на террасу. Еще раньше меня во дворе появлялась девушка, которая расхаживала между магнолиями и вполголоса декламировала стихи. С помощью электронного переводчика и языка жестов удалось выяснить, что она приехала в Пекин, чтобы выступить на каком-то поэтическом конкурсе...

По центру Пекина я решил передвигаться на велосипеде. Надо сказать, все меньше горожан в столице пользуются личным велосипедом, предпочитая очень дешевый и удобный автоматизированный велопрокат. Велосипедные магазины и мастерские закрываются, зато открываются все новые и новые фирмы, предоставляющие велосипеды в прокат. Причем в первые месяцы вообще бесплатно. Для туриста это, кстати, не очень удобно. Прокат работает с помощью сканирования QR-кода на велосипеде, личного кабинета клиента и его личного счета. Попробуй в этой системе зарегистрируйся, внеси залог,

Посольский квартал даже в выходные дни немноголюден и тих. Мало кто из пекинцев знает, что здесь творилось летом 1900 года

пополни счет, да сделай все это, не имея карты китайского банка! В итоге мне пришлось купить маленький складной велосипед. Да и это сделать мне удалось лишь благодаря помощи директора Русского центра фонда «Русский мир» в Пекинском университете иностранных языков Дай Гуйцзюй. Кстати, 3 километра от своего дома до университета профессор Дай частенько преодолевает на взятом напрокат велосипеде.

На всех более или менее крупных улицах для двухколесного транспорта имеется полоса, отделенная металлическим ограждением. Движение по полосе одностороннее, и поток велосипедистов немногим уступает скоплению машин по другую сторону ограждения.

Бывший Посольский квартал выделяется сохранившейся европейской архитектурой. Вот французский сектор с почтовым отделением и высоким готическим собором Архангела Михаила, вот – японская миссия, ставшая ныне рестораном, американская – превращенная в музей китайской полиции. В 1900 году именно на этих улицах разыгрался настоящий триллер с участием русского десантного отряда.

ФОРТ НАВАРИН-СЫСОЕВСКИЙ

К 1900 году в Китае уже вовсю бушевало восстание ихэтуаней. В западной историографии это вооруженное движение против иностранцев принято называть «Восстанием боксеров». Придумали термин, конечно, англичане. Дело в том, что одна из групп восставших в качестве эмблемы использовала изображение кулака – оттого и появилось название «боксеры». На самом же деле к боксу они никакого отношения не имели, упражнялись в китайских боевых искусствах и были крайними экстремистами, готовыми уничтожать все некитайское в Поднебесной. Сами себя восставшие называли «ихэтуань» – «отряды гармонии и справедливости».

Один из хутунов в центре города, известный великим разнообразием уличной традиционной еды

В мае 1900 года ихэтуань приблизились к Пекину. Европейские державы в спешке взялись за подготовку обороны своих диппредставительств. Британские, французские, американские военные – всего по нескольку десятков человек в каждом отряде – были оперативно переброшены с военных кораблей в Желтое море в Пекин. 18 мая в город прибыл русский десант – 74 моряка с броненосцев «Сисой Великий» и «Наварин».

Командующий отрядом лейтенант Фердинанд Владимирович Раден так описывает ситуацию по прибытии в Пекин: «Толпы смотрят на нас зло, и мальчишки кричат из-за углов «ша» (убей) и другие ругательства; везде на базарах, в кузницах шла работа: делали пики и ножи, а красные шарфы (принадлежность боксеров) продавались открыто».

В город вошла Китайская императорская армия во главе с генералом Дун Фусяном – иностранцы были уверены, что для подавления ихэтуаней. Однако армия вместе с императрицей Цыси фактически перешли на сторону восставших. Посольский квартал был обесточен, телеграф перерезан; сожжены английские дачи и Русская духовная миссия, начались поджоги китайских домов, окружающих дипмиссии. В Посольском квартале строили заграждения, готовясь держать оборону. Русский отряд возвел бастион между Русской миссией и Русско-китайским банком высотой 3,5 метра, названную «Форт Наварин-Сысоевский».

2 июня Раден записал в дневнике: «Пошел с 30 матросами и 15 американцами в «Нантан» (католическая миссия. – Прим. авт.) – спасать христиан, которых, говорят, зверски убивают. По приходе разогнал боксеров, убив до 50 человек, и освободил до 300 христиан, которых провел в миссию; из них многие были страшно изранены; в самом «Нантане» все разграблено и сожжено, и масса изуродованных трупов женщин, детей и стариков, не успевших бежать, валяются всюду».

Русская артиллерийская батарея на стене Пекина. 1900 год

Фердинанд Владимирович Раден – герой обороны Посольского квартала

Цыси издала указ с требованием всем иностранцам покинуть Пекин в 24 часа. Однако реальной возможности уйти не было, военные отряды не смогли бы обеспечить безопасную эвакуацию полутора тысяч человек. Да и как можно было оставлять на растерзание ихэтуаней 3 тысячи китайцев-христиан, укрывшихся в Посольском квартале? Германский посланник барон фон Кеттлер лично отправился к императрице разрешить ситуацию дипломатическим путем. Поехал почти без охраны. И был застрелен первым встречным китайским солдатом, а труп его затем растерзали ихэтуань. После этого начались открытые атаки на посольства, длившиеся без малого два месяца. Китайцы порой занимали бастионы, но иностранцы отвоевывали их обратно.

НА СТЕНЕ «МАНЬЧЖУРСКОЙ» И «КИТАЙСКОЙ»

У русского отряда имелись снаряды, но не было орудия – его не успели доставить к поезду при отъезде из Тяньцзиня. Моряки раздобыли в городе старую китайскую пушку соответствующего калибра, немного переделали снаряды и заняли ключевую позицию на стене «Маньчжурского города», прилегавшую к Посольскому кварталу с юга. Осажденные сильно уступали в численности китайцам, но превосходили их в качестве оружия и умении им пользоваться. В дневное время китайцы боялись высунуться из-за своих укреплений, строили бастионы все выше и выше. Малоопытных вразумляли русские бойцы: «Немцы и французы очень много теряют людей от того, что не стро-

Русские войска входят в китайскую столицу

ят баррикад и траншей, – пишет командующий русским отрядом, – наши 10 человек в одну ночь выстроили баррикаду и показали немцам, как ею пользоваться. Теперь и они взялись за ум».

За баррикадами валялось множество трупов китайцев, в условиях 40-градусной жары они быстро разлагались, их пожирали бродячие собаки. «Голода пока нет, – продолжает свой дневник Раден, – люди измучились, так как нет сна, и нервы напряжены вечной тревогой. Кроме того, блохи, комары и мошкара мучают ужасно и вместе с жарой лишают возможности спать, когда выдается спокойный промежуток». От ужасов осады у гражданских порой сдавали нервы. Так, студент Русско-китайского банка Хитров в умопомешательстве бросился на китайцев и был убит.

Тем временем войска Альянса восьми держав (в него вошли Российская империя, Италия, США, Германия, Франция, Великобритания, Япония и Австро-Венгрия. Силы Альянса насчитывали до 45 тысяч сол-

дат и матросов. Сначала войсками командовал генерал-лейтенант Николай Линевич, затем генерал-фельдмаршал Альфред фон Вальдерзее. – Прим. ред.) готовились к походу на Пекин. По предложению императора Николая II командовать экспедицией был назначен прусский фельдмаршал Вальдерзее. Но в Тяньцзине, где собиралась 18-тысячная группировка, фельдмаршал все не появлялся, в армии царила штабная рутина, мешавшая начать поход. Русский генерал Николай Линевич, прибыв в город, без проволо-

Врата небесного спокойствия, ведущие в Запретный город

Освобожденная Русская миссия. В центре – генерал Николай Линевич

чек взялся за дело. На военном совете союзники избрали его «временным» главнокомандующим и двинулись на Пекин.

Уже 1 августа союзники преодолели и внешнюю крепостную стену «Китайского города», и внутреннюю – «Маньчжурского». Императрица с остатками армии и ихэтуанями бежали из города. Фактически штурм был осуществлен силами русских и японских войск, которые потеряли 134 и 150 человек соответственно. Армия подоспела вовремя: по оценкам командующих обороной посольств, осажденные могли продержаться еще лишь несколько дней.

В Русской миссии Линевичу и другим русским офицерам устроили торжественный прием с обедом. Все блюда на столе были приготовлены из риса, а в бокалы была налита обычная вода. Лейтенант Раден впоследствии был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, а также пятью орденами иностранных держав. На рассвете 2 августа американцы открыли артиллерийский огонь по Запретному городу. Линевич заявил протест, поддержаный союзниками, благодаря чему сокровища китайской культуры удалось спасти от разрушения. И все же в городе воцарились насилие и грабеж. Разграблен был даже взятый под международную охрану Запретный город. Союзники обвиняли друг друга в бесчинствах и не признавали своей ответственности. Простые горожане спасались бегством, знатные китайцы совершили самоубийства. От ихэтуаней, рубивших головы всякому иностранцу, и европейцы заразились средневековой дикостью. На архивных фотографиях офицеры позируют с довольным видом на фоне отрубленных голов. А фотографы смаковали казни ихэтуаней: видно, что несколько дублей делали, чтобы поймать момент отсечения головы.

ЗА ВРАТАМИ СПОКОЙСТВИЯ

Теперь, разъезжая по бывшему Посольскому кварталу, представить, что происходило здесь в самом начале XX века, довольно сложно. Вместо «Маньчжурской» стены – дорога, от Русской миссии не осталось и следа – большую ее часть занимает отель «Руйан». Внешние стены «Китайского города» снесены в конце 1960-х годов из-за строительства Второй кольцевой дороги. Сохранились лишь некоторые башни и местами руины, заросшие деревьями. А какое это было грандиозное сооружение! Начало XV века, высота стен – 15 метров, ширина – около 20 метров. Я прошел через массивную пятиярусную Стрелковую башню, затем через Солнечные ворота, пересек площадь с мавзолеем Мао Цзэдуна и оказался перед входом в Запретный город – Вратами небесного спокойствия с большим портретом китайского вождя.

В насыщенной революциями первой половине XX века надвратные портреты менялись: Сунь Ятсен, Чан Кайши, Чжу Дэ. У нас многие полагают, что это сооружение и есть мавзолей Мао. А что еще подумаешь, если в новостях по телевизору только эти врата с портретом и показывают? Военные парады опять же перед ними проходят, как перед Мавзолеем Ленина. Настоящий мавзолей Мао если и попадает в кадр, то нашему зрителю незамечен – очередной образчик социалистической архитектуры. Интересно, что и для самих китайцев образ коммунистического вождя слился не с новостроем, а с вратами императорских времен. Символ советско-китайской дружбы соответственно – Спасская башня Кремля и небесно-спокойные врата Запретного города. Такое изображение есть, например, на памятнике в Порт-Артуре, где врата свободны от какого-либо портрета.

Город был «запретным» для всех, кроме приближенных императора. Редким европейским посланникам доводилось бывать здесь. 15 августа 1900 года рези-

Солнечные врата, служившие во времена осады сторожевой башней стены «Маньчжурского города»

денция лишилась своей тайны: 3-тысячная армия союзников прошла через дворцовый комплекс парадом. Шествие возглавляли русские войска, как первые вошедшие в Пекин, за ними следовали японцы, англичане, американцы, французы... Войска побывали и во «внутреннем дворце», который даже китайские сановники не видели. Здесь не проводились приемы, это были покой императорской семьи.

За «Небесным спокойствием» следуют врата «Полуденные», далее – «Высшей гармонии». Врата чередуются с огромными площадями, церемониальными залами, павильонами, дворцами, улицами, жилыми и хозяйствен-

ными постройками – всего почти тысяча сооружений, действительно целый город с желтыми крышами с глазурью и чеприцей. Дворец строило около 100 тысяч мастеров резьбы по дереву и камню, скульпторов, ювелиров, художников. Большинство залов и павильонов выполнены из дерева и являются оригинальными постройками 600-летней давности. Статус сооружения определяется по количеству фигурок на краю крыши – драконов, феников, единорогов. В самом центре города возвышается Зал верховой гармонии – единственное здание в Поднебесной, имеющее 10 фигурок. Во время парада 1900 года перед этим залом проводились основные торжественные мероприятия.

В Императорском саду правитель с семьей предавались занятиям искусством и науками. Ландшафтный дизайн здесь своеобразен. 600-летние кипарисы и розовые вспышки цветущей вишни, кривые узловатые стволы, не менее уродливые камни и окаменелости, классическая скульптура и курильницы; воплощающие гармонию беседки-павильоны «Тысячи осеней», «Тысячи весен»... Еще голые сорфоры, призванные затенять аллеи от палящего солнца, без

Спасская башня Кремля и Врата небесного спокойствия на памятнике советско-китайской дружбы в Порт-Артуре

листьев выглядят довольно странно: словно черные осьминоги, раскинувшие в стороны свои корявые ветки-щупальца. Само собой, попади в 1900 году сюда снаряды, древний сад выгорел бы дотла. И реставрации он не поддается.

Из Императорского сада можно пройти сразу в Сад долголетия, оттуда во Дворец спокойного долголетия... В общем, не исходить этот город за целый день. А день здесь короткий. Откуда ни возьмись появились целые отряды секьюрити в ярких жилетках, которые без лишних слов вытеснили публику из всех «запретных» концов на центральные площади, а там и на улицу, и ровно в 16.30 ворота закрыли.

ПРАЗДНИК УСОПШИХ

Возвращался я в гостиницу, когда уже стемнело. Вечерняя езда по дороге на велосипеде – двойной экстрим. Электроскутеры нагло мчатся навстречу потоку, как и днем, фары не включают – экономят заряд батареи. Так что поехал я в свой хутун переулками. Там хоть темнота и дороги не разобрать, все равно целее будешь. Так же пробирался я здесь прошлым вечером. И удачно свернул в нужный переулок возле горящих костров. Вижу: снова на том же месте горят костры.

Подъехал посмотреть, что такое народ жарит, сидя на корточках у огня. Оказалось, юани... Развязывая пачки денег, китайцы подбрасывали в огонь всё новые и новые купюры. Совсем как настоящие, со стороны отличаются только небывалым для Поднебесной номиналом – 500 юаней, 1000 юаней, 10 000 юаней. Стা-

Мавзолей
Мао Цзэдуна,
построенный
в 1977 году

Старый кипарис
в Императорском
саду – в народе
«арка удачи»

ло быть, настал долгожданный Цинмин – праздник поминовения усопших.

Долгожданный он, поскольку гуляет вся страна четыре дня кряду. Да еще выпал праздник на самые благословенные природой дни. С самого утра совсем тепло стало. Видно, только по привычке китайцы все еще ездили на скутерах в теплой зимней защите. На эти своеобразные фартуки-наружавники здесь вообще своя мода: мотоциклистам – черные однотонные, мотоциклисткам – сиреневые, оранжевые, пестрые, в цветочек, в горошек.

В первый день праздника в центре города было не протолкнуться. Что там творилось в Запретном городе, не знаю – людской поток занес меня в самый старый хутун. Бурлящая река народа билась в узком ущелье переулков. Непонятно, ради чего столпотворение – никаких достопримечательностей здесь нет. Развлечение вот такое:ходить толпой по узким улочкам Старого города. Несколько гитаристов нашли укромные местечки и исполняли авторские песни. Всеобщее гулянье захватило и местную собачонку. Она вылезла на самый конек крыши, откуда самозабвенно выла, поглядывая на толпы народа и подпевая гитаристам.

Выбрался на широкую дорогу – и там скопление гуляющих. На сей раз на площади возле станции метро собрал зрителей престарелый шоумен. Молодежь смотрела с интересом и снимала на смартфоны, как мастер выделявал на коврике разные фигуры. Сразу видно: неискушенная публика. Неужели последние даосские мастера сгинули во времена «культурной революции»? Седовласый выступающий хоть и был видом стар, его позы ни на какой там цигун или тайцзи никак не тянули. Не очень стройная березка, кувырки взад-вперед – словом, урок физкультуры в третьем классе. И все с таким важным видом и медитативными жестами. У нас бы сочли за клоунаду.

ХРАМ НЕБА И ГОЛОВА ИНЖЕНЕРА ВЕРХОВСКОГО

Среди монументов, посвященных старой китайской жизни, на пешеходной торговой улице выделялся памятник кули, который тащил своего седока да сломались оглобли. То есть такой символ освобождения от рабского труда. Залезая в коляску кули, прохожие отполировали бронзу до блеска. Экзотика. Настоящие кули теперь остались только в Калькутте. А в российском посольстве до сих пор можно услышать истории о том, как советским дипломатам приходилось деликатничать с кули. В Москве

пользоваться кули строго запретили: советский дипломатик должен был отвергнуть эксплуататорский транспорт. А ведь в 1920–1930-е годы кули оставались самым доступным средством передвижения – на извозчика денег не напасешься и весь Пекин пешком не исходишь. Поэтому дипломаты отходили на два квартала от посольства и там брали кули. Так же и обратно: высаживались из коляски в двух кварталах и показательно приходили в дипмиссию пешком.

Ну а я на велосипеде доехал до храма Неба. В огромном парке, окружающем храм, как мне ка-

тихая беседка
у храма
Неба. Парки
в центральной
части Пекина
занимают
необычайно
огромные
пространства

Для иностранцев
мастер-класс
по тайцзи
происходит
по принципу
«делай как я»

залось, плотность гуляющих должна быть минимальной. И в самом деле угадал: цветущие рощи, почти безлюдные беседки среди пихт и сосен. Можно пройтись среди древних кипарисов или окунуться в чащу молодых кипарисов в полном одиночестве. Оказалось, можно и настоящим тайцзи здесь позаниматься. Прямо посреди аллеи обучала всех желающих подлинный мастер – женщина, одетая в ифу небесного цвета учителя. Клоунадой теперь было то, как все мы пытались повторять за ней движения. Праздничные развлечения в парке традиционные – не чета молодежной тусовке у метро. В разных частях парка группы по интересам: одни певчих птичек приносят в клетках, другие сбиваются в целые оркестры. Меньше всего слушателей было у команды аккордеонистов – наигрывали они что-то уж очень заунывное.

Кстати, в 1900 году этот грандиозный храмовый комплекс вместе с чудесными рощами также мог превратиться в пепел, не окажись во главе союзных войск разумный русский генерал. Парк окружала южная стена «Китайского города», которую штурмовали английские войска. Конечно, сами китайцы вряд ли согласятся на какую-либо положительную оценку действий русских в ту войну. В их сознании – это только разграбление Пекина, страшная картина унижения Поднебесной. А ихэтуани – скорее, национальные герои. Признать это открыто и ставить им памятники мешает только их религиозный экстремизм: то, что они не только с иностранным засильем боролись, но и своим же китайцам-христианам безжалостно рубили головы. А в России, дай бог, кто-нибудь вспомнит о русских героях, заметив, например, на Пятницком кладбище в Москве такой обелиск: «Здесь погребена голова инженера путей сообщения Бориса Алексеевича Верховского, казненного китайцами-боксерами...»

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

**Во всех почтовых
отделениях России:**
по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог
Прессы России».
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

**В почтовых отделениях
стран СНГ:**
по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:
электронный каталог агентства
«МК-ПЕРИОДИКА» на сайте
www.periodicals.ru

**Корпоративная подписка
по Москве (доставка курьером):**
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru